

**Министерство науки и высшего образования РФ**  
**ФГБОУ ВО «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА**  
**И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РФ»**  
**(ФГБОУ ВО «РАНХиГС»)**

*На правах рукописи*

Волкова Наталия Алексеевна

**ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОЦИОЛОГИИ КОНЦА XX –**  
**НАЧАЛА XXI ВЕКА: МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И**  
**СОЦИОМАТЕРИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ**

Специальность: 5.4.1. «Теория, методология и история социологии»

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата социологических наук

Научный руководитель:  
канд. филос. наук, доц.  
И. В. Дуденкова

Москва – 2026

## СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	5
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ОБЪЕКТ .....	23
Глава 1. Введение .....	23
Раздел 1. «Черный ящик»: от фотокамеры к эксперименту .....	27
Раздел 1.1. «Черный ящик»: между качественными и количественными описаниями .....	27
Раздел 1.2. Камера-обскура: качественное отображение реальности .....	33
Раздел 1.3. Фотокамера Беньямина: превращение качественного образа во множество копий .....	39
Раздел 1.4. Фотография как отражение массового вкуса: возможен ли обратный ход эксперимента? .....	44
Раздел 1.5. Реконструкция отношений как основа эксперимента .....	49
Раздел 1.6. Эксперимент как поиск связей между разными типами переменных .....	54
Глава 1. Раздел 2. Открыть «черный ящик»: границы эксперимента .....	57
Раздел 2.1. От «черного ящика» к эксперименту: изменчивость описаний .....	57
Раздел 2.2. Три типа описаний: от объекта к границам его культуры .....	63
Раздел 2.3. Линейное повествование: техническое описание .....	69
Раздел 2.4. Сеть экспериментов: расширенное описание (пересказ) .....	74
Раздел 2.5. Двойная редукция объекта: репрезентация репрезентации ..	79
Раздел 2.6. Результат социального эксперимента: определить границы изменчивости .....	84

Глава 1. Раздел 3. Открыть «черный ящик»: эксперимент и фабрикация объекта.....	88
Раздел 3.1. Неуниверсальная культура: что значат ошибки?.....	88
Раздел 3.2. Экспериментальные факты: фабрикация/производство ошибок.....	93
Раздел 3.3. Реалистичные репрезентации и эстетические изменения: перспектива и пейзаж .....	99
Раздел 3.4. Нереальные репрезентации и концептуальные изменения: иконические образы и сны .....	104
Раздел 3.5. Пучок репрезентаций: ошибки как точки перехода .....	110
Раздел 3.6. Материальная семиотика как экспериментальная техника	114
Вывод по главе 1 .....	118
Связь с общей концепцией работы .....	120
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА.....	121
Глава 2. Введение .....	121
Глава 2. Раздел 1. Реформы.....	125
Раздел 1.1. Эксперимент: линия реформ .....	125
Раздел 1.2. Материальная техника и формы социального.....	130
Раздел 1.3. Карты .....	135
Раздел 1.4. Процедуры.....	140
Раздел 1.5. Регламенты .....	146
Раздел 1.6. Фабрикация права.....	151
Раздел 2.2. Классика: сети теории .....	155
Раздел 2.1. Эксперимент: возвращение к классике .....	155
Раздел 2.2. Социальные иерархии и материальные формы.....	160
Раздел 2.3. Классика .....	164

Раздел 2.4. Теория: читая классиков .....	170
Раздел 2.5. История как инструмент делания теории/навигация по общению с классиками .....	174
Раздел 2.6. Фабрикация теории .....	179
Раздел 2.3. Канон: материальная техника.....	183
Раздел 3.1. Эксперимент: кейсы и их описания.....	183
Раздел 3.2. Социоматериальная изменчивость: как устроен канон.....	189
Раздел 3.3. Локальный текст: техническая форма и городские изменения .....	195
Раздел 3.4. Изменчивый канон: социология пространства и техническая форма .....	200
Раздел 3.5. Сети городских исследований: мерцающая объективность и (не)публичная экспертиза.....	205
Раздел 3.6. Фабрикация культуры: пределы социоматериального эксперимента .....	210
Вывод по главе 2 .....	215
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	220
БИБЛИОГРАФИЯ.....	230

## ВВЕДЕНИЕ

### *Актуальность*

В основе диссертации лежит спор Поппера<sup>1</sup> и Адорно<sup>2</sup> о методе социальных наук, который Фрисби назвал «Диспутом о позитивизме в немецкой социологии».<sup>3</sup> Адорно, Хабермас и их коллеги по Франкфуртской школе описывают позицию Поппера как позитивистскую, хотя сам Поппер позиционирует себя как критика логического позитивизма. Позитивизм Поппера с точки зрения Адорно и Хабермаса отличается от логического позитивизма тем, что он отказывается от идеи универсальной науки, но настаивает на возможности универсального научного метода – фальсификационизма. Наличие универсального научного метода является для Поппера уловием объективности выводов исследований, а единственной формой его реализации – это экспериментальные процедуры.<sup>4</sup>

Антискептицистская логика критической социологии Адорно и его коллег по Франкфуртской школе предполагает смещение акцента с поиска объективных истин на коммуникацию, направленную на достижение справедливого порядка за счет обращения также к субъективному опыту. Однако это не решает проблемы субъективизма социологии, поскольку не ясно, как соотносится справедливость и рациональность действий внутри сообщества? Если Поппер прав и у социальных наук нет объективного метода, то наблюдаемый мир иллюзорен и нет общих оснований социального порядка. Если правы критические социологи и основания для социального порядка

---

<sup>1</sup> Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – Т. 10. – С. 65–75.

<sup>2</sup> Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – Т. 10. – С. 76–86.

<sup>3</sup> Frisby D. The Popper-Adorno controversy: The methodological dispute in German sociology // *Philosophy of the Social Sciences*. – 1972. – Т. 2. – №. 1. – С. 105-119; Keuth H. (2015). *The positivist dispute in German sociology: A scientific or a political controversy?* *Journal of Classical Sociology*, 15(2), 154–169.

<sup>4</sup> Ray L. J. Critical theory and positivism: Popper and the Frankfurt School // *Philosophy of the Social Sciences*. – 1979. – Т. 9. – №. 2. – С. 149-173.

определяются исключительно моралью и этическими принципами, то не ясно, за счет чего нормы обладают силой и не подвергаются фальсификации.

Другую версию анти-позитивизма предлагает сильная программа Единбургской школы социологии знания, в первую очередь, Блур<sup>5</sup> и отделившаяся от нее позже акторно-сетевая теория (ANT). Однако, сильная программа социологии знания опирается в значительной степени на рецепцию идей Витгенштейна, но не справляется ответом на вопрос, как эти идеи применимы к ней самой.<sup>6</sup> Исследователи ANT соединяют работающие элементы аргументации ранней Франкфуртской школы, обращаясь к работам Фуко и Бенямина, и сильной программы социологии знания в рамках метода материальной семиотики. Это позволяет ANT выстроить альтернативную анти-позитивистскую программу социологии знания,<sup>7</sup> которая утверждает множественность научных методов и отказывается от монополии научной (теоретической) рациональности на познание реальности.<sup>8</sup>

Решение проблемы множественности и неуниверсальности метода исследователей ANT можно описать как социоматериальный эксперимент (СМЭ), чтобы отделить его от естетсвеннонаучного.<sup>9</sup> Для Латура различия между описанием и экспериментом минимальны, оба нацелены на публичную демонстрацию и убеждение наблюдателей: ключевой характеристикой

---

<sup>5</sup> Bloor D. Essay Review: Popper's Mystification of Objective Knowledge: KR Popper, Objective Knowledge: an Evolutionary Approach. Oxford: Clarendon Press, 1972. x+ 380.£ 4.50 hardback,£ 1.50 paper //Science studies. – 1974. – Т. 4. – №. 1. – С. 65-76.

<sup>6</sup> Блур Д. Анти-Латур // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – С. 85–134; Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – С. 135–162.

<sup>7</sup> Star S. L. Introduction: The sociology of science and technology //Social Problems. – 1988. – Т. 35. – №. 3. – С. 197-205.

<sup>8</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – Изд-во Института Гайдара, 2015.

<sup>9</sup> Латур предлагает название коллективного или социотехнического эксперимента. Мы будем пользоваться концептом СМЭ, чтобы удерживать связь с материальной семиотикой и не ограничиваться исключительно идеями Латура. См: Callon M. Is science a public good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 march 1993 //Science, Technology, & Human Values. – 1994. – Т. 19. – №. 4. – С. 395-424; Latour B. From the World of Science to the World of Research? //Science. – 1998. – Т. 280. – №. 5361. – С. 208-209; Latour B. Which protocol for the new collective experiments //Kultur im Experiment. – 2004. – С. 17-36.

эксперимента становится его публичность.<sup>10</sup> СМЭ не следует позитивистикой цели на проверки каузальных цепочек на истинность, но испытывает степень искажений инструментов описания ситуаций. Исход СМЭ опеределяется устойчивостью описания, которое зависит от ограничений инструментов описания, то есть, возможностей оптики, и ограничений рациональности данной культуры, которая воплощается в материальной организации социальных взаимодействий.

### ***Степень разработанности темы***

Несмотря на то, что эксперименты являются ключевым кейсом для исследований ANT,<sup>11</sup> в ANT экспериментальность методов концептуализируется скорее не как жесткое ограничение, описывающее экспериментальную ситуацию в лаборатории или в поле,<sup>12</sup> а как атрибут действия – свойство его незавершенности, изменчивости или текучести, которое Ло и Мол описывают как топологию,<sup>13</sup> а Каллон как перформативность.<sup>14</sup> Таким образом, экспериментальность метода ANT выступает как изменчивость способа действия за счет наличия скрытых возможностей и репрезентация этой изменчивости действия в описаниях.<sup>15</sup> Экперимент в ANT обладает четким ядром – объектом или ситуацией

---

<sup>10</sup> Latour B. The Force and the Reason of Experiment: For Françoise Bastide. In memoriam //Experimental inquiries: Historical, philosophical and social studies of experimentation in science. – Dordrecht : Springer Netherlands, 1990. – С. 49-80.

<sup>11</sup> Latour B., Salk J., Woolgar S. Laboratory life: The construction of scientific facts. – 2013.

<sup>12</sup> Marres N., Stark D. Put to the test: For a new sociology of testing // The British Journal of Sociology. – 2020. – Т. 71. – № 3. – С. 423–443.

<sup>13</sup> Law J., Mol A. Situating technoscience: an inquiry into spatialities //Environment and planning D: society and space. – 2001. – Т. 19. – №. 5. – С. 609-621.

<sup>14</sup> Callon M. Markets in the making: Rethinking competition, goods, and innovation. – Princeton University Press, 2021;

<sup>15</sup> Можно утверждать, что позитивисткой экспериментальность исследователи ANT противопоставляют игровую экспериментальность, о которой, в частности писал Гоффман, но ограничиваясь сменой фреймов взаимодействия и в меньшей степени затрагивая изменения в самом действии или в ролях участников, см.: Гоффман. И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Москва: Институт Социологии РАН, 2003; Гоффман, Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. Москва: Изд-во «Элементарные формы», 2017.

изменений (кейсом), но границы эксперимента могут полвергаться сомнению и расширяться, превращаясь из одного кейса в цепочку кейсов.<sup>16</sup>

Множество экспериментальных методов ANT Ло описывает как различные применения метода материальной семиотики, который рассматривает изменчивость объектов и акторов, пермещающихся в социальных и материальных сетях.<sup>17</sup> Основания материальной семиотики Ло и его коллеги также берут во Франкфуртской школе: из работ Фуко и, частично, Беньямина.

Основной тезис Фуко в том, что проблема попперовского отношения к методам социальных наук в том, что Поппер слишком буквально читает Платона, считая его модель идеального государства руководством к действию. В отличие от Поппера,<sup>18</sup> Фуко беспокоит не технический инструментализм государства, а сама структура государственного контроля как таковая. Однако ограничением в подходе Фуко, с точки зрения исследователей STS, остается его представление о том, что регулирование осуществляется за счет внешних границ, которые представляют собой условия возможности и цель социальных наук в их расширении.<sup>19</sup> Обращаясь к идее контроля, Ло предлагает другой подход, который основывается на описании видимых элементов как части скрытых и невидимых аллегорических сетей, с помощью которых и осуществляется функция контроля. Эти сети описываются уже не через идею явного контроля и властных отношений Фуко, а через обращение к концепту аллегорического объекта Беньямина, где последний выступает как который

---

<sup>16</sup> Количественная формализация эксперимента ANT не будет рассматриваться в данной работе, однако, ее можно представить как «обратную» модель Рубина (то есть, анализ не набора схожих объектов и сравнение эффектов между ними, а анализ действия одного объекта в разных социальных условиях) в сочетании с факторным экспериментом, для установления того, как и в зависимости от чего формируются различные исходы и как они зависят от условий, в которых действует объект. Данная формализация находится в разработке и будет в дальнейшем уточняться.

<sup>17</sup> Law J. Actor-network theory and material semiotics // *The new Blackwell companion to social theory* / ed. by B. Turner. – Oxford : Blackwell, 2009. – P. 141–158.

<sup>18</sup> Фуко М. (2011). Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. – М. : Наука. – С. 261–267; Williams K. (1975). *Facing reality – A critique of Karl Popper's empiricism. Economy and Society*, 4(3), 309–358.

<sup>19</sup> Ло Д. Объекты и пространства // *Социологическое обозрение*. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

выступает как инструмент неявного регулирования и форма скрытой репрезентации.<sup>20</sup>

Другой важной фигурой, которая показывает размежевание STS с Поппером, выступает Александер, как представитель сильной программы культурсоциологии и один из последних больших теоретиков социологии. В 4-м томе «Theoretical Logic in Sociology» Спор о позитивизме Поппера и Адорно, независимо от различий интерпретаций и способов противостоять Попперу или соглашаться с ним, большая часть исследований обращается к метафоре «наука как культура» как к базовой и представляет культуру как практический концепт.<sup>21</sup> Александер проводит аналогию между стремлением к объективному экспериментальному знанию Поппера и ставкой Парсонса на разработку теоретической социологии как способа избежать оценочных суждений в гуманитарной дисциплине.<sup>22</sup> Для Александера эта ставка требовала возвращения к классическим истокам социологии, преимущественно в работах Дюркгейма и Вебера,<sup>23</sup> и основании сильной программы культурсоциологии, где культура понимается как автономная реальность, которая может быть объясняющей для наблюдаемых социальных процессов.<sup>24</sup>

В отличие и от Александера, и от Поппера, ANT определяет культуру не как автономную (идеальную) реальность или практику, а как результат эстетических суждений, которые производят материальные объекты или производятся в связи с ними. Описывая материальную культуру Ло или его коллеги используют кантовскую трактовку ранних работ Вальтера

---

<sup>20</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – Изд-во Института Гайдара, 2015.

<sup>21</sup> Law J. On sociology and STS // The sociological review. – 2008. – Т. 56. – № 4. – С. 623–649.

<sup>22</sup> Alexander J. C. Theoretical Logic in Sociology: The modern reconstruction of classical thought: Talcott Parsons. – University of California Press, 1982. – Т. 4. – С. 196.

<sup>23</sup> Alexander J. C., Smith P. The strong program in cultural sociology: Meaning first // Routledge handbook of cultural sociology. – Routledge, 2018. – С. 13–22.

<sup>24</sup> Куракин Д. «Сильная программа» в культурсоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии. Послесловие редактора спецвыпуска // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 155–178.

Беньямина, в частности, его концепта аллегии и аллегорического объекта.<sup>25</sup> В пространстве социальных дебатов конца 1990-х – начала 2000-х годов эту линию развивал Лэш.

Лэш разрабатывает идею культурного («плохого») объекта и тем самым дает основания для иной, не теоретической, а материальной интерпретации культуры. Эта интерпретация и ложится с начала 1990-х годов в основание проекта социологии как экспериментальной науки, которая описывает мир образов, но не в форме идей, а в виде их материальных репрезентаций.<sup>26</sup> Лэш критикует Латура и отчасти продолжает линию, связанную с антискептицистским подходом Адорно, но опирается на тексты его коллеги Беньямина, показывая, что материальное понимание культуры опирается на различение аллегорического как составного, «плохого» материального объекта и символического или теоретического объекта. Аллегорический объект Беньямина у Лэша не только противостоит идеальному символу Александера, но также конкретизирует и дает материальное воплощение идее контроля, которую развивал Фуко, при этом показывая, как контроль связан не с внешними границами объекта, а со способом его организации. Таким образом, Лэш, хотя Лэш и не относится напрямую к кругу исследователей ANT, его критика оказываются ключевыми для понимания и реконструкции способа действия центрального метода ANT – социоматериального эксперимента (СМЭ).

Описание материальной воплощенности культуры, позволяет исследователям ANT преодолеть разрыв между скептическим (сильная программа социологии знания) и антискептическим (этнометодологи) лагерем трактовки «следования правилу» Витгенштейна.<sup>27</sup> Если социологический метод понимать как «правило» Витгенштейна, то экспериментальный

---

<sup>25</sup> Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. – Аграф, 2002.

<sup>26</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

<sup>27</sup> Линч М. Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. – 2013. – № 1-2. – С. 155–213.

характер метода предполагают тестирование двух ситуаций: и самих правил-методов через их изменчивость и возможности допущений, и тех той социальной среды, в которой они реализуются через столкновение с материальными и организационными культурными ограничениями.<sup>28</sup> При этом ограничения культуры, в случае АНТ стоит понимать как ограничения рациональности или ее особую форму, воплощенную в способах организации, характерных для этой культуры.<sup>29</sup> Таким образом, возможность следовать правилу-методу и его экспериментальный характер описываются двумя ограничениями: возможностями отклонения действия и способом организации действия, который характерен для данной культуры и отражает ее рациональность.

### ***Объект и предмет исследования***

Объектом исследования является социоматериальный эксперимент как метод, реконструкция которого позволяет показать, как делается объективность в социологии и чем определяются материальные границы рациональности. Действие СМЭ определяет границы применимости подходов «материальной семиотики» в АНТ и последовательно реконструируется на примере теоретических и прикладных кейсов.

Предметом исследования выступают эмпирический метод действия на примере кейса российской постсоциалистической культуры. Его анализ показывает ограничения применимости СМЭ, которые могут быть связаны как с материальными аспектами (эстетикой), так и с социальными нормами (этикой). Это позволяет понять характер и возможности применимости СМЭ в зависимости от специфики кейса и характера эксперимента.

---

<sup>28</sup> Вопрос о различных рациональностях в связи с различиями культур активно обсуждается в антропологии, см. обзор: Волкова М. Д. «Критика антропологического разума»: несомненная истина и кубинские предсказатели //Социология власти. – 2021. – Т. 33. – №. 4. – С. 147-168.

<sup>29</sup> В данном случае стоит обратиться к пониманию культуры как набору ценностей (values) и способам оценивания (evaluations), которые в рамках новой экономической социологии развивает Каллон с коллегами см.: Çalışkan K., Callon M. Economization, part 1: shifting attention from the economy towards processes of economization //Economy and society. – 2009. – Т. 38. – №. 3. – С. 369-398.

### ***Цель исследования:***

Описать, как работает метод социоматериального эксперимента (далее – СМЭ), и обозначить границы его концептуальной и практической применимости, основываясь на историко-теоретической реконструкции развития подхода в социологии науки и техники (STS) и, в частности, в акторно-сетевой теории (ANT), а также на эмпирических кейсах, описывающих действие СМЭ в российской постсоциалистической культуре.

### ***Задачи исследования:***

1. Сделать историко-теоретическую реконструкцию метода СМЭ как основы экспериментального метода в версии исследований ANT.
2. Показать, как метод СМЭ формирует основания эмпирического подхода в социологии: основанного на исторической реконструкции при формировании теории и на анализе практических кейсов, при ее тестировании.
3. Проанализировать, как формируются этические границы эксперимента в социальных науках.
4. Показать, как описывают ограничения рациональности конкретной культуры ее эстетические (материальные) границы.
5. Показать, как метод СМЭ делает этические и эстетические границы культуры видимыми и позволяет выделять их устойчивую форму.
6. Выявить, как формируется ядро действия метода/культуры в виде сборки этических и эстетических методов описания их границ.
7. Представить взаимосвязь социальных (этических) и материальных (эстетических) элементов эксперимента, которые позволяют управлять им и использовать метод СМЭ в упрощенной экспресс-форме для практических целей.

## *Научная новизна*

1. **Историографическая новизна:** Исследование вводит в российский научный оборот значительное количество англоязычных источников (малоизвестные в российской традиции работы Стенгерс, Харауэй, Ло, Мол, Линча, Лэша) в исследованиях ANT и близких к ним работах, которые не были описаны или проанализированы в русскоязычном академическом дискурсе. Кроме того, эти источники сопоставлены с русскоязычной традицией исследований в области ANT, что позволяет более полно соотнести ее с евро-американской социологической традицией. Кроме того, рассмотрена до этого не обсуждавшаяся рецепция идей Бенямина в ANT.

2. **Теоретическая новизна:** Исследование показывает, что корпус исследований ANT можно описывать как альтернативу «большим теориям» XX века – например, Парсонса или Тилли. Исследования ANT объединены концептуальным методом социоматериального эксперимента. В то же время СМЭ работает на промежуточном уровне между макро- и микроподходами, что позволяет социологии в версии ANT сохранять статус экспериментальной и эмпирической непозитивисткой науки и требует ревизии существующих методов как экспериментальных.

3. **Методическая новизна:** Исследование предлагает описание метода эксперимента не в позитивистской версии, а концептуальной модели, где объектом экспериментирования становится устойчивость описания или репрезентация. Концептуальная модель СМЭ делает возможным выявление реконструкции скрытых связей и отношений между явлениями, а также анализ длительных исторических и институциональных трансформаций.

4. **Практическая новизна:** В исследовании предложена операционализация «материальных границ» культуры, которые связаны с ограниченностью рациональности действия в соответствии с ограничениями объективности описаний в пределах данной культуры.

## *Теоретическая значимость*

Историко-теоретическая реконструкция метода СМЭ и определение границ экспериментального метода в социологии показывают возможный ответ на критику Поппера в адрес социологии как науки, которая принадлежит, с его точки зрения, к миру культуры и идей, а не к миру опыта и экспериментальной науки. Однако исследователи ANT принципиально меняют сам метод научного спора (контроверз): они не вступают в прямую конфронтацию с Поппером, а фактически предлагают альтернативную модель экспериментального метода.

Неявный характер эксперимента ANT в области социальных наук объясняет выбор метод историко-теоретической реконструкции, который объединяет два подхода к историческим кейсам, существовавшим в социологии 1970–1990-х годов. В статье «Развивая Витгенштейна» Линч представляет их как метод исторических кейсов Блура, где рассматриваются макроисторические явления, и микроанализ этнометодологов делания теории, где кейс «открытия» конструируется постфактум.<sup>30</sup> Опираясь на описание способа действия эксперимента Шейпином и Шеффером,<sup>31</sup> можно сказать, что эксперимент на макроуровне возникает в споре между теоретиками, но он может оставаться скрытым и невидимым, в то время как видимыми выступают только отдельные кейсы, которые рассматривают теоретики. Таким образом, данное исследование показывает, как работает экспериментальный метод и как он преодолевает разрыв между макро- и микроуровнями в социальных и исторических описаниях.

Акцент на метафоре «науки как культуры» в ANT позволяет в рамках реконструкции метода социоматериального эксперимента показать, как конструируется граница между культурой как идеальным концептом и

---

<sup>30</sup> Линч М. Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. – 2013. – № 1-2. – С. 155–213.

<sup>31</sup> Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. – Princeton University Press, 2011.

материальной практикой. В то же время этот метод выделения в концепте идеальной структуры и практических элементов и способов их разграничения может быть применен и для других концептов, что позволяет показать, что объединяет и как формируются различия между идеальными конструктами (правилами) и практическими действиями.

### *Практическая значимость*

Анализ материальных и идеальных границ постсоциалистической культуры, представленный во второй главе диссертации, позволяет показать, в какой степени это понятие является концептом, который позволяет говорить об особом типе социальных порядков, сформировавшихся на территории бывшего СССР, которые определяют характерные черты институционального импорта регуляторных практик и документов.

В работе рассматриваются две версии социоматериального эксперимента – полный развернутый метод, а также сформулирована логика экспресс-метода.<sup>32</sup> Это позволяет использовать метод социоматериального эксперимента достаточно гибко и в прикладных исследованиях, варьируя его применение от более полных и насыщенных форм к более быстрым и формальным. Кроме того, в Разделе 2.3 показано, как на пересечении двух мобильных техник, заимствованных из евро-американской практики, формируется новый канон постсоциалистической культуры в формате «городских исследований». Это позволяет рассматривать метод анализа СМЭ не только как аналитический, но и как инженерный, который показывает возможности конструирования новых техник и методов регулирования на основе уже существующих.

Метод СМЭ, ориентированный на работу с мобильной техникой, показывает особенности ее адаптации и сценарии развития изменений, а также

---

<sup>32</sup> Подробно о том, как работают экспресс-методы см.: Картавцев В. В. Быстрая этнография (REAPFQI+): к прагматике полевых обследований // Социология власти. – 2021. – Т. 33. – № 3. – С. 52–77.

возможности их тестирования и управления ими. Это позволяет делать более обоснованные прогнозы в области регулирования, создания новых организационных форм и институционального дизайна.

### *Методология*

#### *Структура описания и подбора кейсов*

В основу историко-теоретической реконструкции метода СМЭ легло сложившееся в АНТ представление о двухчастном характере эксперимента – лабораторном (теоретическом) и полевом (эмпирическом).<sup>33</sup> По этому принципу выстроена общая структура работы и структура отдельных глав: в диссертации приведены две главы, одна историко-теоретическая, вторая – эмпирическая. При этом в первой главе рассматривается генеалогия концептов и на ее основе выделяются основные элементы концептуализации, а во второй – показано, как действует метод СМЭ в зависимости от особенностей ситуации и характера мобильности данного технического объекта.

По структуре каждая глава следует логике трех видов *оправданий*. Их выделяют как каркас эксперимента Шейпин и Шэффер, описывая эксперимент Бойля, – материальные или технические оправдания, литературные и социальные оправдания.<sup>34</sup> Каждое оправдание строится вокруг определенной мобильной техники. Перенос каждой из техник в новую сеть отношений представляет собой отдельный кейс и рассматривается как кейс-стади. Три кейса в каждой главе составляют минимальную серию, которая характеризует в первой главе – формирование метода СМЭ, а во второй – формирование концепта постсоциалистической культуры.

---

<sup>33</sup> Из недавних работ об этом, в частности пишут: и Marres N., Stark D. Put to the test: For a new sociology of testing // The British Journal of Sociology. – 2020. – Т. 71. – № 3. – С. 423–443.

<sup>34</sup> Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. – Princeton University Press, 2011.

Основным методическим ядром работы является семейство методов материальной семиотики,<sup>35</sup> которое может быть сосредоточено на анализе материального аспекта (объекта и его онтологических характеристик) или на анализе социально-семиотического аспекта (эпистемологии и ее изменчивости). В первой главе рассматривается объект в виде «черного ящика» и различные эпистемологические вопросы, с ним связанные. Во второй главе, наоборот, предметом анализа становятся эпистемологии, которые приобретают различную форму, но работают со схожими по структуре объектами.

Следуя методу материальной семиотики, описания кейсов носят не только иллюстративный, но концептуальный характер: использование различных языков описания для одного кейса позволяет экспериментировать со способами его представления. Поскольку в основе кейсов лежат технические объекты и идеи, воплощенные в них материально, реконструкция способа их действия позволяет проследить границы между материальным действием объектов и действием концептов-идей.

#### *Анализ кейсов: историко-теоретический и эмпирический*

Ключевой единицей анализа выступает кейс. В первой главе историко-теоретические кейсы представлены различными объектами – «черным ящиком», различными типами его траекторий и материальными репрезентациями. Во второй главе практическими кейсами становятся регулирующие инструменты и образуемые ими сети – правила землепользования и застройки, элементарная классика фундаментальной социологии, техническое задание как каноническая форма для городских исследований.

---

<sup>35</sup> Law J. Actor network theory and material semiotics // The new Blackwell companion to social theory. – 2008. – С. 141–158.

Анализ историко-теоретических кейсов идет в логике генеалогии метафор, то есть предлагает анализ общей логики описания кейсов между различными теоретиками и их ре-интерпретации для формирования более детальной и разработанной структуры кейса и пределов его изменчивости. При этом в основе такой генеалогии лежат не только инструменты дискурсивного анализа Фуко, но и вопросы организации описаний, которые детально разбирает Ло в рамках подхода материальной семиотики.

Эмпирический анализ кейсов ориентирован в большей степени на логику разбора исторических кейсов, идущую от Блура к Латуру и Ло. Однако в отличие от первых двух, акцент в анализе сделан не столько на социальных субъектах, сколько на объектах-инструментах и техниках их применения. Анализ этих кейсов также связан с реконструкцией, однако в данном случае это не генеалогия метафор, а генеалогия методов, то есть представление того, как изменяются и трансформируются способы описания эмпирической реальности и техники систематизации этих описаний.

### *Отбор кейсов*

Кейсы в первой главе были ограничены тремя основными сюжетами, которые объединяет рецепция в социологии концепции культуры и экспериментальности, основанной на ранних работах Беньямина и его различении символа и аллегии, а также описании фотокамеры. Первый сюжет связан с концепцией черного ящика – фотокамеры Беньямина.<sup>36</sup> Второй анализирует траектории движения объекта-«черного ящика» в работах Скотта Лэша, опирающегося на текст Беньямина «Рассказчик».<sup>37</sup> Третий сюжет включает анализ явных и скрытых репрезентаций в работах Ло и его коллег,

---

<sup>36</sup> Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М. : Медиум, 1996.

<sup>37</sup> Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе / пер. А. Белобратова. – СПб. : Symposium, 2004. – С. 383–418.

где Ло оперирует концептом, взятым у Беньямина, – аллегория как способ описания скрытых репрезентаций.<sup>38</sup>

Кейсы второй главы разворачиваются в постсоциалистическом пространстве России и частично Казахстана, и делают акцент на способах описания города и фундаментальной социологии как скрытых аллегорических объектов. При этом на пересечении этих способов описания появляется новый объект – канон «городских исследований», который уже явным образом репрезентует особенности материальной культуры постсоциалистической России и Казахстана.

#### *Эмпирический материал*

Материалы для первой главы были собраны в рамках подготовки магистерской диссертации по социологии, посвященной рецепции концепта аллегии Вальтера Беньямина в акторно-сетевой теории. В дальнейшем эти материалы были расширены и дополнены для более детального анализа в рамках реконструкции метода социоматериального эксперимента.

Материалы для второй главы были собраны в рамках полевого этапа в 2020–2021 годах в двух региональных российских городах, а также включают наблюдения в ходе работы в Российском фонде жилищного строительства (2014–2015 гг.) в отделе городского планирования и работу с концептами из области городской теории в рамках подготовки курсов по Урбанизму в 2018–2022 годах в рамках магистратуры Московской архитектурной школы (МАРШ).

Материалы по развитию фундаментальной социологии и техникам аналитического чтения были собраны в период с 2019 по 2024 год, в том числе в рамках цикла аналитических чтений в школе МАРШ (проведено более 30 встреч), которые вела вместе с к. арх. Маратом Невлютовым.

---

<sup>38</sup> Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. – Граф, 2002.

Материалы по формированию технических заданий в рамках городских исследований были собраны в период с 2014 по 2020 год при подготовке исследования по развитию урбанистического дискурса в России на примере международных архитектурных конкурсов («Зарядье», Серп и Молот, мастер-план Дербента), которые позже были дополнены техническими заданиями ежегодного Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях (проводится с 2018 года).

Материалы по городскому планированию в Казахстане были собраны в период 2023–2024 годов в рамках работы в НИИ «Алматыгенплан» (Алматы, Казахстан) над градостроительной документацией по городскому развитию и планированию.

#### *Положения на защиту*

1. Эксперимент ANT показывает, что социология, будучи эмпирической дисциплиной, предлагает экспериментальный подход к сборке различных методов с целью выявления материальных основ и границ культуры.
2. Полноценное описание социоматериального эксперимента (СМЭ) требует сочетания двух подходов: историко-теоретической реконструкции принципов СМЭ и эмпирической проверки его действия.
3. Этические границы применения СМЭ определяются нормативными рамками исследуемой культуры, в то время как эстетические границы СМЭ обусловлены материальными аспектами культурных практик и артефактов.
4. СМЭ осуществляется путем эстетической и этической интеграции различных методов анализа. Эти методы направлены на изучение мобильности объектов эксперимента и их взаимодействия с явными и скрытыми материальными границами культуры.

5. Область, в пределах которой результаты СМЭ сохраняют свою валидность, очерчивает границы материального воплощения культуры. За этими пределами культура существует лишь в идеальной, нематериальной форме.

### *Достоверность/апробация*

Материалы исследования обсуждались на семинарах, в том числе на семинаре в Назарбаев университете, Астана, январь 2023 года. Кроме того, техника «аналитического чтения» была апробирована в рамках проведения семинаров по социологии города в Московской архитектурной школе (МАРШ) совместно с к. арх. Маратом Невлютовым (более 30 встреч с осени 2020 года).

Были подготовлены 4 публикации в журналах, индексируемых в WOS/SCOPUS, включая публикацию в журнале 1 квартиля, а также 7 статей в журналах ВАК, включая 2 рецензии и 1 перевод, и 2 публикации РИНЦ, включая вводную статью для тематического номера, где автор данного исследования выступала в качестве приглашенного редактора. Еще один номер журнала РИНЦ, где автор данного исследования выступала как приглашенный соредактор, планируется к выходу в четвертом квартале 2025 года.

Кроме того, были прочитаны 3 публичные лекции по темам диссертации. Автор данного исследования участвовала в 3 международных научных конференциях с докладами на английском языке.

Теоретические положения были апробированы и обсуждены в рамках подготовки проведения курсов:

- 2024–2025 – курс «Современная социальная теория» бакалавриат, 3-й год, программа «Современная социальная теория», ИОН РАНХиГС.

- 2020–2022 – курс «Социология города», бакалавриат, 2-й год, кафедра территориального развития им. В.Л. Глазычева, РАНХиГС.
- 2020, 2023 – курс «Социология города», бакалавриат, 4-й год, программа «Современная социальная теория», ИОН РАНХиГС.
- 2020–2021 – «История урбанизма», программа «Управление территориальным развитием», МАРШ-РАНХиГС.
- 2018–2020, 2022 – «Urbanism», магистратура, 1-й год, МАРШ.
- 2018–2019 – «Градостроительный анализ», программа УТРО МАРШ-РАНХиГС.
- 2017–2019 – «Cultural & Contextual studies», градостроительство, бакалавриат, 2-й год, МАРШ.

Результаты исследования стали методической основой при разработке мастер-плана полицентричного развития города Алматы, Казахстан (2023, в процессе утверждения), а также выступают основой для работы в сфере коммерческой социологии, в том числе при проведении исследований по социально-экономической тематике.

# ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ОБЪЕКТ

## Глава 1. Введение

### *Теоретическое обоснование проблемы*

В начале 1970-х годов в социологии знания происходит активная рецепция понятия «черный ящик»,<sup>39</sup> которое пришло из естественных наук и кибернетики через работы Мертона.<sup>40</sup> При этом между пониманием «черного ящика» в естественных и социальных науках существовала значительная разница. В первом случае «черный ящик» представлял собой контейнер, однако никто не знал, что происходит внутри, и можно было лишь строить догадки о механизмах преобразования, которые невозможно наблюдать. Во втором случае Уитли утверждает необходимость сделать «черный ящик» полупрозрачным, поскольку основной задачей науки оказывается именно понимание процедуры перевода. Позже в ANT этот подход будет обозначен как необходимость открыть «черный ящик», показав, как устроен процесс познания.<sup>41</sup>

Однако у метафоры «черного ящика» была еще одна генеалогическая ветвь, возникшая впервые в диссертации Канта 1770 года, который описывал проблемы познания, пользуясь примером камеры-обскуры (тот же «черный ящик», но с линзами), через которую проходит свет и в результате чего возникает изображение-описание реальности.<sup>42</sup> Эта вторая версия генеалогии концепта дает возможность выстроить собственно социологическую логику концепта от камеры-обскуры к фотоаппарату как инструменту исследования и

---

<sup>39</sup> Whitley R. D. Black boxism and the sociology of science: A discussion of the major developments in the field // *The Sociological Review*. – 1970. – Т. 18. – № 1, suppl. – С. 61–92.

<sup>40</sup> Shapin S. Understanding the Merton thesis // *Isis*. – 1988. – Т. 79. – № 4. – С. 594–605.

<sup>41</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303.

<sup>42</sup> Kant I. Kant's inaugural dissertation of 1770. Columbia college, 1894. – Т. 1. – № 2; Rauer C. Kant's Philosophy of Projection: The Camera Obscura of the Inaugural Dissertation // *Rethinking German Idealism*. – 2016. – С. 21–50.

описания реальности.<sup>43</sup> Однако, хотя эта вторая линия и присутствует в текстах исследователей ANT,<sup>44</sup> они не описывают, как смена концептуализации «черного ящика» с кибернетического описания на социальное изменяет логику познания и метод экспериментирования. При этом объединить различные модели черного ящика – камера-обскура, фотоаппарат, кибернетический черный ящик, насос – как серию цепочку кейсов, описывающих один тип объекта, позволяет топологическая эквивалентность способа действия этих объектов (ненаблюдаемое преобразование внутри закрытого объекта) и переименование метафоры в их описаниях.

### *Актуальность проблематики*

В случае социологического прочтения концепта «черного ящика» в версии ANT он приобретает скорее черты объекта, действующего тем или иным образом, чем контейнера, поэтому вопрос его открывания приобретает не характер разгадывания загадок, а результат наблюдения за движением и изменением объекта.<sup>45</sup> Однако, представители ANT не описывают детальную механику экспериментирования и тем более не проводят различие с естественнонаучными экспериментами и логикой фальсификационизма Поппера.<sup>46</sup>

При наличии более четко выраженного отличия в концептуализации «черного ящика» и учитывая его центральную роль для экспериментов в любой версии, можно использовать «черный ящик» как отправную точку для

---

<sup>43</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022.

<sup>44</sup> Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 95–156.

<sup>45</sup> Тут можно привести остроумный пример перевода метафоры черного ящика на язык социологии как «эпистемической машины»: Куракин Д. Куракин Д. Массовые опросы как «эпистемическая машина»: социология в стиле «киберпанк» // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 92–101.

<sup>46</sup> Два наиболее примечательных в этом смысле текста: Law J. What's wrong with a one-world world? // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139; Marres N., Stark D. Put to the test: For a new sociology of testing // The British Journal of Sociology. – 2020. – Т. 71. – № 3. – С. 423–443.

определения особенностей социологического способа экспериментирования. При этом, в отличие естественнонаучных экспериментов, в которых «черный ящик» остается неподвижным, в социальных экспериментах он принципиально подвижен. Подвижность «черного ящика» делает вопрос о роли экспериментального подхода в современной социологии еще более существенным: как акцент на объекте, а не на его мобильности, позволяет проводить различие между СМЭ и социологией мобильностей?<sup>47</sup>

### ***Обзор основных исследований***

Проблеме эксперимента и различиям между естественнонаучными и социальными экспериментами посвящены две классические книги 1980–1990-х годов в новой волне АНТ. Первая работа Шейпина и Шэффера фактически ставит под вопрос главенство Гоббса для социологической традиции, которое активно конструировали на протяжении предыдущих 50 лет Парсонс и его ученики.<sup>48</sup> Чтобы оспорить статус Гоббса, Шейпин и Шэффер обращаются к его спору с Бойлем, который занимается проблемой вакуума и придерживается иного понимания порядка.<sup>49</sup> Однако в естественнонаучном эксперименте Бойля есть особенности: он, так же как и Кант, использует «камеру», но она улавливает не свет, а, наоборот, из нее откачивается воздух, и она не «черная», а прозрачная. Тем не менее, как утверждают Шейпин и Шэффер, эксперимент Бойля не состоялся бы, если бы не был поддержан тремя техниками оправдания: материальной (построенная камера для демонстрации публике), литературной (описание эксперимента) и социальной (подтверждение результатов эксперимента учеными-экспертами).<sup>50</sup> Вопрос, который возникает: до какой степени эксперимент Бойля можно считать

---

<sup>47</sup> Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия // М. : Изд. дом Высшей школы экономики. – 2012.

<sup>48</sup> См., например: Ellis D. P. The Hobbesian problem of order: A critical appraisal of the normative solution // *American Sociological Review*. – 1971. – С. 692–703.

<sup>49</sup> Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. – Princeton University Press, 2011.

<sup>50</sup> Law J. What's wrong with a one-world world? // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139.

исключительно естественнонаучным, и в какой степени мыслительные эксперименты Гоббса, которым противостоит Бойль, были исключительно умозрительными?

На этот вопрос пытается ответить Латур, противопоставляя двум экспериментам Гоббса и Бойля единую модель акторно-сетевой теории, где в эмпирически данном мире Общество Гоббса неотделимо чистым образом от Природы Бойля.<sup>51</sup> Таким образом, Латур, хотя и не утверждая экспериментальность метода ANT, первый раз предлагает модель, которая показывает, что он работает на стыке социальной и материальной (природной) техники. Кроме того, Латур показывает, что объект, который постоянно балансирует между состоянием гибридности и состоянием разделения на две чистых области – Общества и Природы, – должен быть подвижен, то есть, в терминологии ANT, плести сети, разделяя или соединяя эти области. Но Латур не говорит о ключевом для экспериментальной техники вопросе: как возникают границы эксперимента как метода, когда он не дает результатов, и как ситуации, где проходят его границы.

### ***Методологические основания и основные задачи главы***

Глава построена вокруг анализа серии кейсов, который можно описать как генеалогию метафоры «черного ящика» и его отдельных элементов. Первый раздел построен вокруг генеалогии самого «черного ящика» в его социологической традиции от Канта к Беньямину и Бурдье и затем к Латуру. Второй и третий разделы посвящены отдельным аспектам действия «черного ящика» – его траектории движения, которая восстанавливается по следам, и особенностям репрезентаций, которые он создает. При этом, поскольку «черный ящик» это социоматериальный объект, который сочетает субъективные и объективные черты, второй и третий разделы показывают, как можно реконструировать его внешние эстетические, материальные границы и

---

<sup>51</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

его внутренние, этические и социальные ограничения. В заключение будет показано, как подвижность «черного ящика» позволяет показать общие основания пучка методов материальной семиотики, где сетевая материальная семиотика, акцентирующая внимание на эпистемологиях, больше связана с анализом траекторий передвижения, а перформативная – с анализом репрезентаций и онтологических политик.

## **Раздел 1. «Черный ящик»: от фотокамеры к эксперименту**

### **Раздел 1.1. «Черный ящик»: между качественными и количественными описаниями**

Одно из ключевых понятий социологии науки и техники (далее – STS) и акторно-сетевой теории (далее – ANT) 70–80-х годов – «черный ящик» – имело двойное происхождение.<sup>52</sup> С одной стороны, к середине XX века понятием «черный ящик» активно пользовались исследователи технических и компьютерных систем и искусственного интеллекта. С другой стороны, идея «черного ящика» также имела давнюю генеалогию, восходящую к визуальным и художественным экспериментам с изображениями XVII–XVIII веков, которые вновь стали предметом анализа историков искусства в 70–80-х годах XX века.<sup>53</sup>

Социологи STS и ANT рассматривали «черный ящик» как основной инструмент социологического исследования: основной задачей социологии было раскрыть «черный ящик» сделать неизвестное известным и доступным, а механизм его работы – понятным. Эта задача принципиально отличалась от классического подхода континентальной социологии, идущей от Дюркгейма, которая видела своей задачей конструирование «социальных фактов». Логика раскрытия «черного ящика» была ближе к американскому интеракционизму

---

<sup>52</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303.

<sup>53</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022.

Чикагской школы<sup>54</sup> и формальному анализу социальных взаимодействий Зиммеля.<sup>55</sup> И в работах Чикагской школы, и в формальной социологии Зиммеля ситуация взаимодействия оказывалась «черным ящиком» или «социальной лабораторией» (Парк),<sup>56</sup> а сам процесс взаимодействия оказывался экспериментом по организации социальных отношений.

Обращение сразу к двум определениям «черного ящика» – художественному и системно-техническому – позволяет показать, как возможен эмпирический и практический способ познания окружающего материального мира, отличный от естественнонаучного. К середине XX века, благодаря Попперу, метафору «черного ящика» активно использовали в описаниях экспериментов представители естественных наук – физики и химики, чтобы показать, какое значение имеют ошибки в ходе эксперимента для выяснения истины.<sup>57</sup> В отличие от них, социологи АНТ используют идею «черного ящика» более прямолинейно, хотя и сохраняют ее техническое значение, которое оказывается для них общим с естественными науками.<sup>58</sup>

Однако, описывая «черный ящик» не только как метафору неизвестного, но и как камеру-обскуру, социологи показывают, что границы этой неизвестности устанавливаются экспериментально и эмпирически. Классическая камера-обскура представляет достаточно простой механизм, где с одной стороны есть отверстие, сквозь которое заходят лучи света в непрозрачный ящик или трубку, а с другой – есть стена, где получается

---

<sup>54</sup> Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. 4. – № 1-2. – С. 168–181.

<sup>55</sup> Зиммель Г. Рама картины. Эстетический опыт // Социология вещей. – 2006. – С. 48–53.

<sup>56</sup> Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 3. – С. 3–12.

<sup>57</sup> Hilgers P. von. The history of the black box: The clash of a thing and its concept // Cultural Politics. – 2011. – Т. 7. – № 1. – С. 41–58.

<sup>58</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303. Для рецепции проблемы черного ящика в русскоязычном дискурсе см.: Кузнецов А. Г. Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // Социология власти. – 2020. – Т. 32. – № 2. – С. 157–182; Салин А. Как упаковать жизненный мир в черный ящик: инструкция по сборке // Философско-литературный журнал «Логос». – 2018. – Т. 28. – № 5 (126). – С. 137–168.

перевернутое световое изображение.<sup>59</sup> Таким образом, границы неизвестного и способ его перевода определяются в камере-обскуре эмпирическим сравнением той картины, которая проецируется в камеру, и проекцией, которая получается на выходе.

Замена метафоры «черного ящика» ее эмпирическим аналогом в виде камеры-обскуры позволяет социологам практическим образом показать, что Поппер и философия науки, которая считает образцом научности естественнонаучный эксперимент, неверно отказывают социологии в возможности производить рациональное и доказательное знание. Поппер утверждал, что только естественные науки с их экспериментальным подходом к фальсификации фактов и установлению границ применимости теории основаны на эмпирическом знании, а не на авторитетах и убеждениях.<sup>60</sup> В отличие от естественных наук, социология и другие гуманитарные науки, наоборот, основаны на авторитетности тех или иных суждений и поэтому относятся не к сфере рационального знания, а к сфере культуры, где, согласно Попперу, рациональное знание невозможно.

Пример с камерой-обскурой как «черным ящиком» позволил социологам показать ограниченность рационального знания, характерную для различных наук, обладающих своим способом аргументации и культурой, – как естественных, так и гуманитарных. Так, в естественнонаучном эксперименте ученые представляют результаты в виде количественных параметров, полученных путем применения различных дискурсивных инструментов – математических, логических или риторических формул.<sup>61</sup> Однако именно в

---

<sup>59</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022.

<sup>60</sup> Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – Т. 10. – С. 65–75.

<sup>61</sup> Классический пример анализа естественнонаучных исследований с точки зрения риторики, см.: Latour B., Fabbri P. The rhetoric of science: Authority and duty in an article from the exact sciences // Discourse and Writing/Rédactologie. – 2000. – Т. 16. – № 1. – С. 115–134. Кроме того, есть не менее показательный пример из области инженерии и архитектуры, который касается планирования Барселоны И. Серда, который описывают Айбар и Бейкер в своей статье: Айбар Э., Бейкер У. И. Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны (пер. с англ. К. Майоровой) // Социология власти. – 2017. – Т. 29. – № 1. – С. 203–232. Тем не менее стоит отметить, что вопрос

апелляции к дискурсивным инструментам, авторитету и убеждениям упрекает Поппер не-рациональное, с его точки зрения, гуманитарное – историческое и социальное знание. Однако получается, что рациональность естественных наук ограничена способом дискурсивного представления их результатов (Вулгар, Латур).<sup>62</sup> В то же время социологическое знание демонстрирует другую форму ограниченности рационального знания. В отличие от естественнонаучных экспериментов, камера-обскура дает не количественное, а качественное представление о предмете отображения и эксперименте в виде картинка-проекция. Для эксперимента с качественными характеристиками ключевыми становятся технические и практические элементы отображения, а не различные типы дискурса. Таким образом, картинка и ее качественные характеристики оказываются прямым следствием особенностей устройства камеры-обскуры и ее непосредственного взаимодействия и экспериментирования с реальностью.

В результате оба типа эксперимента – естественнонаучный и социотехнический или социоматериальный (поскольку значение имеет именно материальная организация техники) – основаны на эмпирической проверке изначальных гипотез. В ходе двух типов экспериментов эмпирическая проверка имеет различные формы: в первом случае происходит эмпирическое и количественное описание природных явлений, во втором условное и эмпирическое воспроизведение способа и качества организации данных в виде картинка. В обоих случаях рациональность полученного знания оказывается ограниченной дискретным характером переменных и количественных описаний или детализацией и разрешением спроецированного изображения.

---

техники убеждения, в том числе в точных науках, был одним из ключевых для социологии науки рубежа 1970–1980-х годов.

<sup>62</sup> Latour B., Salk J., Woolgar S. Laboratory life: The construction of scientific facts. – 2013.

Противопоставление микроскопа естественных наук камере-обскуре социальных наук позволяет снять один из основных аргументов Поппера против социологии как эмпирической науки, поскольку выясняется, что и естественные, и гуманитарные науки обладают собственной культурой, которая ограничивает рациональность их знания.<sup>63</sup> Тем не менее остается несколько вопросов. Первый: что имеет общего с социологическим знанием камера-обскура и почему она становится настолько важным аргументом в противостоянии социологии и естественных наук? Второй: как именно

---

<sup>63</sup> О различении двух эпистемологических культур, которые основываются на дискурсе и на описании, пишет Алперс, см.: Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М.: V-A-C Press, 2022. Но также можно посмотреть на работы нескольких авторов-социологов, которые работают на стыке естественных наук и социальных, – Донны Харауэй, Изабель Стенгерс и Карен Барад, из которых у первой фундаментальное образование в биологии, а у двух других – в теоретической физике. См. работы Харауэй: Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. *Ad Marginem*, 2017. – Т. 27; Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене // Пермь: Гиле Пресс, 2020; Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // *Философско-литературный журнал «Логос»*. – 2022. – Т. 32. – № 1 (146). – С. 237–271. Работы Стенгерс практически не переведены на русский язык, за исключением: Стенгерс И. Восстанавливая анимизм Переплетения: вместо послесловия // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. – 2021. – № 2. – С. 80–94. Однако для обсуждения проблемы экспериментальности более важна другая книга, где Стенгерс вводит понятие сфабрикованных (т.е. сделанных) в процессе экспериментов фактов: Stengers I. *Cosmopolitics*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. – Т. 1. Среди работ Барад наиболее существенными представляются те, где Барад показывает, как происходит перенос концепций из квантовой физики в социологию: Barad K. *Meeting the universe halfway: Quantum physics and the entanglement of matter and meaning* // *Duke Up*. – 2007; Barad K. *What flashes up: Theological-political-scientific fragments* // *Entangled worlds*. – 2017. – С. 21–88. Необходимо отметить, что рецепция и обсуждение экспериментального подхода в науке крайне ограничено и на русском лишь частично связано с социологией науки. Фактически эту тему в историческом контексте развивал только Александр Писарев: Писарев А. А. STS и возможное будущее музея науки: к новой кунсткамере // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2021. – № 4. – С. 30. При этом Писарев выстраивает генеалогию противопоставления точных и гуманитарных наук иным образом, нежели это предлагается в данной работе. Следуя традиции «научных войн» 1990-х годов, Писарев связывает противостояние точных и гуманитарных наук с холодной войной: деятельностью братьев Оппенгеймеров и работами Томаса Куна. Однако в этом случае проблематичным оказывается объяснить роль экспериментального знания в развитии социологии, эксперименты оказываются лишь одним из «кейсов». См.: Портер Т. Как наука стала технической // *Философско-литературный журнал «Логос»*. – 2020. – Т. 30. – № 1; Шейпин С. Как быть антинаучными // *Философско-литературный журнал «Логос»*. – 2020. – Т. 30. – № 1 (134). – С. 159–185. Другой вариант описания этой же проблемы из перспективы истории кибернетики представлен несколькими работами, которые противопоставляют развитие кибернетического проекта Фуко и советского проекта. Однако исследования истории кибернетики остаются преимущественно в рамках историко-генеалогического подхода и не затрагивают вопросы социологии знания: Rindzevičiūtė E. *The future as an intellectual technology in the soviet union: from centralised planning to reflexive management 1* // *Sahiers du monde russe*. – 2015. – Т. 56. – № 1. – С. 111–136; Кобылин И. Игры методологов: Мишель Фуко и «органуправленческий» проект Георгия Щедровицкого // *Философско-литературный журнал «Логос»*. – 2019. – Т. 29. – № 2 (129). – С. 268–288; Кобылин И. И. «Мыследеятельностьная» гвернаментальность: история и классовое сознание управленца // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. – 2021. – № 1. – С. 183–198; Кобылин И. И. «Мыследеятельностьная» гвернаментальность: история и классовое сознание управленца // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. – 2021. – № 1. – С. 183–198.

камера-обскура позволяет экспериментировать с качественными и техническими аспектами изображения, чтобы определять границы применимости полученного знания? И наконец, почему для описания социологического эксперимента наиболее адекватной оказывается аналогия не с количественными данными и дискурсивными инструментами, а с визуальным и эстетическим отображением реальности?

Далее будет показано, как «черный ящик», или камера-обскура, становится основным экспериментальным инструментом в социологии ANT второй половины XX века. Отправной точкой для интерпретации «черного ящика» как камеры-обскуры оказывается фотоаппарат, описанный Беньямином в двух эссе «Краткая история фотографии» и «Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости».<sup>64</sup> Обращение к работам Беньямина для социологов ANT имеет и более фундаментальные основания, поскольку служит проводником к диссертации Канта, то есть его раннему, докритическому периоду, где Кант описывает особенности камеры-обскуры как способа познания.<sup>65</sup>

Однако Беньямин критикует фотоаппарат, так же как и Кант камеру-обскуру, за производство копий или иллюзорной реальности, которая сознательно предполагает ее ошибочное или неверное отображение.<sup>66</sup> И для Беньямина, и для Канта подобный иллюзорный характер репрезентации является проблематичным, поскольку он не дает ясного и чистого представления о реальности. В отличие от них, социологи ANT, следуя логике Поппера, показывают, что границы реальности можно установить только экспериментально – путем выявления границ верности гипотезы. Они рассматривают иллюзорность репрезентаций не как проблему, а как

---

<sup>64</sup> Беньямин В. Краткая история фотографии. – Ad Marginem, 2013.

<sup>65</sup> Rauer C. Kant's Philosophy of Projection: The Camera Obscura of the Inaugural Dissertation // Rethinking German Idealism. – 2016. – С. 21–50.

<sup>66</sup> Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М. : Медиум, 1996.

инструмент, который позволяет осуществлять эксперимент.<sup>67</sup> Таким образом, социоматериальный эксперимент обретает собственную основу, отличную от попперовского метода проверки. Если Поппер говорит об испытании теорий с помощью фальсификации фактов, то есть выяснения условий получения неверных данных, то социоматериальный эксперимент оказывается связан с фабрикацией изображения, то есть искажениями его смысла при сохранении той же формы.

Далее будет показано, как именно происходит импорт идей Беньямина в социологию ANT и какие изменения претерпевает идея «черного ящика» как камеры-обскуры и экспериментального инструмента в социологии.

## **Раздел 1.2. Камера-обскура: качественное отображение реальности**

Прежде чем перейти к вопросу о рецепции идей Беньямина социологами STS и ANT, необходимо уточнить, к какому методу познания обращается социология, отстаивая себя как эмпирическая наука и развивая метод социоматериального эксперимента. Если подход Поппера и методы естественных наук опираются преимущественно на возможности количественных описаний наблюдаемых явлений, то возникает вопрос, как организовано качественное описание, если оно следует экспериментальной логике. Кроме того, остается под вопросом, что именно является объектом эксперимента в камере-обскуре или ее антиподе – фотоаппарате. В случае попперовского эксперимента, ошибки должны обнаруживаться в теории за

---

<sup>67</sup> В работах Ло есть отдельная линия, которая связана с проблемами репрезентации и ее конструированием. Начинается рассуждение с работ Майкла Линча и эстетики научных репрезентаций, затем Ло обращается уже к художественному искусству: Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. 2015; Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – С. 158–182; Law J., Lynch M. Lists, field guides, and the descriptive organization of seeing: Birdwatching as an exemplary observational activity // *Human Studies*. – 1988. – С. 271–303; Law J., Whittaker J. On the art of representation: notes on the politics of visualisation // *The Sociological Review*. – 1987. – Т. 35. – № 1\_suppl. – С. 160–183; Lynch M. E. *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. – University of California, Irvine, 1979.

счет фальсификации фактов,<sup>68</sup> однако для ANT теория не имеет такой определяющей силы, следовательно, объект эксперимента тоже будет иной.<sup>69</sup>

Для ответа на предложенные вопросы необходимо обратиться к двум описаниям – камеры-обскуры в голландской живописи XVII века<sup>70</sup> и научного эксперимента с воздушным насосом Бойля<sup>71</sup>. Оба описания, будучи опубликованными в начале 80-х годов XX века, обращаются к образу ящика-камеры, чей механизм работы определяет и ограничивает возможности проведения естественнонаучных экспериментов. Эти исследования камер как закрытых, недоступных воздействию пространств оказываются ключевыми для интерпретации фотокамеры Беньямина в социологии ANT. Они подчеркивают отличительные свойства беньяминовской фотокамеры: формирование образа объекта с помощью оптических приборов и создание сети копий-репродукций, которые отсылают к оригинальному объекту.

В отличие от эксперимента Поппера, где фальсификация теорий происходит с помощью наблюдаемых фактов, в случае камеры-обскуры проблема появления ошибок в эксперименте работает иначе. Алперс в книге о голландской живописи XVII века проводит параллель между камерой-обскурой и кеплеровскими астрономическими камерами, которые были ее предшественниками.<sup>72</sup> Ошибки, которые возникали в этих камерах, например, проблема уменьшения наблюдаемого диаметра Луны во время солнечного затмения, были связаны не с ошибками теории, как доказал Кеплер, а с

---

<sup>68</sup> Поппер К. Логика и рост научного знания. – 1983.

<sup>69</sup> Latour B. A relativistic account of Einstein's relativity // *Social studies of science*. – 1988. – Т. 18. – № 1. – С. 3–44.

<sup>70</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022.

<sup>71</sup> Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. – Princeton University Press, 2011.

<sup>72</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022. С. 80–87.

оптическим несовершенством приборов. То есть с техническими ограничениями оптики, которую используют исследователи.<sup>73</sup>

Пример ошибок в оптических приборах, описанный Алперс, делает видимым существенное отличие в работе «черного ящика» Поппера и астрономов или художников: для первого ошибки связаны с ограниченностью знания, для вторых – техники. Оптическая техника, которую описывает Кеплер, создает свой способ видения и описания реальности, которая становится доступна с ее помощью. Тогда ошибки описания оказываются не ошибками теории, то есть идей, как у Поппера, а ошибками оптики или того языка, на котором описывается реальность. Оптические ошибки, в отличие от фальсификации фактов у Поппера, возникают в результате несовершенства техники и тех представлений о мире, которые были в нее заложены. В результате оптический прибор показывает ограничения не проверяемой теории или отдельных утверждений, а самого способа видения и описания.<sup>74</sup>

Если язык или оптика, им предлагаемая, является явным выражением культуры, то ограничения оптического прибора, который сложился и адаптирован данной культурой для описания реальности, показывают нам ее ограниченность и искажения, которые могут в ней возникать. Таким образом, камера-обскура является адекватной материальной репрезентацией понятия «ограниченной рациональности», которое существует на стыке социальных и экономических институциональных исследований.<sup>75</sup> И хотя экономисты и

---

<sup>73</sup> Развитие идей Алперс см.: Spencer J. Illusion as ingenuity: Dutch perspective boxes in the Royal Danish Kunstkammer's „Perspective Chamber” // *Journal of the History of Collections*. – 2018. – Т. 30. – № 2. – С. 187–201. При этом стоит также учитывать описание взгляда, как важного элемента власти, которое предлагает Фуко в первой лекции курса «Безопасность, территория, население», в качестве модели властного взгляда он описывает Паноптикум Бентама: Фуко М. Безопасность, территория, население. – Наука, 2011.

<sup>74</sup> Интересно, что Линч с коллегами развивает тему астрономических репрезентаций и их ограничений на современном материале: Lynch M., Edgerton S. Y., Jr. Aesthetics and digital image processing: Representational craft in contemporary astronomy // *The Sociological Review*. – 1987. – Т. 35. – № 1\_suppl. – С. 184–220.

<sup>75</sup> Экономисты вводят понятие ограниченной рациональности в рамках институциональной теории как описание нерациональных выборов экономических агентов, при этом социологи предлагают другой подход: Мэри Дуглас показывает, что рациональность действия выстраивается в соответствии с групповой динамикой, даже в малой группе, которая для институционализма

социологи попытались сделать эти ограничения явными и измеримыми, они определялись, прежде всего, стратегией принятия решения отдельным индивидом. Вместо индивидуального принятия решений обращение к оптическому инструменту позволяет увидеть, что искажения заложены в сам способ видения, иначе говоря, «зрение определено как искажение».<sup>76</sup> Однако непосредственное взаимодействие с прибором, который и позволяет познавать действительность, и одновременно ее искажает, дает доступ к исследованию этих искажений и анализу их механики. Именно этот аспект камеры-обскуры и используют социологи ANT: в эксперименте их интересует относительность отображения действительности или репрезентации, границы и способы ее искажения.<sup>77</sup>

Относительность репрезентации становится предметом обсуждения во втором упомянутом кейсе – описании эксперимента с воздушным насосом, который производит в XVII веке Роберт Бойль, чтобы доказать существование вакуума. Саймон и Шеффер описывают этот естественнонаучный эксперимент и делают акцент на «техниках оправдания», которые использует Бойль, чтобы результаты его эксперимента стали общепризнанным научным фактом.<sup>78</sup> Таких техник три. Материальная техника реализована в виде насоса, который публично представлен в Лондоне и позволяет демонстрировать

---

оказывается камнем преткновения, а Болтански и Тевено предлагают определять ее ограниченность как наличие определенных представлений о ценностях внутри группы. При этом рецепция Болтански и Тевено в российском дискурсе остается преимущественно нормативной, что снижает контраст между их теорией и институционализмом. См.: Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении / Г. Саймон // Вехи экономической мысли. Т. 2. Природа фирмы / под ред. В. М. Гальперина. – СПб. : Экономическая школа, 1999. С. 54–72; Дуглас М. Как мыслят институты. – М. : Элементарные формы, 2020; Старк Д. Гетерархия: организация диссонанса // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 1. – С. 57–89; Boltanski L. On Justification: The Economies of Worth / L. Boltanski, L. Thévenot. – Princeton : Princeton University Press, 2006; Хархордин О. В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 32–42.

<sup>76</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022. С. 73.

<sup>77</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. 2015; Law J. What's wrong with a one-world world? // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139.

<sup>78</sup> Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. – Princeton University Press, 2011.

публике эксперимент.<sup>79</sup> Литературную технику Бойль использует в письмах-инструкциях, где описывает детали эксперимента, чтобы его мог воспроизвести каждый и проверить его результаты в различных уголках Европы.<sup>80</sup> Наконец, социальная техника представлена авторитетными учеными, которых Бойль вовлекает в апробацию своего эксперимента и которые, подтверждая его результаты, создают общее научное знание.<sup>81</sup>

Описание эксперимента Бойля с точки зрения STS обычно представляется как способ конструирования научного знания за счет сочетания трех техник оправдания и порожденных ими сетей отношений. Однако Саймон и Шеффер показывают также, что сам воздушный насос менял конструкцию в процессе экспериментов, менялись условия реализации эксперимента, как и могли в деталях отличаться результаты.<sup>82</sup> В результате экспериментальное подтверждение теории Бойля происходит не за счет идеальной работы техник оправдания. Наоборот, благодаря игнорированию искажений, которые возникают в ходе воспроизведения эксперимента и которые выявляют неизменное ядро, появляется устойчивый результат эксперимента.

В описании естественнонаучного эксперимента Бойля описание экспериментальных ошибок, которое дают социологи STS, радикально отличается от того, который предлагает Поппер для естественных наук.

---

<sup>79</sup> Наиболее интересное продолжение анализа материальной техники можно найти в исследованиях патентов Алэна Поттажа: Pottage A. Law machines: Scale models, forensic materiality and the making of modern patent law // *Social Studies of Science*. – 2011. – Т. 41. – № 5. – С. 621–643; Pottage A. Paper prototypes // *Knowledge, Technology and Law*. – Routledge, 2014. – С. 223–238. Также интересную аналогию между экспериментом Бойля и созданием кадастрового описания земли можно проследить в другой работе Поттажа: Pottage A. The Cadastral Metaphor: Intersections of Property and Topography // *Constituting Modernity: Private Property in the East and West*. – 2004. – Т. 5. – С. 180.

<sup>80</sup> Shapin S. Pump and circumstance: Robert Boyle's literary technology // *Social studies of science*. – 1984. – Т. 14. – № 4. – С. 481–520.

<sup>81</sup> Именно на социальную технику Бойля ссылается Ло, говоря об экспериментальности социологии: Law J. What's wrong with a one-world world? // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139. Идею экспериментальности Ло развивает и позже, описывая „care-ful research” (в названии игра слов: исследования заботы, заботливые, осторожные исследования): Law J., Lin W. Care-ful research: Sensibilities from STS // *Heterogeneities*. Accessed June. – 2020. – Т. 26. – С. 2022.

<sup>82</sup> Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. – Princeton University Press, 2011.

Ошибки и искажения, которые возникают при воспроизведении эксперимента Бойля или изменении самого воздушного насоса, оказываются слишком мелкими, чтобы опровергнуть общее утверждение, полученное в результате эксперимента. Используя более современный язык науки, они попадают в зону допустимых отклонений, которые не влияют на тот способ описания действительности, на котором настаивает экспериментатор. Таким образом, возникает баланс между тем, как мы видим с помощью оптических приборов или другой техники, учитывая возможные искажения, и тем, что мы видим и насколько увиденное соответствует эмпирическому опыту. Эксперимент, который описывает Поппер, направлен на установление того, что именно мы увидели, в то время как социологи ANT экспериментируют с различными видами техники и способами видения, пытаясь установить степень искажений, которые они создают, границы и характер допустимых отклонений.

Хотя камера-обскура позволяет явным образом наблюдать, как искажается реальность, и видеть границы этих искажений, более репрезентативным примером механизма социоматериального эксперимента становится фотокамера. У перехода от камеры-обскуры к фотоаппарату как модельному «черному ящику» есть несколько объяснений. Во-первых, камера-обскура создавала лишь частичный обман зрения, переворачивая изображения. Во-вторых, эти изображения были неустойчивыми: они были созданы световыми лучами и никак не были закреплены. В результате получался явно искаженный нерезкий и неустойчивый отпечаток картинки. Фотоаппарат преодолевает эти ограничения камеры-обскуры и создает изображение, максимально близко описывающее реальность, а фотографии оказываются достаточно устойчивы, чтобы путешествовать на большие расстояния, так же как литературная техника и описания эксперимента Бойлем.<sup>83</sup> Возникает иллюзия, что

---

<sup>83</sup> Беньямин В. Краткая история фотографии. Ad Marginem, 2013. Тут также необходимо упомянуть, что для социологов STS/ANT таким же примером техники, которая работает на дальние расстояния, выступает сначала корабль, перевозящий товары в колониальную Индию, а затем объекты, более близкие к литературным техникам Бойля, – научные статьи. См.: Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // *The Sociological*

фотоаппарат может воспроизвести реальность и преодолеть оптические искажения зрения, но именно на разоблачение этой иллюзии направлены усилия Бенямина по демонстрации сохраняющейся ограниченности зрения и визуальных описаний.

### **Раздел 1.3. Фотокамера Бенямина: превращение качественного образа во множество копий**

Описание Бенямином фотокамеры как «черного ящика», который создает множество копий, интересно в двух аспектах. С одной стороны, Бенямин показывает, как связаны социальные отношения с эстетическими и материальными, тем самым предлагая более конкретную и реалистичную трактовку кантовской концепции суждения и вкуса.<sup>84</sup> С другой стороны, беняминовское предлагает определение фотографии как массовой культуры, которое он развивает в «Пассажах» и проводит аналогию между массовой культурой и другими средствами массовой и удаленной коммуникации, такими как телеграф, телефон или транспортные системы сообщений.<sup>85</sup>

Метафора фотографии как массовой коммуникации, на которую опирается государственная машина, позволяет в конце 1970-х годов Серру и социологам ANT отказаться от представления о «черном ящике» как о небольшом объекте. Серр и его последователи представляют государство-Левиафана как огромный «черный ящик», неопределенность работы которого теперь связана не с непрозрачностью его стенок, а с тем, что он создается как коллективность множества мелких элементов, которые собираются в единую форму.<sup>86</sup> Таким образом, эксперименты с «черным ящиком» приобретают характер исследования социальных и материальных отношений. Тем не менее

---

Review. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 234–263; Law J. Laboratories and texts // Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of science in the real world. – London : Palgrave Macmillan UK, 1986. С. 35–50; Law J. The heterogeneity of texts // Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of science in the real world. – London : Palgrave Macmillan UK, 1986. С. 67–83.

<sup>84</sup> Бенямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М. : Медиум, 1996.

<sup>85</sup> Benjamin W. The arcades project. – Harvard University Press, 1999.

<sup>86</sup> Серр М. Паразит / пер. с фр. А. Лобановой // Носорог. – 2016–2017. – 2017. – № 5.

необходимо уточнить, как Беньямин вводит в логику работы с оптическим прибором вопрос изменения размера и масштабирования и как это нововведение добавляет социальное измерение к оптическим экспериментам астрономов и художников.

В поздних текстах Беньямин описывает три этапа создания фотографии и работы техники, ее создающей, – фото-камеры (слово «камера» в данном случае ключевое, поскольку показывает аналогию с камерой-обскурой и в дальнейшем с камерой водяного насоса). Первый этап – это описание ранней истории фотографии, когда фотография была искусством<sup>87</sup> и которую Беньямин противопоставляет второму, позднему периоду массового распространения фотографии.<sup>88</sup> Наконец, третий, уже упоминавшийся этап, это описание фотографии как части разного рода массовых коммуникаций с той разницей, что, в отличие от телеграфа или телефона, фотография распространяется хаотично и без четко определенных траекторий.<sup>89</sup> Во всех трех случаях идея фотокамеры как инструмента запечатления образа мира в рамках определенных границ остается той же, однако меняется степень подвижности фотографий-репродукций и, соответственно, расширяется граница влияния «черного ящика»-камеры. Изменчивость границ влияния фотокамеры позволяет говорить уже не только о технических, но и о социальных аспектах эксперимента.

Ключевым отличием работы фотокамеры от камеры-обскуры для Беньямина выступает различие между копией и оригиналом: если в случае камеры-обскуры подчеркивается, как правило, насколько точно она воспроизводит реальность-оригинал, в случае фотоаппарата для Беньямина как раз важна разница между оригиналом и его копией. Беньямин выделяет две ситуации отношения между оригиналом и копией. Первая ситуация

---

<sup>87</sup> Беньямин В. Краткая история фотографии. – Ad Marginem, 2013.

<sup>88</sup> Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М. : Медиум, 1996.

<sup>89</sup> Benjamin W. The arcades project. – Harvard University Press, 1999.

характерна для ранней истории фотографии: это различие между физической реальностью, которую можно принять за оригинал. Вторая ситуация относится к поздней фотографии и различию между произведением искусства и его фоторепродукцией. Обе ситуации объединяет понятие ауры, с помощью которого Беньямин проводит различие между ситуацией до фотографирования и результатом работы фотокамеры. Однако действия, которые производит фотокамера с аурой, различаются: в первом случае она высасывает ауру из реальности, чтобы сообщить фотографии, а во втором – расщепляет и фактически уничтожает. Посмотрим, как эти два разных способа действия фотокамеры связаны с границами ее влияния и масштабированием социальных отношений.<sup>90</sup>

В первом случае Беньямин говорит о раннем развитии фотографии и ее роли в исследовании социальной реальности и природы. Однако такими фотографиями являются далеко не все – фактически только те, которые делаются не путем «щелканья» фотокамерой, а которые обращены к «забытому и заброшенному, ... [которые] обращаются против экзотического, помпезного, романтического звучания городов; они высасывают ауру из действительности, как вода из тонущего корабля. Что такое, собственно говоря, аура? Странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был. ...Стремление же „приблизить” вещи к себе, точнее – массам – это такое же страстное желание современных людей, как и преодоление уникального в любой ситуации через его репродуцирование».<sup>91</sup>

Беньямин определяет здесь ауру как особый способ отдаления от объекта, который позволяет охватывать его целиком и встраивать в ряд других явлений, используя фотографию для сравнения, «эксперимента и обучения».<sup>92</sup> Но такое

---

<sup>90</sup> Беньямин В. Краткая история фотографии. – Ad Marginem, 2013.

<sup>91</sup> Там же. С. 81–82, 86.

<sup>92</sup> Беньямин В. Краткая история фотографии. – Ad Marginem, 2013. – С. 89.

отстранение от объекта фотографирования невозможно, если камера остается статичной. Как показывает практика русского кино, в частности работы Эйзенштейна («Монтаж»),<sup>93</sup> на которые ссылается Беньямин, или голландской живописи, которая построена по сходному принципу,<sup>94</sup> условием отстраненности или сохранения ощущения дали становится движение камеры или хотя бы его возможность, которая закладывается монтажом нескольких кадров внутри одного изображения. Таким образом, первый вариант действия фотокамеры заключается в скрытом монтаже, когда она создает иллюзию объема в плоском изображении, которая возникает в результате совмещения нескольких кадров, тем самым «сжимая» реальность до насыщенного, но предельно конкретного и реалистичного образа.

Второй вариант работы фотокамеры с аурой возникает при создании репродукций произведений искусства. В отличие от фотографий социальной и материальной реальности, которые созданы ранними мастерами, фотографические репродукции произведений искусства не «высасывают» ауру объекта, которая связана с ритуалами, то есть способами взаимодействия с ним или движения вокруг него. Из-за появления репродукций у фотоотпечатков или копий произведений искусства появляется две характеристики. Теперь произведения искусства рассчитаны на репродуцируемость, то есть лишаются подвижности и освобождаются от «паразитарного существования на ритуале»,<sup>95</sup> и их ритуальную функцию заменяет эстетическая. В результате меняется характер движения и отношения с далью фотографий-репродукций. Кадр внутри фотоснимка становится максимально плоским и статичным, но это позволяет самому снимку-фотокарточке быть более мобильной. Фоторепродукция, в отличие от оригинального произведения искусства, может путешествовать максимально

---

<sup>93</sup> Эйзенштейн С. М. Монтаж // Музей кино. 2000; Эйзенштейн С. М. Вертикальный монтаж. – Directmedia, 2016.

<sup>94</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022. С. 114–120.

<sup>95</sup> Беньямин В. Краткая история фотографии. – Ad Marginem, 2013. – С. 28.

далеко, при этом создавая иллюзию близости к оригиналу и за счет этой иллюзии уравнивая зрителей в разных местах, сокращая между ними расстояния и объединяя их в единую эстетически организованную массу.

«Черный ящик» Бенъямина или фотокамера обладает двойным действием: она может создавать ощущение дали, ужимая кадры внутри одного снимка, либо сокращать расстояния, создавая множество копий-репродукций оригинального объекта и объединяя зрителей в единую плоскую сеть отношений. Таким образом, фотокамера добавляет оптическому эксперименту еще одно измерение, она позволяет исследовать эстетические и социальные отношения между объектами. Анализ отношений и связей между объектами становится возможен, поскольку фотокамера не просто воспроизводит реальность как камера-обскура, но и может качественным образом изменять перспективу за счет оптических свойств линз, либо создает сеть социальных связей за счет множества одинаковых копий.

Тем самым Бенъямин утверждает подобие двух способов организации – эстетического (или материального) и социального, – перевод между которыми производит «черный ящик» фотокамеры.<sup>96</sup> В отличие от естественнонаучного «черного ящика», эксперименты с фотокамерой и разными типами отображений показывают, что благодаря подобию материального и социального способа организации у любого типа искажений всегда есть обратная сторона, которая делает возможным изображение. Технические или оптические искажения создают дополнительные социальные смыслы и значения. Социальные искажения – например, уравнивание различных зрителей в более или менее единую массу – обладают материальным эффектом, то есть изменяют отношения с материальной средой, в которой они происходят, задавая ей единый ритм или точку отсчета для ее описания. Тогда

---

<sup>96</sup> Близкую интерпретацию идей Бенъямина можно встретить в ранних работах Скотта Лэша, где он показывает, как обращение к идеям Бенъямина позволяет связать этические и эстетические суждения. см.: Lash S. Reflexive modernization: The aesthetic dimension // Theory, culture & society. – 1993. – Т. 10. – № 1. – С. 1–23.

выяснение в социоматериальном эксперименте особенностей и границ искажений репрезентаций, которые создает технический объект («черный ящик»), одновременно показывает социальные эффекты его применения.

#### **Раздел 1.4. Фотография как отражение массового вкуса: возможен ли обратный ход эксперимента?**

Представленная выше интерпретация текстов Беньямина о фотокамере и ауре является реконструкцией его подхода, основанной на текстах Серра о массовых коммуникациях и Левиафане и рецепции этих текстов в ранних работах социологов ANT.<sup>97</sup> Однако, чтобы понимать, как была преобразована эта рецепция Беньямина в ANT, необходимо также понимать еще одну, менее очевидную, линию интерпретации его идей, представленную другим предшественником ANT – Бурдьё – в его ранних работах. Интерпретация идей Беньямина в работах Бурдьё особенно важна, учитывая, что именно критичное отношение к идеям Беньямина сделало его концепции «черным ящиком» для европейской континентальной социологии второй половины XX века. Возвращение к идеям Беньямина начинается в отдельных работах в середине 80-х годов и под влиянием американских социологов и среди представителей британской социологии.<sup>98</sup>

В двух ранних работах об образовании<sup>99</sup> и о фотографии<sup>100</sup> Бурдьё оценивает роль фотографии и репродукции, в том числе объектов искусства,

---

<sup>97</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303.

<sup>98</sup> Hetherington K. The utopies of social ordering – Stonehenge as a museum without walls // *The Sociological Review*. – 1995. – Т. 43. – № S1. – С. 153–176; Lash S. Another modernity: A different rationality. – 1999; Law J. On the subject of the object: Narrative, technology, and interpellation // *Configurations*. – 2000. – Т. 8. – № 1. – С. 1–29.

<sup>99</sup> Bourdieu P. *The Inheritors: French Students and Their Relation to Culture* / P. Bourdieu, J.-C. Passeron. – Chicago : University of Chicago Press, 1979[1964]; Bourdieu P. et al. *Photography: The Social Uses of an Ordinary Art*. Polity Press, 1989 [1965]; Bourdieu P. *Photography: A Middle-brow Art*. – Stanford University Press, 1990.

<sup>100</sup> Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* / P. Bourdieu; translated by R. Nice. – Cambridge : Harvard University Press, 1984. P. 4–5.

существенно иначе, чем это делает Беньямин. Во-первых, для Бурдьё элитное искусство художников и массовая репродукция находятся в принципиально разных социальных полях, которые не пересекаются между собой, или, во всяком случае, имеют принципиально разную структуру и систему отношений.<sup>101</sup> Это различие существенно для Бурдьё, поскольку ему интересны, прежде всего, устойчивые, регулярные и воспроизводимые социальные структуры и иерархии. Соответственно, то, как воспроизводятся отношения в мире искусства и в мире популярной культуры, различается. В поле искусства воспроизводиться будет именно культурный и социальный капитал, связанный с объектом культуры или статусом его автора. В поле массовой культуры отдельные объекты-репродукции обладают ценностью только как способ поддержания системы распределения статусов и классов, которые сложились в социальной иерархии. При этом культура в обоих полях выступает как производная социальных статусов, им присущих – элитного, высокого и популярного, среднего, – поэтому ее нельзя рассматривать как единое и самостоятельное социальное явление, как это делает Беньямин.<sup>102</sup> Именно это является первым основанием Бурдьё, чтобы начать опровергать концепцию культуры Беньямина: культура не равна искусству и не обладает самостоятельным социальным статусом. Таким образом, Бурдьё устанавливает приоритет социальных отношений над материальными.

Тем не менее фотография интересует Бурдьё и выступает для него важным источником для социальных исследований, то есть для расколдовывания мира.<sup>103</sup> Тогда можно задаться вопросом, что является для Бурдьё «черным ящиком» – фотокамера или еще что-то – и как он работает. В отличие от Беньямина, который утверждал, что ритуал связан только с оригинальным произведением искусства, Бурдьё рассматривает процесс фотографирования

---

<sup>101</sup> Johnson R., Bourdieu P. The field of cultural production: Essays on art and literature // Cambridge: Polity. – 1993. – P. 259–260.

<sup>102</sup> Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М.: Медиум, 1996.

<sup>103</sup> Bourdieu P., Schultheis F. Picturing Algeria. – Columbia University Press, 2012.

как самостоятельный социальный ритуал, которому люди следуют в определенных ситуациях: когда встречаются с семьей или на отдыхе.<sup>104</sup> Тогда «черный ящик» фотокамеры связан не с техническим механизмом работы, а с практиками ее использования и социальными смыслами, которые в них заложены. Поскольку эти социальные практики остаются фоновыми, Бурдьё утверждает, что в описании фотографии перепутаны причина и следствие: поводом для фотографии выступает не уникальность момента, а, наоборот, его типичность, которая и предписывает, что и как должно быть сфотографировано. Тем самым Бурдьё описывает тот тип фотографий, который Беньямин игнорировал и называл «щелканьем».<sup>105</sup> С точки зрения Бурдьё, ритуальные фотографии делают видимыми наличие фоновых социальных практик и повседневных ритуалов, которые и являются «черными ящиками». Таким образом, фотокамера как «черный ящик» начинает работать как инструмент для реконструкции социальных отношений в руках социолога – важен не механизм работы, а то, какие социальные отношения маркирует его использование.

Вторая ситуация использования репродукций, которую описывает Бурдьё, оставляет фотокамеру принципиально за кадром – это репродукции в школьных учебниках.<sup>106</sup> В этом случае изображение также обладает индексальным значением, как и в случае с повседневными ритуалами, но соотносится оно не с практиками с определенными статусами, социальными иерархиями и способами организации пространства (Reproduction 56).<sup>107</sup> Возникает парадоксальная ситуация, изображения, которые Бурдьё называет репродукциями, являются репродукциями объектов искусства лишь по форме, в то время как по смыслу они способствуют воспроизводству или репродукции

---

<sup>104</sup> Bourdieu P. et al. *Photography: The Social Uses of an Ordinary Art.* – Polity Press, 1989 [1965]. – P. 37–39.

<sup>105</sup> Беньямин В. *Краткая история фотографии.* – Ad Marginem, 2013. – С. 21.

<sup>106</sup> Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. *The love of art: European art museums and their public.* – Polity Press, 1991. – P. 62–70.

<sup>107</sup> Bourdieu P., Passeron J. C. *Reproduction in education, society and culture.* – Sage, 1990. – Т. 4. – P. 56.

социального порядка. «Черным ящиком» в этом случае выступает учебник, который собирает отдельные репродукции-индексы и делает из них объемную картинку, так же как в ситуации с ранней фотографией мастер собирает отдельные кадры в единый снимок. Учебник Бурдьё оказывается инструментом реконструкции сложившихся представлений о социальном порядке, выраженных в различного рода иллюстрациях – словесных или визуальных репродукциях.

Другой пример, близкий к ситуации с учебником, можно наблюдать в работе Бурдьё в Алжире. В ходе полевого исследования Бурдьё активно использует фотографии и спустя 40 лет публикует их в качестве отдельной книги.<sup>108</sup> Эти фотографии имеют двойную функцию: с одной стороны, они пытаются следовать сложившимся социальным ритуалам и по возможности фиксировать их. С другой, они призваны отображать, как складываются социальный порядок и социальные взаимоотношения в данной среде, создавая объемную картинку повседневных практик. Тем самым фотографии оказываются способом документирования повседневной исследовательской рутины и исследовательских ритуалов Бурдьё, делая видимыми особенности его оптики и его представлений о принципах исследования и принципах организации социального порядка, которые он ожидает увидеть.

Таким образом, можно утверждать, что Бурдьё использует фотографии и репродукции как способ выявить особенности социальной оптики, присущей тому или иному социальному порядку. В определенной степени метод Бурдьё можно назвать социальной камерой-обскурой, поскольку он пытается реконструировать по перевернутому изображению социальных практик то, как устроен социальный порядок в рамках того или иного поля, сообщества или ситуации. Однако если вернуться к критике Поппера и различия естественнонаучных и социоматериальных экспериментов,<sup>109</sup> подход Бурдьё

---

<sup>108</sup> Bourdieu P., Schultheis F. *Picturing Algeria*. – Columbia University Press, 2012.

<sup>109</sup> Поппер К. *Логика и рост научного знания*. – 1983.

оказывается уязвимым, поскольку он пытается напрямую импортировать в социологию методы естественных наук и ответить своими исследованиями на вопрос о том, что происходит в социальных отношениях. Как показывает ранее описанный Кеплером анализ работы камеры-обскуры, в оптическом изображении всегда присутствуют искажения<sup>110</sup> и предметом анализа должно быть не столько изображение, которое получается автоматически, благодаря работе техники, а выявление и корректировка ошибок и искажений, которые данная техника порождает.

Таким образом, хотя анализ фотографий и репродукций Бурдьё и его критика Беньямина показывает значимость анализа материальных объектов для реконструкции социальной организации и социальных отношений, его существенным недостатком оказывается игнорирование экспериментального характера оптического метода познания. Из-за этого эстетический и организационный принцип анализа, который развивает Бурдьё, остается слишком обобщенным и укрупненным, что позволяет анализировать большие объекты, но не показывает, как влияет подвижность и изменчивость социальных отношений на материальные и организационные формы их поддержания и стабилизации.<sup>111</sup>

Для ответа на вопрос о том, как сделать эстетический анализ Бурдьё более точным инструментом, необходимо обозначить, что именно выступает в качестве «черного ящика» популярной массовой культуры. При этом социальная техника, заложенная в «черный ящик» популярной культуры, должна быть достаточно абстрактной, чтобы описывать весь спектр культурных явлений, несмотря на их разнообразие. Бурдьё считает «черным ящиком» пространство символических (социальных) и материальных обменов, которое экономисты называют «рынком», а он

---

<sup>110</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022.

<sup>111</sup> Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. The love of art: European art museums and their public. – Polity Press, 1991.

предлагает называть полем экономики (1977, 1997). Однако возникает вопрос, как возможен обмен в «черном ящике» – может ли он работать в двух направлениях параллельно, и как он тогда реализуется в ситуации оптической техники и эстетического способа познания.

### **Раздел 1.5. Реконструкция отношений как основа эксперимента**

Предлагая свою версию работы с «черным ящиком» социальных наук, социологи ANT подчеркивают, что он может совмещать противоположные характеристики. С одной стороны, для социологов ANT «черным ящиком» выступает Левиафан, который состоит из множества дискретных элементов и, кроме того, неоднороден – в нем соединяются материальные и социальные сети.<sup>112</sup> С другой стороны, сам социоматериальный объект является «черным ящиком», поскольку существует на пересечении социальных и материальных сетей. Наконец, если исходный объект-«черный ящик» имеет в качестве аналога оптическую технику, то простейшим примером такой техники является глаз,<sup>113</sup> внутри которого происходит взаимопроникновение и обмен лучами, то есть глаз оказывается микро моделью рынка<sup>114</sup> или, пользуясь термином Бурдьё, поля экономики.<sup>115</sup>

Несмотря на различные масштабы приведенных примеров – Левиафан,<sup>116</sup> рынок,<sup>117</sup> объект-актор<sup>118</sup> – сложная система черных ящиков, которая лежит в основании акторно-сетевой теории, обладает сходными качествами: каждый

---

<sup>112</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303; Латур Б., Смирнов А. Об интеробъективности // *Социологическое обозрение*. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 79–98.

<sup>113</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022; Bourdieu P. *Photography: A Middle-brow Art*. – Stanford University Press, 1990.

<sup>114</sup> Алперс С. Предприятие Рембрандта. Мастерская и рынок. – *Ad Marginem*, 2022.

<sup>115</sup> Бурдьё П. Поле экономики // *Социальное пространство: поля и практика*. – 2005. – С. 129–176.

<sup>116</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303.

<sup>117</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. М. : V-A-C Press, 2022; Bourdieu P. *Photography: A Middle-brow Art*. – Stanford University Press, 1990.

<sup>118</sup> Латур Б., Смирнов А. Об интеробъективности // *Социологическое обозрение*. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 79–98.

«черный ящик» объединяет различные по характеру социальные и материальные сети, создает пространство для обмена между ними, является гибридом, но для внешнего наблюдателя он создает иллюзию неделимого объекта.<sup>119</sup> Таким образом, для раннего ANT «черный ящик» оказывается базовой моделью для описания социальных отношений, причем к предыдущим его экспериментальным характеристикам добавляется еще одна – он становится вне-масштабен и потому позволяет анализировать искажения, порожденные изменением размера.<sup>120</sup>

Внемасштабность «черного ящика» ANT делает актуальным вопрос о том, как именно он работает, и позволяет экспериментировать с объектами различного размера. Беньямин описывает фотокамеру, которая превращает большие реальные объекты в небольшие фотографии или создает большую сеть репродукций, которая связана с одним объектом, который может быть сравнительно маленьким.<sup>121</sup> Бурдьё, наоборот, показывает, как множество однотипных объектов воспроизводят одну и ту же структуру, или как социальные ритуалы порождают множество схожих кадров (похожие примеры можно также найти в работах Мановича).<sup>122</sup> Однако социологов ANT, прежде всего Латура, в «черном ящике»-объекте интересует в первую очередь возможность преодоления дуализма, заложенного всей философией Нового времени, – между субъектом и объектом, Природой и Обществом, Наукой и Искусством.<sup>123</sup> Чтобы «черный ящик» и способ социального экспериментирования позволили показать взаимную дополняемость элементов парных оппозиций, необходимо преодолеть ключевое качество, которое есть у «черного ящика» фотокамеры. Фотокамера всегда имеет только

---

<sup>119</sup> Там же.

<sup>120</sup> Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». – СПб. : Издательство Европейского университета, 2015.

<sup>121</sup> Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М. : Медиум, 1996.

<sup>122</sup> Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. The love of art: European art museums and their public. Polity Press, 1991; Manovich L. Cultural analytics. – Mit Press, 2020.

<sup>123</sup> Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». – СПб. : Издательство Европейского университета, 2015.

одно направление действия – от реального мира к его репродукции. Чтобы показать возможность ее действия в обратном направлении, необходимо доказать, что способ анализа репродукций Бурдые является не просто конструированием социальных смыслов, а имеет эмпирическое и материальное воплощение.

Решение проблемы дуализма объекта и однонаправленного действия фотокамеры Беньямина наиболее явно представлено в двух текстах АНТ, опубликованных в начале 1990-х годов. Сначала Латур показывает возможность совмещения двух версий направлений обмена-перевода в одном объекте на примере анализа экспериментов Бойля и Гоббса в манифесте Нововременных.<sup>124</sup> Затем он дорабатывает идею объекта, который регулирует обмен между сетями, и предлагает его называть в совместных работах с Эньенном по социологии музыки медиатором.<sup>125</sup> Искажения формы технического объекта-медиатора, его способа действия и разрывов в сетях, которые он плетет, делают видимым ограничения его способа видения и дают доступ к экспериментированию с ними через материальные репрезентации и их отношения.

В проекте Нововременных<sup>126</sup> Латур обращается к концепту медиатор Беньямина, описывая его как технический инструмент, который выступает как кодировщик или стрелочник, переключающий стрелку на железной дороге и определяющий направление движения поезда. При этом Латур выделяет два основных направления движения: операцию очищения, когда производится различение двух чистых областей действия или знания (природа/общество, наука/искусство), и операцию перевода, когда между этими областями устанавливаются связи и сшиваются их отдельные куски в единую сеть.

---

<sup>124</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

<sup>125</sup> Hennion A., Latour B. *Objet d'art, objet de science. Note sur les limites de l'anti-fétichisme // Sociologie de l'art.* – 1993. – № 6. – С. 7–24.

<sup>126</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

Объект-медиатор участвует в обеих операциях не как простой посредник, а как активный участник двух способов плетения сети: ее ветвления (очищения и образования разрывов или дыр) и сшивания (гибридизации). В результате медиатор трансформирует сплошное пространство, которое можно было бы описать как пространство социальных отношений Бурдье или ауру Бенямина, в неравномерную, но плоскую сеть, состоящую из связей и разрывов между ними. Трансформация пространства в плоскую сеть позволяет говорить о том, что медиатор деконструирует, каким образом организовано то или иное пространство. В описании действия фотокамеры, которое приводит Бенямин, способ организации пространства и производная от него организация снимка была связана со способами и траекториями движения. «черный ящик» медиатора расширяет поле материальных экспериментов на технику движения, анализ его неравномерностей и отклонений.<sup>127</sup>

Принципиальное различие медиаторов Латура и Бенямина отражается и на том, как они описывают продукт деятельности медиатора. Медиатор Бенямина – это фотокамера, которая производит копии, искусственно сжимающие пространство и лишаящие объект искусства изменчивости и свойственной ему ритуальности. Медиатор ANT, так же как и фотокамера Бенямина, кодирует и трансформирует информацию, которую он воспринимает в соответствии с определенным алгоритмом.<sup>128</sup>

Однако кодирование информации медиатором не приводит к редукции. Эньенн утверждает, что медиаторы – это не инструменты в руках художника (или экспериментатора), а акторы, которые создают собственную реальность, например, реальность искусства.<sup>129</sup> Эньенн критикует Бенямина за то, что тот считает, что объект искусства является продуктом деятельности художника, в то время как и искусство и художник являются производными того

---

<sup>127</sup> Hennion A., Latour B. *Objet d'art, objet de science. Note sur les limites de l'anti-fétichisme* // *Sociologie de l'art*. – 1993. – № 6. – С. 7–24.

<sup>128</sup> Там же.

<sup>129</sup> Hennion A. *The passion for music: A sociology of mediation*. – Routledge, 2017.

технического объекта, который выступает между ними медиатором.<sup>130</sup> Роль техники и особенно фотокамеры в отношении искусства меняется, поскольку искусство перестает восприниматься как особая сакральная область, отличная от технической.

Наоборот, Латур и Эньенн утверждают, что искусство является таким же результатом технического производства, как и фотография. Тогда медиатор сокращает разрыв между оригинальным объектом и сеть его фотографических репродукций за счет изменения организации его символической ценности: ее структура упрощается, и за счет этого она становится более мобильной, образуя подобие «вывернутого» наизнанку Левиафана.<sup>131</sup> Тем не менее роль медиатора не ограничивается созданием сокращения дистанции между различными типами объектов. Преобразуя один вид движения в другой, например, движения рук художника в статичный снимок, который может двигаться в пространстве и взаимодействовать с глазами наблюдателя и зрителя, медиатор работает с субъективным или чувственным искажением оптического восприятия, которое обобщает в случае художника или актуализирует в случае зрителя частный зрительный и двигательный опыт смотрящего.

Таким образом, Латур и следующие за ним социологи ANT расширяют сферу экспериментов с познанием мира через зрение и наблюдения, добавляя к этому опыт практических действий. «Черный ящик» в ANT<sup>132</sup> становится способом экспериментировать не только с объективными оптическими искажениями и допущениями, вызванными особенностями конструкции и технического механизма, но субъективными механизмами восприятия через

---

<sup>130</sup> Hennion A., Muecke S. From ANT to pragmatism: a journey with Bruno Latour at the CSI // *New Literary History*. – 2016. – Т. 47. – № 2. – С. 289–308.

<sup>131</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303.

<sup>132</sup> Латур Б., Об интеробъективности // *Социологическое обозрение*. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 79–98.

анализ организации движения и социальных практик, с ним связанных. При этом «черный ящик» становится универсальным средством описания для описания различных ситуаций, что расширяет и зону влияния акторно-сетевой теории, поскольку оказывается, что в ее основе лежит не особая конструкция отношений и метафор, а их максимально формализованное описание. Именно формализация описания позволяет ANT разработать детальную и сложную механику организации социоматериального эксперимента.

### **Раздел 1.6. Эксперимент как поиск связей между разными типами переменных**

Рецепция идеи «черного ящика», реализованная Латуром и Эньенном в ANT за счет совмещения идей Беньямина и Бурдьё, а также опыта описания естественнонаучных экспериментов в ранних исследованиях STS, показывает принципиально иной подход к эмпирическому эксперименту в социологии, в отличие от попперовского эксперимента естественных наук.

Во-первых, Поппер утверждает, что основной задачей эмпирического экспериментального знания является проверка теорий и гипотез и выявление границ их применимости.<sup>133</sup> То есть Поппер рассматривает эксперимент как способ отделить истинные утверждения от ложных, пропустив их через «черный ящик» эксперимента, и показать, при каких условиях те или иные утверждения оказываются ложными. Такая позиция Поппера напрямую связана с представлениями о науке как о дискурсивном инструменте познания, в основе которого лежат различные типы аргументов, основанных на данных и логике в естественных науках или на авторитете в гуманитарных и социальных науках.<sup>134</sup>

Отстаивая эмпирический характер социальных наук, социологи ANT и STS предложили альтернативную социоматериальную версию эксперимента,

---

<sup>133</sup> Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – Т. 10. – С. 65–75.

<sup>134</sup> Поппер К. Логика и рост научного знания. – 1983.

основанного на описательном методе познания. В основе социоматериального эксперимента лежит детальный анализ способа работы «черного ящика». В отличие от Поппера, социологи ANT делают предметом эксперимента не проверку тех или иных утверждений, а способ работы экспериментальной техники и выяснение, какие типы искажений она может вносить в результаты анализа.<sup>135</sup> В отличие от Поппера, Латур и Эньенн представляют социоматериальный эксперимент из перспективы ANT как предельно формализованный инструмент описания реальности с помощью «черного ящика», который выступает пространством для баланса различного типа искажений: социальных/материальных, с одной стороны, или технических/чувственных – с другой.<sup>136</sup>

Во-вторых, Поппер предполагает, что эмпирический эксперимент работает линейно, то есть утверждения, которые в нем проверяются, могут получить прямое подтверждение или опровержение фактами.<sup>137</sup> При этом критерием результативности эксперимента для Поппера является именно противоречие наблюдаемых фактов гипотезам, что, с его точки зрения, является критерием объективной истины. Таким образом, критерий объективности, по Попперу, всегда выступает негативным, и процесс преодоления этой негативности может быть бесконечным, что и составляет основу познания и расширения числа явлений, доступных его объяснению.

В отличие от Поппера, социологи не считают, что различие знания и незнания является однозначным, и предполагают, что есть различные способы познания, искажения и ошибки которых компенсируют друг друга.<sup>138</sup> Это позволяет делать предположения и ориентироваться даже в условиях

---

<sup>135</sup> Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton University Press, 2011.

<sup>136</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

<sup>137</sup> Поппер К. *Логика и рост научного знания*. – 1983.

<sup>138</sup> Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». – СПб. : Издательство Европейского университета, 2015.

неизвестности. Чтобы показать, как происходит баланс различных способов познания, социологи обращаются к описанию Кантом камеры-обскуры, его развитие Беньямином для фотокамеры и критике обоих описаний со стороны Бурдьё. Если анализ Канта позволяет говорить о технических аспектах эксперимента, то есть оптических искажениях,<sup>139</sup> которые возникают при создании проекций или репрезентаций реальности, то Бурдьё делает акцент на социальных репрезентациях, которые возникают с помощью различных техник и их репродукции.<sup>140</sup>

В отличие и от Канта, и от Бурдьё, анализ действия фотокамеры Беньямином показывает, что социальные и технические репрезентации взаимно дополняют друг друга.<sup>141</sup> Усилению технических искажений будет способствовать более точная социальная репрезентация, а социальные искажения будут порождаться более общей и детальной технической репрезентацией. Совмещая различные способы социотехнического экспериментирования с помощью «черного ящика» из перспективы ANT, Латур и Эньенн показывают, что «черный ящик» позволяет сбалансировать не только социальные и технические искажения описаний-репрезентаций, но также показывает, как соотносятся искажения субъективного чувственного восприятия и объективные технические искажения.<sup>142</sup>

В-третьих, модель социоматериального эксперимента, предложенная в ранних работах социологов ANT, позволяет рассматривать искажения и ошибки, полученные в результате эксперимента, не как исключительно негативную, ограничивающую информацию. Вместо этого ошибки становятся

---

<sup>139</sup> Kant I. Kant's inaugural dissertation of 1770. – Columbia college, 1894. – Т. 1. – № 2; Rauer C. Kant's Philosophy of Projection: The Camera Obscura of the Inaugural Dissertation // Rethinking German Idealism. – 2016. – С. 21–50.

<sup>140</sup> Bourdieu P. et al. Photography: The Social Uses of an Ordinary Art. – Polity Press, 1989 [1965].

<sup>141</sup> Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М. : Медиум, 1996.

<sup>142</sup> Hennion A., Latour B. Objet d'art, objet de science. Note sur les limites de l'anti-fétichisme // Sociologie de l'art. – 1993. – № 6. – С. 7–24.

основой для выделения пограничных объектов и ситуаций, где возможно переключение между различными способами описания реальности и соответствующими ему культурными, социальными и материальными практиками.<sup>143</sup>

Таким образом, если ошибки и расширение знания для Поппера имеют линейный характер от знания к областям незнания, что повторяется с некоторыми вариациями в работах его учеников, то в случае социоматериального эксперимента различные типы ошибок будут разными способами описания объекта и интерпретации его способа действия. В следующем разделе будет рассмотрено, как социоматериальный эксперимент позволяет определять границы интерпретаций исследуемой социальной ситуации, а последний раздел главы будет посвящен тому, как перейти от конкретной ситуации к ее обобщению до ситуации социоматериального эксперимента.

## **Глава 1. Раздел 2. Открыть «черный ящик»: границы эксперимента**

### **Раздел 2.1. От «черного ящика» к эксперименту: изменчивость описаний**

В предыдущем разделе историческая реконструкция модели «черного ящика» позволила описать основные принципы действия социоматериального эксперимента по двум осям: социально-материальной и субъект-объектной. Основным элементом эксперимента как инструмента познания выступают ограничения экспериментальных изменений, которые позволяют судить о подтверждении или ошибочности исходных положений. Границы эксперимента могут быть описаны двояко: как эмпирический результат отдельного эксперимента и как концептуальное объяснение работы

---

<sup>143</sup> Law J. What's wrong with a one-world world? // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139.

ограничений: что и каким образом они позволяют различать. Описание первого типа позволяет установить границы конкретной экспериментальной ситуации. Второй тип описания показывает, как организован процесс познания и какое значение для него имеют ситуации отклонений и ошибок.

Представленный в предыдущей части оптический принцип познания – мы знаем то, что мы наблюдаем и можем описать простым и ясным языком – близок к логике основных оппонентов Поппера, логическим эмпирикам из Венского кружка.<sup>144</sup> Техника работы «черного ящика», объединяя два принципа описания эмпирических наблюдений, была разработана в рамках Венского кружка Карнапом<sup>145</sup> и Шликом.<sup>146</sup>

Карнап в начале 1930-х годов говорил о простейших «протокольных предложениях», которые уравнивают научное высказывание и научный факт: формальное описание ситуации описывает ее подобно картинке.<sup>147</sup> Другой вариант описания эмпирических наблюдений предложил Шлик. Он указывает на различие опыта конкретных людей, когда даже на основании одного и того же формального описания они представляют различные образы. Чтобы убрать эту двусмысленность, Шлик предлагает говорить о «предложениях констатации или наблюдения», в которые входят не только описания процесса,

---

<sup>144</sup> Исторический обзор взаимоотношений Поппера с Венским кружком можно найти в работах: Sarkar S. *The Vienna Circle: The Story of Logical Empiricism*. – Taylor & Francis, 2024; Hacohen M. H. *Karl Popper, the Vienna circle, and red Vienna* // *Journal of the History of Ideas*. – 1998. – Т. 59. – № 4. – С. 711–734; Stadler F. *What is the Vienna Circle? Some methodological and historiographical answers* // *The Vienna circle and logical empiricism: Re-evaluation and future perspectives*. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2003. – С. XI–XXIII.

<sup>145</sup> Противостояние Поппера и Карнапа имело достаточно длительный характер, причем, как отмечают исследователи, было два этапа – более ранний технический и более поздний, относящийся к проблемам индуктивной логики, именно эта, концептуальная часть является предметом интереса в данном разделе. Подробнее см.: Lakatos I., Musgrave A. *Inductive Logic*. Amsterdam : North Holland Publ. Co., 1968; Leblanc H., Fraassen B. C. van. *On Carnap and Popper probability functions* // *The Journal of Symbolic Logic*. – 1979. – Т. 44. – № 3. – С. 369–373; Niiniluoto I. *Carnap on truth* // *Language, Truth and Knowledge: Contributions to the Philosophy of Rudolf Carnap*. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2003. – С. 1–25; Столярова О. Е. *О возможности критики научно-технического знания* // *Социология власти*. – 2012. – № 6-7. – С. 13–26; Шрамко Я. *Очерк истории возникновения и развития аналитической философии* // *Логос*. – 2005. – № 2. – С. 4–12.

<sup>146</sup> Обзор расхождений между Шликом и Поппером представлен в недавней статье: Ortiz de Landázuri M. C. *Schlick and Popper on Causality and Quantum Physics: Origins and Perspectives of the Debate* // *International Studies in the Philosophy of Science*. – 2024. – Т. 37. – № 3. – С. 75–94.

<sup>147</sup> Карнап Р., Шрамко Я. В. *Психология на языке физики* // *Философские науки*. – 2013. – № 1. – С. 126–146.

но и «демонстративные термины» или указания на технику и условия, в которых осуществляется действие в конкретной ситуации.<sup>148</sup>

Несмотря на различия в этих двух подходах и их более позднее усложнение (позднее Карнап отказывается от идеи универсального протокольного языка)<sup>149</sup>, их объединяет интерес к формальной логике или в материальном плане – к форме и технике, которая для позитивистов является основанием науки.<sup>150</sup> Однако способом утверждения истинности тех или иных высказываний в подходе позитивистов является принцип верификации или подтверждения исходных гипотез, то есть фактически выделение нового протокольного утверждения, произведенное эмпирически. В случае верификации как основного способа проверки истинности или ложности тех или иных положений границы эксперимента оказываются чрезвычайно узкими – в пределах жесткой оппозиции «истина/ложь».

Из перспективы логического эмпиризма, попперовский принцип фальсификации как способ выяснения границ эксперимента предполагает более широкую вариативность результатов. Фактически из оппозиции «да/нет» – соответствия или несоответствия результатов эксперимента исходной гипотезе – Поппер убирает первую часть и делает акцент на

---

<sup>148</sup> Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – С. 28-33.

<sup>149</sup> Carnap R. Testability and meaning // Philosophy of science. – 1936. – Т. 3. – № 4. – С. 419–471.

<sup>150</sup> Отдельно необходимо отметить связь между акторно-сетевой теорией и идеями Карнапа через прагматизм: Kraut R. Rudolf Carnap: Pragmatist and expressivist about ontology // The Routledge handbook of metametaphysics. – Routledge, 2020. – С. 32–48. При этом подход Шлика рассматривается историками науки как основание для формирования современной философии (и социологии) науки с ее отказом от метафизики: Romizi D. The Vienna Circle's „scientific world-conception”: Philosophy of science in the political arena // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. – 2012. – Т. 2. – № 2. – С. 205–242. Эти две линии противостояния – ориентация на вещи и отказ от метафизики (теоретизирования) и являются философскими основаниями для аргументов ANT/STS против Поппера, однако, как правило, не рассматриваются отдельно, поскольку более прямые связи с Венским кружком в ANT/STS идут через работу с концептами Витгенштейна, эта традиция начинается с работ Блур и продолжается в различных формах в поздних версиях STS: Блур Д. Анти-Латур // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 1 (116). – С. 85–134; Латур Б. Дэвиду Блур... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блур // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 1 (116). – С. 135–162; Bloor D. Wittgenstein. A social theory of knowledge // British Journal for the Philosophy of Science. – 1985. – Т. 36. – № 3; Barnes B., Law J. Whatever should be done with indexical expressions? // Theory and society. – 1976. – Т. 3. – № 2. – С. 223–237.

принципиальной возможности эмпирически опровергнуть утверждение в ходе эксперимента, описывая это как фальсифицируемость теории.<sup>151</sup> В этой ситуации мы не можем наблюдать такое действие материальной техники, которое хотя бы частично соответствовало изначальной гипотезе.

Несмотря на видимую гладкость, в определении принципа фальсификации Поппера есть две сложности.<sup>152</sup> Первая проблема связана тем, как определяется фальсифицируемость, а вторая – с тем, что фальсифицируется. Во-первых, хотя Поппер противопоставляет фальсификацию и верификацию утверждений в рамках экспериментальной эмпирической проверки, практическая граница между ними остается размытой. Например, если верификация или фальсификация исходных гипотез будет частичной, то остается вопрос о допустимых отклонениях при подтверждении или опровержении гипотез. Этот вопрос будет также касаться того, что именно подтверждают или опровергают данные, должна ли фальсификация гипотез противоречить фундаментальным основам теории или она может касаться отдельных деталей?

Вторая проблема связана с исходными утверждениями самого Поппера. Поппер утверждает, что экспериментальная проверка позволяет сохранить естественным наукам статус эмпирических, поскольку те или иные утверждения проверяются на практике. Однако здесь возникает противоречие с логическим эмпиризмом, который критикует Поппер. Логические эмпирики Венского кружка ищут возможности предельно простого, практического описания мира, основанного на непосредственном опыте – личном или ситуативном.<sup>153</sup> Поппер вместо этого делает эмпирику из центрального элемента исследования служебным, который необходим только

---

<sup>151</sup> Отто Н. Псевдорационализм фальсификации // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2009. – Т. 19. – № 1. – С. 218–229.

<sup>152</sup> Поппер К. *Логика и рост научного знания*. – 1983.

<sup>153</sup> Кроме источников выше, см. также: Stadler F., Nielsen C. R. *The Vienna circle: Studies in the origins, development, and influence of logical empiricism*. – Vienna : Springer, 2001.

для проверки теоретических (или метафизических, если пользоваться языком Венского кружка) положений и придания им статуса эмпирических.

В результате концепция роста знания Поппера предполагает двойную подмену: верификации фальсификацией без четкого различия их границ и центрального места эмпирики в формировании знания – ее служебным положением. Первую проблему пытается решить Кун, различая «нормальную науку» и парадигмальные сдвиги, которые приводят к научным революциям.<sup>154</sup> С Куном спорит Лакатос, одновременно застрагивая вторую проблему. Лакатос вводит различие жесткого ядра научно-исследовательских программ, которое позволяет верифицировать практику, и защитного пояса эмпирики, которая может фальсифицировать концепты из жесткого ядра.<sup>155</sup> Изменения нормальной науки на языке Лакатоса можно описать как верификацию, а парадигмальные сдвиги как фальсификацию концептов жесткого ядра. Таким образом, две попытки показать возможность эмпирического исследования, развивающие идеи Поппера, пытаются провести различие между теорией и эмпирикой, однако при этом предполагая возможность свести теорию к эмпирическим примерам, но не отказываясь до конца от наличия теоретических концептов, которое Поппер относил к миру культуры и идей.

Социологи ANT противостоят различению теории и эмпирики Поппера, так же как и его отнесению гуманитарных наук к миру идей и культуры.<sup>156</sup> Они предлагают ревизию идей логического эмпиризма и их акцент на технических инструментах, но уже не только как на метафорах языка, но и буквально как на материальных объектах. Ради возвращения к эмпирическим основаниям социологии исследования ANT вводят понятие

---

<sup>154</sup> Кун Т. Структура научных революций. – М. : Neoclassic, 2020.

<sup>155</sup> Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – 2008.

<sup>156</sup> Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – Т. 10. – С. 65–75.

«черного ящика», которым становится материальный объект,<sup>157</sup> и делают его ключевым элементом социоматериального эксперимента. Этим ходом – помещая объект не внутрь «черного ящика», а представляя его как «черный ящик», социологи ANT подчеркивают основную особенность визуального исследования – его подверженность искажениям и склонность к созданию иллюзий, которая проявляется в том числе в размывании границ объекта в зависимости от точки зрения.<sup>158</sup> В результате эмпирический характер исследованию придает сосредоточенность на объекте, максимально сжатое и редуцированное его описание, поиск его минимальных границ, а не анализ ситуации взаимодействия и попытка бесконечного расширения области знания.

Однако, несмотря на то что поворот к пониманию объекта как «черного ящика» происходит именно в рамках исследований ANT,<sup>159</sup> способ действия этого «черного ящика» не описан в них напрямую, поскольку они показывают результат этого поворота, а не обосновывают его легитимность.<sup>160</sup> Чтобы понять, как происходит переход между логическим эмпиризмом, постпозитивизмом и исследованиями науки и технологий, необходимо вернуться к представлениям об исследованиях как об описаниях или рассказах и рассматривать их как разновидность литературного жанра.<sup>161</sup> Этот ход

---

<sup>157</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303.

<sup>158</sup> Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // *Философско-литературный журнал «Логос»*. – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 95–156, но кроме этой статьи также есть значительное описание визуальных образов под влиянием докторской диссертации Майла Линча, см.: Lynch M. E. *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. – University of California, Irvine, 1979; Lynch M. *Science in the age of mechanical reproduction: Moral and epistemic relations between diagrams and photographs* // *Biology and Philosophy*. – 1991. – Т. 6. – С. 205–226; Law J., Lynch M. Lists, field guides, and the descriptive organization of seeing: Birdwatching as an exemplary observational activity // *Human Studies*. – 1988. – С. 271–303; Lynch M., Edgerton S. Y., Jr. Aesthetics and digital image processing: Representational craft in contemporary astronomy // *The Sociological Review*. – 1987. – Т. 35. – № 1\_suppl. – С. 184–220. Обзор этих исследований на русском см. в: Попова К. *Исследования визуального в этнометодологии* // *Социологическое обозрение*. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 212–232.

<sup>159</sup> Law J., Mol A. Notes on materiality and sociality // *The sociological review*. – 1995. – Т. 43. – № 2. – С. 274–294.

<sup>160</sup> Ло Д. *После метода: беспорядок и социальная наука*. – Изд-во Института Гайдара, 2015.

<sup>161</sup> Law J. On the subject of the object: Narrative, technology, and interpellation // *Configurations*. – 2000. – Т. 8. – № 1. – С. 1–29.

делает исследователь культуры Лэш, который работает на стыке с STS, показывая, как концепция повествования Бенямина трансформируется от линейного романного повествования к пересказам легенд и сказок и затем к современной иллюзии безразличного повествования в виде новостей.<sup>162</sup> Разные типы повествования Лэш представляет в виде различных типов сетей, которые являются материальным следом движения объекта: объект – «черный ящик» – и его границы становятся видимыми и осязаемыми через сеть его передвижений.

## **Раздел 2.2. Три типа описаний: от объекта к границам его культуры**

Отправной точкой для представления объекта через следы его передвижений – сети – для Лэша становится способность объекта к вынесению суждения (или рефлексивности) и противопоставление двух типов суждения объекта: этического и эстетического. Этические суждения Лэш рассматривает как нормативные и утилитаристские (1993),<sup>163</sup> они ведут к объективизации субъекта на основе принятых норм и правил, на основе которых индивидуальность субъекта подвергается тиражированию и типизации.<sup>164</sup> Кроме того, этическое суждение проводит четкое различие между наблюдаемыми объектами для поддержания социального порядка и его стабильности. Субъекты, которые встраиваются и соответствуют этическому суждению, согласно Лэшу, становятся экономическим товаром (игра слов: по-английски «good» – «хорошо, хороший», а «goods» – «товары»<sup>165</sup>).

---

<sup>162</sup> Бенямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // Бенямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе / пер. А. Белобратова. – СПб. : Symposium, 2004. – С. 383–418; Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // Journal for Cultural Research. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – С. 305–319.

<sup>163</sup> Lash S. Reflexive modernization: The aesthetic dimension // Theory, culture & society. – 1993. – Т. 10. – № 1. – С. 1–23.

<sup>164</sup> Lash S. Reflexivity as non-linearity / S. Lash // Theory, culture & society. – 2003. – Vol. 20. – № 2. – P. 49–57.

<sup>165</sup> Lash S. M. Unruly objects / S. M. Lash // Critique of information. – London : SAGE Publications, 2001. – Ch. 5. – P. 46–64.

Экономические и утилитарные отношения, в которые встраиваются субъекты, преобразуют их субъектность в эстетические тиражируемые качества товара-объекта.<sup>166</sup> Таким образом, этическое суждение о субъекте оказывается сродни воздействию фотокамеры на оригинальное произведение искусства у Бенямина: субъективная аура разрушается утилитарным или механическим действием.

Несмотря на то что Лэш считает, что концепция объекта Латура развивает логику этических суждений,<sup>167</sup> он не отказывается от структуры описания, которую предлагает ANT, хотя и существенно дополняет ее, опираясь на работы Бенямина. Лэш показывает, что объект искусства Бенямина становится актором благодаря своей ауре, которая является результатом субъективных действий художника, то есть действия художника раскладываются на устойчивую часть – объект, и субъективную часть – ауру.<sup>168</sup> Таким образом, появляется объект, который Лэш называет культурным, ядро которого неподвижно, но если он начинает двигаться, и его границы начинают меняться, он принимает субъективную, искаженную форму и становится плохим объектом.<sup>169</sup> Движение культурного объекта в физическом и социальном пространстве Лэш определяет как медиацию, которая объективирует, то есть делает материальной и неподвижной его субъективную часть – ауру – и превращает ее пространство в сеть.<sup>170</sup> Сеть

---

<sup>166</sup> Мишель К., Сесиль М., Вололона Р. Экономика качеств // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11. – № 4. – С. 59–87.

<sup>167</sup> В основном эти идеи собраны в монографии: Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford : Blackwell, 1999

<sup>168</sup> Lash S. *Discourse or figure? Postmodernism as a Regime of signification* / S. Lash // *Theory, Culture & Society*. – 1988. – Vol. 5, № 2-3. – P. 311–336; Lash S. *Postmodernism and Desire* / S. Lash // *Theory and Society*. – 1985. – Vol. 14, № 1. – P. 1–33; Lash S., Urry J. *Economies of signs and space*. – London : Sage, 1993.

<sup>169</sup> Lash S. M. *Unruly objects* / S. M. Lash // *Critique of information*. – London : SAGE Publications, 2001. – Ch. 5. – P. 46–64.

<sup>170</sup> Lash S. *Reflexivity as non-linearity* / S. Lash // *Theory, culture & society*. – 2003. – Vol. 20. – № 2. – P. 49–57.

передвижений объекта делает видимым и наблюдаемым эстетическое или материальное суждение объекта, которое выражается в отношениях его неподвижного ядра и сети.

Эстетическая сеть, сплетенная движением объекта, отражает его способ описывать и представлять наблюдаемые явления. В переходе от неподвижного объекта к подвижному или мобильному возникает еще одна сложность. Латур и Эньенн хорошо раскрывают действие «черного ящика» как экспериментального пространства: как и с чем он позволяет экспериментировать.<sup>171</sup> Их «черный ящик» – это неподвижный объект и объект, проводящий жесткие различия, то есть выносящий этические суждения или этический объект в терминах Лэша. Однако если цель социоматериального эксперимента – вернуться к эмпирическим основаниям социологии и гуманитарного знания и экспериментировать с границами описываемых объектов, то этического суждения из статичной позиции объекта оказывается недостаточно.<sup>172</sup> Изменчивость границ объекта становится видимой, лишь когда объект-«черный ящик» начинает двигаться и, соответственно, делает явное эстетическое суждение.<sup>173</sup>

Таким образом, анализ объекта как «черного ящика», границы у которого не определены, предполагает подвижность еще по одной оси: между этическим и эстетическим суждением объекта. При этом суждение, в терминах Лэша, будет сходно с тем, что в ANT называется описанием или репрезентацией.<sup>174</sup> Если объект выступает как «черный ящик», то можно

---

<sup>171</sup> Hennion A., Latour B. *Objet d'art, objet de science. Note sur les limites de l'anti-fétichisme* // *Sociologie de l'art*. – 1993. – № 6. – С. 7–24.

<sup>172</sup> Lash S. *Postmodern ethics: The missing ground* // *Theory, Culture & Society*. – 1996. – Т. 13. – № 2. – С. 91–104.

<sup>173</sup> Lash S. *Reflexivity as non-linearity* / S. Lash // *Theory, culture & society*. – 2003. – Vol. 20. – № 2. – P. 49–57.

<sup>174</sup> Lash S. *Discourse or figure? Postmodernism as a Regime of signification* / S. Lash // *Theory, Culture & Society*. – 1988. – Vol. 5. – № 2-3. – P. 311–336; Lash S. *Deforming the figure: Topology and the social imaginary* / S. Lash // *Theory, Culture & Society*. – 2012. – Vol. 29, № 4-5. – P. 261–287.

утверждать, что его статичные границы не наблюдаемы и о них можно сделать лишь предположения. Тогда получается, что этическое суждение объекта оказывается идеальной теоретически сконструированной ситуацией, в то время как эмпирически возможно лишь наблюдение материальных следов множественных эстетических суждений.<sup>175</sup>

У утверждения недостижимости этического суждения, которое основано на рассуждениях Лэша и научных целях социоматериального эксперимента, есть несколько следствий. Во-первых, если движение объекта порождает эстетические суждения, а этические границы, которые могли бы служить основанием для оценки изменчивых суждений, недоступны, то неясно, как исключить случайности в эстетических суждениях. Во-вторых, недоступность этических суждений объекта делает неопределенными границы социоматериального эксперимента, так как неясно, что должно быть опровергнуто в ходе эксперимента. Оба следствия приводят эксперименты с объектом-«черным ящиком» к проблеме радикального скептицизма как предельной формы эмпирического подхода: что может быть основанием реальности, если все, что мы видим, является плодом нашего воображения или сном?<sup>176</sup>

Проблема радикального скептицизма как границы между сном и явью существовала для оптического или визуального способа познания еще в XV–XVII веках и была связана с развитием камеры-обскуры и других оптических

---

<sup>175</sup> Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford : Blackwell, 1999.

<sup>176</sup> Необходимо отметить, что проблема скептического парадокса не является явно проговоренной для STS/ANT, однако же прочно входит в перечень обсуждаемых проблем социологии начиная с середины 1980-х годов, в частности, публикации номера „The Sociological Review” под редакцией Джона Ло, где среди других программных текстов есть статья Мэри Дуглас о скептицизме. В этот же период начинается работа Ло с концепциями визуальности Майкла Линча, а чуть позже выходит текст Верран об австралийцах. При этом проблема скептицизма в STS/ANT описывается как более эмпирическая проблема сновидений: Douglas M. The social preconditions of radical scepticism 1 // The Sociological Review. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 68–87; Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254; Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – Изд-во Института Гайдара, 2015.

инструментов.<sup>177</sup> Изображения, которые получались при помощи оптических инструментов и линз, были не только отображением или репрезентацией реальности во всех деталях, но также несли на себе отпечаток несовершенства техники и выполненных преобразований. Этот эффект оптических процедур выражался в искажениях, которые неизбежно сопровождали оптическое изображение. И если при наблюдении объекта, доступного непосредственному обзору и без помощи линз, можно было судить об этих искажениях, сравнивая изображение с тем, что дано в ощущениях и непосредственном опыте, то для макрообъектов, таких как планеты, или микрообъектов, различимых только в микроскоп, такой возможности не было (в XX веке к этому перечню добавились доисторические объекты<sup>178</sup>).

Решение, которое предлагают ученые-астрономы XVII века для проблемы оптических искажений, теоретическое – выявлять ошибки за счет сопоставления непосредственных наблюдений с расчетами, основанными на представлении о системе планет в целом (например, учитывать, что по расчетам Луна не может менять свой размер, а в камере-обскуре во время затмений меняет размер). Эмпирическое решение предлагают уже социологи в XX веке, развивая идеи феноменологии, в частности концепции множественных реальностей: принимать утверждение, что различные реальности – например, повседневный материальный мир и мир снов – не исключают друг друга, а являются взаимодополняющими.<sup>179</sup> Об этой взаимной дополнительности на примере голландских картин и визуальных экспериментов XVII века писал, в частности, брат У. Джеймса, подчеркивая внешнюю неразличимость двух реальностей – воображаемой и физической.<sup>180</sup>

---

<sup>177</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022.

<sup>178</sup> Souvatzi S., Baysal A., Baysal E. (ed.). Time and history in prehistory. – Routledge, 2018.

<sup>179</sup> Уильям Д. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ., под ред. и с предисл. С. В. Лурье. – М. : КомКнига, 2010; Шюц А. О множественных реальностях / А. Шюц; пер. с англ. В. Г. Николаева // Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 401–455.

<sup>180</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022. – С. 71.

Если принять феноменологический тезис о том, что объект реализуется полностью за счет присутствия в нескольких реальностях – яви и сне, то можно предположить, что он обладает одновременно двумя типами репрезентаций – явными и скрытыми.<sup>181</sup> Явные репрезентации отражаются в соответствующей реальности, а скрытые репрезентации, находясь в другом измерении, представлены в данной реальности в редуцированном виде. Геометрически и визуально это можно выразить как  $n-1$ , где  $n$  – это размерность пространства, – например, точками или линиями на плоскости. Тогда появляется возможность эмпирически показать границу объекта в рамках способа описания данной реальности как зону максимальной редукции объекта до скрытой репрезентации в другой реальности. Для этого нужно сравнить две наиболее явные и искаженные репрезентации и определить, в каких границах они совпадут. То есть степень, до которой изображение может быть редуцировано и очищено от искажений скрытыми репрезентациями, показывает минимальное и наиболее реальное отображение объекта для данной реальности.

Выделение минимально редуцированного, но реалистичного описания объекта в рамках данной реальности можно назвать основной целью социоматериального эксперимента, поскольку оно дает точку отсчета для работы с другими репрезентациями. Другой целью социоматериального эксперимента становится определение границ описания данной реальности, которые становятся явными при наложении наиболее контрастных и искаженных репрезентаций, которые и позволяют выявить то, что остается скрытым в редукции.

---

<sup>181</sup> Law J. On the subject of the object: Narrative, technology, and interpellation // *Configurations*. – 2000. – Т. 8. – № 1. – С. 1–29; Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – Изд-во Института Гайдара, 2015. Надо отметить, что в начале 1980-х годов под скрытыми репрезентациями понимались, прежде всего, словесные репрезентации, что отразилось и в работах Шейпина, и в статьях Ло: Shapin S. Pump and circumstance: Robert Boyle's literary technology // *Social studies of science*. – 1984. – Т. 14. – № 4. – С. 481–520; Law J., Williams R. J. Putting facts together: A study of scientific persuasion // *Social studies of science*. – 1982. – Т. 12. – № 4. – С. 535–558; Law J., Lodge P. Negotiation, Persuasion and the Power of Knowledge // *Science for Social Scientists*. – London : Palgrave Macmillan UK, 1984. – С. 143–154.

Не вдаваясь в подробности действия механизма явных и скрытых репрезентаций, Лэш показывает, как работает редукция в словесных описаниях объектов. Он рассматривает наложение социально-искаженных образных описаний и выделяет из них устойчивую репрезентацию, которая воплощается материально в организации нарратива, тем самым показывая одно направление развития социоматериального эксперимента: от социального к материальному. Анализируя различные формы повествования – роман,<sup>182</sup> легенду-пересказ и новости<sup>183</sup> – Лэш показывает разные способы редукции повествования к движению объекта в рассказе и создаваемой им траектории – линейной, ветвящейся-сетевой и распределенно-фоновой. Определение различных способов редукции делает видимым ядро социоматериального эксперимента и его обобщенный (редуцированный) способ действия.

### **Раздел 2.3. Линейное повествование: техническое описание**

Проблема объекта-«черного ящика» ANT, как она возникает в текстах Латура и его коллег, в том, что его траектория движения одновременно является непрерывной и является результатом слежения социологов за объектом.<sup>184</sup> В то же время объект, согласно Латуру, не обладает одним непрерывным способом действия, но постоянно переключается между двумя взаимоисключающими операциями: операцией очищения и операцией перевода. В результате возникает противоречие между объектом-«черным ящиком», чей след движения должен быть непрерывным, и фрагментарностью его способа действия, где сочетаются два способа перевода.<sup>185</sup> Такое возможно, только если считать, что два способа действия являются движениями в противоположных направлениях вдоль одной траектории

---

<sup>182</sup> Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford: Blackwell, 1999.

<sup>183</sup> Lash S. *Being after time: towards a politics of melancholy* // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – С. 305–319.

<sup>184</sup> Латур Б. *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии* / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

<sup>185</sup> В этом основа критики Латура Лэшем: траектории Латура лишь кажутся непрерывными: Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford : Blackwell, 1999.

движения – в сторону очищения понятий и ветвления сети или в сторону плетения единой линии и гибридизации. И хотя такая интерпретация действий объекта у Латура согласуется с его утверждениями в манифесте Нововременных,<sup>186</sup> она лишь подчеркивает проблему, которая возникает из-за непрерывности траектории объекта – анализ его траектории не позволяет решить проблему неопределенности «черного ящика».<sup>187</sup> Границы объекта остаются размытыми.

Проблему объектов, движущихся по непрерывной траектории, Лэш видит в двойной неопределенности распределения ролей между действиями объекта и субъекта в сети: неясно, кто именно движется по сети и какие у него функции.<sup>188</sup> Латур утверждает, что объекты в сети являются судьями, которые производят операцию очищения и перевода, в то время как социологи, которые их изучают, лишь следуют за объектами и наблюдают их действия.<sup>189</sup> Лэш указывает на противоречивость действий социолога и объекта: тот, кто наблюдает за объектами, и будет их судьей, то есть будет вправе выносить суждение об объектах. Но тот, кто судит, не может одновременно выслеживать объект, это два различных способа действия. В то же время объект точно так же может следить за субъектом-исследователем (например, видеокамера), поэтому у него тоже возникает противоречивое сочетание двух ролей – судьи и детектива. Эти противоречия на уровне различия субъекта и объекта создают еще одну неопределенность, поскольку неясно, кто из них плетет сеть.<sup>190</sup>

Лэш указывает на противоречивый характер действия субъекта и объекта в работах Латура и предлагает свое объяснение их природы: стремясь описать сеть как непрерывную, Латур соединяет две сети в одну. Чтобы

---

<sup>186</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

<sup>187</sup> Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*. – 1981. – Т. 1. – С. 277–303.

<sup>188</sup> Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford : Blackwell, 1999.

<sup>189</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

<sup>190</sup> Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford : Blackwell, 1999.

следить за кем-то, нужно покинуть свою траекторию и включиться в чужой нарратив, суждение о ком-то происходит внутри собственного нарратива. Если и объект, и социолог соединяют действия судьи и следователя, то они постоянно переходят из одной сети в другую, создавая нелинейные нарративы.<sup>191</sup> Однако поскольку это наблюдение-суждение взаимно, то их сети следует соединить, и они создадут иллюзию непрерывности, которую описывает Латур.

Это рассуждение Лэш подкрепляет описанием того, как строится линейный и непрерывный нарратив на примере нарратива романа, который описывает Беньямин в эссе «Рассказчик».<sup>192</sup> Беньямин выделяет три типа повествования – устную легенду (сказку или рассказ), роман и газетные новости. Из трех типов нарратива роман является наиболее индивидуализированным и, согласно Лэшу, наиболее близким по внешней форме к нарративу объекта Латура. Это внешнее сходство обусловлено тем, что роман имеет основания в материальной вещи – печатной книге, возникновение которой становится началом расцвета жанра романа. Роман оказывается нарративом с началом, серединой и концом, он обладает, так же как роман у Лукача, «трансцендентальной безродностью» (*transcendental homelessness*) (1998: 358),<sup>193</sup> которая позволяет сделать основополагающей темой романа – время и смысл жизни (Беньямин: 357–358).<sup>194</sup> Точкой, которая отражает суть романа и собирает все повествование воедино, выступает смерть героя (Беньямин: 359),<sup>195</sup> то есть моментом наиболее близкой встречи автора романа и его читателя, которые в одиночестве проводят время с

---

<sup>191</sup> Lash S. Reflexivity as non-linearity / S. Lash // *Theory, culture & society*. – 2003. – Vol. 20. – № 2. – P. 49–57.

<sup>192</sup> Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе / пер. А. Белобратова. – СПб. : Symposium, 2004. С. 383–418.

<sup>193</sup> Беньямин В. Рассказчик / В. Беньямин // *Озарения*. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365. – С. 358.

<sup>194</sup> Там же. – С. 357–358.

<sup>195</sup> Там же. – С. 359.

текстом, выступает момент, когда, говоря словами Лэша, актер умирает и превращается в объект.<sup>196</sup> Смерть, которая разрушает субъективность актора и всего повествования, становится способом конструирования объективного единства романа.<sup>197</sup> Обращение к смерти героя как к основе единства романа делает этическим любое суждение, которое в нем будет высказано. Этическое суждение романного нарратива предполагает установление различий между автором-романистом и читателем, собой и Другим, то есть противопоставление двух смысловых областей. Подобные четкие различия позволяют сохранить траекторию актора-объекта непрерывной, однако они ставят романиста и читателя в позицию судьи, исключая для них возможность следовать за объектом, – они не становятся частью нарратива, и их опыт не становится частью опыта романа.<sup>198</sup>

Четкое различение ролей романиста, читателя и героя романа становится возможным только благодаря смерти или переходу от актора-героя к его мертвой ипостаси – материальному объекту внутри повествования. Таким образом, единство нарратива связано с редукцией актора и его субъективности до его материальной формы – объекта.<sup>199</sup> Если описывать эту редукцию в терминах механической воспроизводимости Беньямина,<sup>200</sup> роман производит фотографию героя, лишая его ауры, то есть объективируя и сводя всю сеть мотивов сюжета к одной основной линии действия: перехода героя романа от жизни к смерти, а повествования от начала к концу. Как утверждает Беньямин в «Рассказчике», этот переход задает этические границы романа, то есть определяет смысл жизни для героя и для читателя, который хочет его выбрать образцом для себя.<sup>201</sup> Тем не менее читатель никогда не сможет в

---

<sup>196</sup> Lash S. M. Critique of information. – London : SAGE Publications, 2001.

<sup>197</sup> Беньямин В. Рассказчик / В. Беньямин // Озарения. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365.

<sup>198</sup> Lash S. Another modernity, a different rationality / S. Lash. – Oxford : Blackwell, 1999.

<sup>199</sup> Lash S. M. Unruly objects / S. M. Lash // Critique of information. – London : SAGE Publications, 2001. – Ch. 5. – P. 46–64.

<sup>200</sup> Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М. : Медиум, 1996.

<sup>201</sup> Беньямин В. Рассказчик / В. Беньямин // Озарения. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365.

полной мере следовать за героем романа или повторить его путь. Этическое суждение романа и устанавливаемые им ограничения остаются «черным ящиком», поскольку они определяют смысл жизни, но не ее форму организации. Смысл жизни питается теплом, которое читатель может получить от пламени, в котором сгорает чужая жизнь, в то время как ее формальная организации задается умением общаться, спрашивать и воспринимать советы и вплетать чужой опыт, без его уничтожения, в сеть собственных пересказов и действий.<sup>202</sup>

Таким образом, этическое суждение объекта, его непрерывная траектория движения и проведение жестких различий (процедуры очищения по Латуру<sup>203</sup>) оказываются, согласно Беньямину, основаны на смерти актора-героя, его сжигании или разрушении, а не просто на его редукции до материальной формы. И в этом различие между Беньямином и Лэшем. Беньяминовский способ решения проблемы «черного ящика» в романе близок к естественнонаучному эксперименту Поппера, поскольку в нем подвергается сомнению не форма существования объекта, а возможность его существования в принципе. В результате подобного эксперимента становятся ясны технические условия существования объекта, например, параметры, которые позволяют актору-объекту механически действовать независимо от того, жив он или уже мертв, – через наследуемое имя,<sup>204</sup> правовые формы наследования<sup>205</sup> или материальные репрезентации.<sup>206</sup>

Однако если в основе эксперимента лежит разрушение объекта, то нарушается главное условие, при котором возможно эмпирическое исследование ограничений работы техники и социальных отношений в

---

<sup>202</sup> Там же.

<sup>203</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

<sup>204</sup> Pottage A. The Cadastral Metaphor: Intersections of Property and Topography // *Constituting Modernity: Private Property in the East and West*. – 2004. – Т. 5. – С. 180.

<sup>205</sup> Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // *Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy*. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254.

<sup>206</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – С. 158–182.

социоматериальном эксперименте – обратимость его действия.<sup>207</sup> Движение романа возможно только в одну сторону – от начала к концу, в то время как читать роман от конца к началу не имеет смысла.<sup>208</sup> Но также невозможна и редукция смерти героя романа к его расщепленности и иллюзии непрерывности повествования, которую создает Латур.<sup>209</sup> Границы действия объекта Латура в случае внутреннего расщепления его на объект и субъект также остаются неопределенными, поскольку остается неясным механизм переключения между ними.

Непрерывная линия романного повествования служит Беньямину и Лэшу отправной точкой, чтобы обсудить две другие формы нарратива, которые основаны частично или полностью на эстетическом суждении: сказку и новости.<sup>210</sup> Сказка воплощается в форме траектории-сети, а новости в виде множества событий-точек, траектория движения объекта между которыми условна, но оба типа повествования опираются на формальные характеристики нарратива.

#### **Раздел 2.4. Сеть экспериментов: расширенное описание (пересказ)**

В отличие от романа, устная легенда или сказка не связаны с печатной формой или жестко организованной материей, единственное материальное воплощение, которое им свойственно, – это голос, их рассказывающий, который отражает их живой и изменчивый характер.<sup>211</sup> Беньямин подчеркивает, что появление романа и социальные катастрофы способствовали затуханию практики пересказов или ее современной форме –

---

<sup>207</sup> Marres N., Stark D. Put to the test: For a new sociology of testing // *The British Journal of Sociology*. – 2020. – Т. 71. – № 3. – С. 423–443.

<sup>208</sup> Впрочем, это утверждение имеет смысл для классических романов в эпоху, когда писал Беньямин. В то же время, если посмотреть на эксперименты Джойса или Кортасара, можно увидеть примеры нелинейно устроенных романов, см.: Джойс Д. Улисс. – Азбука-Аттикус, 2014; Кортасар Х. Игра в классики. – Litres, 2021.

<sup>209</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

<sup>210</sup> Беньямин В. Рассказчик / В. Беньямин // Озарения. М. : Мартис, 2000. С. 345–365; Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – С. 305–319.

<sup>211</sup> Беньямин В. Рассказчик / В. Беньямин // Озарения. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365.

привычке советоваться или в детских сказках.<sup>212</sup> Но какие-то черты сказок остаются и в романе. Можно предположить, что иллюзия непрерывного нарратива актора-объекта Латура создается сочетанием нескольких сетей пересказов, которые соединяет автор романа.

Нарратив устных легенд и сказок Беньямин описывает как серию ветвящихся пересказов, которые передаются из уст в уста. Основная черта этих пересказов – это возможность живого взаимодействия, плетения сетей рассказа и опыта, куда включается и собственный, и чужой опыт, без их противопоставления и проведения различий между ними. Он сравнивает рассказчиков с ремесленниками, называя рассказ «ремесленной формой общения»<sup>213</sup>: рассказчик сам становится частью рассказа, вплетая свою жизнь и свой опыт в истории, которые он услышал от других. Таким образом, возникает сеть пересказов, которая у Беньямина остается плоской, постепенно расширяющейся во времени и в пространстве. Важно, что эта сеть для Беньямина остается принципиально безграничной. Он приводит пример романа, окончившегося диалогом, и утверждает, что неопределенный конец больше свойственен устному рассказу, который может быть подхвачен и продолжен в любой момент. Однако плоская сеть движения объекта-рассказа, которая не имеет границ, ничем не лучше единой траектории романа с точки зрения проведения социоматериального эксперимента: такой объект остается «черным ящиком», границы которого постоянно изменяются и искажаются, так что невозможно дать им описание.

Лэш преодолевает эту кажущуюся непрерывность сети пересказов Беньямина, когда подчеркивает, что в отличие от романа, который

---

<sup>212</sup> Там же.

<sup>213</sup> Беньямин В. Рассказчик / В. Беньямин // Озарения. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365. Интересно, что эти идеи Беньямина о пересказе как форме существования фольклора очень перекликаются с венгерской школой фольклористики и тем, как она была воспринята в американской традиции, в особенности в работах Линды Дэг. См.: Волкова Н. А. «Хождение за легендами»: исследование тайны как метод. Рецензия на книгу McNeill LS, & Tucker E. (Eds.) (2018). Legend Tripping: A Contemporary Legend Casebook. University Press of Colorado // Социология власти. – 2024. – Т. 36. – № 1. – С. 172–191.

организован единственной смертью – смертью главного героя, устная история выстраивается за счет включения в нее множества смертей, различных по характеру и степени значимости.<sup>214</sup> Множество смертей устной легенды, которые задают ее ритм и организуют ее временную структуру, «взрывают»<sup>215</sup> непрерывную структуру. Таким образом, в устной легенде возникает двойное переключение: между рассказчиками, когда кончается один пересказ и начинается другой, и между событиями-смертями, которые организуют время внутри каждого пересказа. Эту сложную структуру сети пересказов Лэш описывает как неплоскую и нелинейную, поскольку в ней происходит переключение ролей и акторов, которые ее создают.<sup>216</sup>

Характерной чертой сети пересказов Лэш считает постоянную изменчивость отношений, и переопределение позиций автора и слушателя внутри сети. Эта подвижность размывает различия, которые существуют между позициями и отдельными нарративами, уравнивая их и превращая в без-различие.<sup>217</sup> По мысли Левинаса, на которого ссылается Лэш, безразличие отсылает за пределы индивидуального времени, то есть к априорной данности,<sup>218</sup> которую Бенъямин описывает как эпическое время или время, сформированное воспоминаниями. Это время Лэш называет меланхолическим, меланхолический объект обитает среди мертвых, но при этом подчеркнуто негативное описание времени как ситуации нехватки будущего и субъективности.<sup>219</sup>

---

<sup>214</sup> Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford: Blackwell, 1999. – P. 317.

<sup>215</sup> Lash S. *Being after time: towards a politics of melancholy* // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – P. 314–315.

<sup>216</sup> Lash S. *Reflexivity as non-linearity* / S. Lash // *Theory, culture & society*. – 2003. – Vol. 20. – № 2. – P. 49–57.

<sup>217</sup> Lash S. *Being after time: towards a politics of melancholy* // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – Т. 2. – № 2-3.

<sup>218</sup> Левинас Э. *Ракурсы* / Э. Левинас ; пер. Н. Б. Маньковской // *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – С. 334.

<sup>219</sup> Lash S. *Being after time: towards a politics of melancholy* // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – Т. 2. – № 2-3.

Меланхолический объект или воспоминание о нем становятся способом временного преодоления пространственных и социальных различий, поскольку все пересказы отсылают к нему как к основному ориентиру. В отличие от романа, где единая линия рассказа была явной и видимой, исходное воспоминание остается недоступным для рассказчика, оно лишь частично присутствует в новых версиях истории. Рассказчики оживляют своим пересказом мертвый меланхолический объект, но делают это практическим путем, через вплетение фактов рассказа в ситуации «здесь и сейчас», тем самым делают меланхолический, искаженный объект рефлексивным и дополненным, испытывая и изменяя его внешние границы. Сеть пересказов, как ее описывает Лэш,<sup>220</sup> позволяет тестировать границы материального объекта-«черного ящика», но не дает доступа к его редуцированной форме. Редукция, которая характерна для меланхолического объекта, оказывается неполной, поскольку меланхолический объект лишь существует среди мертвых, но сам еще не мертв, и все усилия рассказчика направлены на то, чтобы вывести объект из времени мертвых в мир живых.

Таким образом, траектория в виде сети, которую создает движение объекта-рассказа и его пересказы, сочетает в себе оба типа суждений: этическое и эстетическое.<sup>221</sup> Этическое суждение, которое заключено в сети пересказов, выражается в видимости непрерывности сети и полноты описания объекта-рассказа. То, что этическое суждение основывается на иллюзии, особенно заметно в том, в какой форме сохраняется практика пересказов, согласно Беньямину, в мире романов и быстрого распространения информации.<sup>222</sup> В одном случае истории трансформируются в просьбы о советах и в сами советы, в другой – они становятся сказками для детей. Таким образом, ситуация пересказов остается на периферии основных нарративных форм, но она делает видимым основное условие для прямого взаимодействия

---

<sup>220</sup> Там же.

<sup>221</sup> Там же.

<sup>222</sup> Беньямин В. Рассказчик / В. Беньямин // Озарения. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365.

в форме устных рассказов – редуцированность, недостаточность, незавершенность опыта, которая оставляет пространство для новых интерпретаций. Однако интерпретации пересказов тестируют не редуцированную форму меланхолического объекта, а пытаются восстановить его утраченную ауру, тем самым вернув объекту статус произведения искусства.<sup>223</sup>

Тем не менее пересказы задействуют и субъективную часть меланхолического объекта, восстанавливая и расширяя его зону субъективного. Тестирование границ объекта хотя и является этическим суждением в каждом единичном случае, в сумме работает как эстетическое суждение о способе организации и степени субъективности меланхолического объекта, делая его эстетическое суждение частично рефлексивным. Опираясь на частичную субъективность меланхолического объекта, согласно Лэшу, рассказчик «изобретает традицию»,<sup>224</sup> поскольку он соединяет воспоминания и их ценности с реальностью и ценностями своей повседневной жизни. Такой способ эстетической реконструкции ауры объекта неизбежно усиливает и радикализирует его отдельные индивидуальные черты, созвучные рассказчику, и ослабляет другие. Объект-рассказ, который возникает в результате множественных пересказов, оказывается примером радикальной индивидуализации и максимального, гротескного, искажения его образа.<sup>225</sup>

Радикальная индивидуализация и гротескные образы-описания объектов, которые создает сеть пересказов, становятся способом для определения границ социоматериального эксперимента, хотя и не позволяют получить прямой доступ к максимально редуцированному описанию или репрезентации объекта в данной реальности. Тем не менее подобные описания

---

<sup>223</sup> Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М. : Медиум, 1996.

<sup>224</sup> Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // Journal for Cultural Research. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – P. 317.

<sup>225</sup> Lash S. (2012). Deforming the figure: Topology and the social imaginary. *Theory, Culture & Society*, 29(4-5), 261–287.

показывают, насколько подвижна репрезентация объекта и как она может расширяться или сужаться. Таким образом, они позволяют понять пределы изменчивости репрезентации объекта в пересказах, однако не дают возможности выделить его редуцированную репрезентацию в другой реальности.<sup>226</sup> При столкновении и наложении радикально индивидуализированных описаний объекта, становятся видимыми границы искажения описаний-репрезентаций внутри единой сети пересказов. Однако, чтобы определить предельную степень искажений индивидуализированных описаний, необходимо сначала сделать видимой редуцированную форму объекта, которая и позволит определить границы каждой из реальностей, в которых объект существует и описывается.

## **Раздел 2.5. Двойная редукция объекта: репрезентация репрезентации**

Образцовой творчески индифферентной эпической формой для Беньямина является летопись, старейшая форма которой – «эпос в силу чего-то вроде творческой индифферентности включает в себя рассказ и роман».<sup>227</sup> Летопись родственна хронике, хронист, в отличие от историка, историю не пишет и не объясняет, а рассказывает: «Историк обязан так или иначе объяснять события, с которыми он имеет дело, он ни в коем случае не может удовлетворяться тем, чтобы просто продемонстрировать их как образцы движения жизни».<sup>228</sup> Антитезой летописи Беньямин называет информацию или газетные новости, которые не только описывают события, но и предлагают их объяснение, стараются сделать их «понятными самими по себе» и «правдоподобными».<sup>229</sup> Но при всем критическом отношении к

---

<sup>226</sup> В этом смысле переходы между репрезентациями имеют сходство с переходами между «мирами» Шюца, см.: Альфред Ш., Корбут А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – № 2. – С. 3–34.

<sup>227</sup> Беньямин В. Рассказчик / В. Беньямин // Озарения. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365. – С. 356.

<sup>228</sup> Там же.

<sup>229</sup> Benjamin W. The storyteller: Reflections on the work of Nicolai Leskov // Illuminations: Essays and reflections. – 1968. – P. 83–109. – P. 89.

новостям, которые не создают индифферентной пространственной формы изложения, Бенъямин признает в «Пассажах» их уплотнение во времени: «как ускорение движения, скорость, с которой сменяются газетные выпуски новостей, стремится устранить любой перерыв, внезапное окончание».<sup>230</sup>

Лэш использует тезис Бенъямина о том, что информация и новости создают ускорение движения, однако для него это ускорение является иной формой индифферентности – технологической и временной, вместо пространственной индифферентности, которая характерна для эпической формы летописи.<sup>231</sup> Бенъямин рассматривает газетные новости как пространство спрессованного «настоящего», которое противостоит воспоминаниям эпического прошлого. Скорость, согласно Лэшу, разбивает строгие границы времени и его деление на прошлое, настоящее и будущее, деление между внешним и внутренним размывает существующие различия.<sup>232</sup> Однако, если в случае меланхолического объекта можно было говорить о нехватке пространства и плохой, искаженной форме объекта, то скорость оказывается скорее связана с нехваткой времени и разрывами в организации объекта. Этот тип искажений и дефицита времени Лэш описывает как «шок» и «шоковый опыт» (*Chokerlebnis*), который с ним связан.<sup>233</sup> Если эпическая форма основана на воспоминаниях, пусть и недоступных, то шоковый опыт, наоборот, стирает память, из-за чего шоковый опыт оказывается частью бессознательного. Новости, возникающие на поверхности этого бессознательного, тогда выступают как фрагменты «стертого» опыта и воспоминания, которые возникают на поверхности сознания и памяти.<sup>234</sup>

---

<sup>230</sup> Бенъямин В. Книга пассажей: заметки и материалы. Конволют В: Мода // *Versus*. – 2023. – Т. 2. – № 4. – С. 141–171. – Р. 148.

<sup>231</sup> Бенъямин В. Рассказчик / В. Бенъямин // *Озарения*. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365.

<sup>232</sup> Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – Р. 305–319.

<sup>233</sup> Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – Р. 305–319. – Р. 311.

<sup>234</sup> *Ibid.*

Таким образом, объект новостей работает противоположным образом, нежели меланхолический объект: новости как вершина айсберга видны над поверхностью бессознательного течения жизни, а меланхолический объект спрятан в прошлом, и его надо делать видимым за счет устного рассказа. В то же время при различном характере этих объектов общий принцип их организации остается одинаковым – есть часть объекта, которая показывает, как мог бы выглядеть полный объект. Однако механизм работы с этими двумя типами объектов Лэш предлагает разный.<sup>235</sup> Если меланхолический объект можно реконструировать хотя бы в радикализованном, искаженном виде, то основание новостей остается недоступным для внешнего наблюдателя, оно принадлежит к иной реальности, нежели сами новости. Ситуация выявления основания новостей оказывается максимально близкой к проблеме социоматериального эксперимента: необходимо понять, что в наблюдаемом пространстве является редуцированной формой объекта, в данном случае социальные процессы, которые становятся видимыми и публичными через новости.

Лэш утверждает, что в новостном поле траектория нарратива принимает форму фрагментированной линии, которая становится условной или редуцированной репрезентацией недоступных процессов. Однако здесь возникает сложность. Фрагментированная линия не снимает оппозиции между областями, которые она разграничивает, а «взрывает» их, тем самым делая их незначимыми.<sup>236</sup> При этом можно предположить, что новости, которые видны на поверхности, это точно такие же элементы нелинейного нарратива, как и устные рассказы, однако в данном случае видимыми становятся только точки перехода (новости), но не структура пересказов. Новостью оказываются

---

<sup>235</sup> Ibid.

<sup>236</sup> Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // Journal for Cultural Research. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – С. 317.

детали, которые дополняют уже существующую историю и переводят ее в принципиально иной способ изложения.

В отличие от сети пересказов, где в центре внимания оказывается изменчивость описаний меланхолического объекта и его восстановление или расширение до полного, хоть и радикально искаженного объекта, новости устроены сложнее, поскольку обладают двойной редукцией. Во-первых, они представляют собой суждения (расширение или сужение описаний) о меланхолических объектах, в результате наложения которых можно получить представление о редуцированной репрезентации объекта в рассматриваемой реальности. Во-вторых, распределение этих объектов во временном или социальном пространстве делает их изменчивость репрезентацией тех сетей, в которые они включены и следствием движения в которых являются их расширенные описания. Таким образом, через анализ распределения новостей и их изменчивость можно определить, как объект-новость путешествует между различными сетями описаний и репрезентаций.<sup>237</sup> Если это распределение описать как тренд, то характеристики его крайних точки (крайних отклонений) показывают степень изменчивости репрезентации объекта и позволяют выделить различные траектории ее изменений, то есть становится видна минимальная, возможно частичная, форма объекта, его способ действия и как он отражается в его организации и форме.

В результате только двойная редукция является той минимальной формой, вокруг которой строится социоматериальный эксперимент.<sup>238</sup> Это связано с тем, что недоступный нам объект можно наблюдать в двух реальностях, которые являются дополнительными друг для друга: одна подчинена логике пересказа, другая – новостей. Анализ пересказов делает

---

<sup>237</sup> Lash S. Technological forms of life // *Theory, Culture & Society*. – 2001. – Т. 18. – № 1. – С. 105–120.

<sup>238</sup> Эта идея двойной редукции и минимальной редуцированной формы объекта, которую можно наблюдать, в реальности основывается, прежде всего, на концепте «аллегории» как сборке метонимических (частичных, редуцированных) отсылок к цельному объекту. Эту концепцию Лэш развивает начиная с 1980-х годов и заимствует из ранней работы Беньямина, посвященной барочной драме: Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. – Аграф, 2002.

видимым только редукцию самого объекта, но и она остается неполной. Если рассматривать все описываемые объекты как новости, уравнивая их в значении между собой, то становится явной ситуация, когда объект в новости сужается до какой-то отдельной части, однако продолжает функционировать заданным образом, и когда он максимально расширяется, переходя уже из объекта в сеть подобных ему объектов. В результате становится явным, как изменяется редукция репрезентации объекта в другой реальности и максимально снижается степень его искажения.

Обе операции редукции, описанные выше, возникают благодаря эстетическому, а не этическому суждению.<sup>239</sup> В то же время результат их наложения дает доступ к минимальному этическому суждению об объекте, то есть о границах подобного объекта. Чтобы понять, как репрезентация объекта в недоступной реальности может быть максимально редуцированно представлена в исследуемой реальности, необходимо сделать два шага. Во-первых, понять, как в рамках исследуемой реальности изменяются способы описания объекта и где он переходит в сеть объектов или в сеть элементов объекта (то есть как происходит его сетевая мобильность – переходы между сетями разного масштаба). С другой стороны, объекты могут быть вписаны и описаны как различного рода сети, тогда распределение переходов между ними показывает, как объект может стать текучим, то есть до какой степени он может быть редуцирован без потери основной характеристики – способа действия.

Таким образом, целью социоматериального эксперимента становится проверка границ изменчивости объекта, чтобы выявить его основную этическую границу – способ действия, который сохраняется при любом искаженном или даже неполном описании объекта. В то же время способ

---

<sup>239</sup> Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. – Stanford University Press, 1994; Lash S. M. Critique of information. – London: SAGE Publications, 2001.

действия объекта оказывается независимым от того, в какой реальности он получил описание и где представлена редукция этого описания. Двойная редукция снимает особенности организации каждой отдельной реальности, но делает явным способ организации действия объекта и видимыми отклонения.

## **Раздел 2.6. Результат социального эксперимента: определить границы изменчивости**

Лэш утверждает, что культура капитализма больше не является «общей» макросоциологической категорией, а проявляется как система отношений и разделяемых индивидуальных ценностей.<sup>240</sup> Такая культура будет материальной или эмпирической, поскольку в ее основе лежит редуцированное, но разделяемое множеством акторов описание материального объекта. Чтобы показать, как описываются границы объекта в рамках данной культуры, куда входят различные, дополняющие друг друга реальности, необходимо представить его как «черный ящик», чьи границы неопределенны. Границы такого объекта-«черного ящика» отражают этические суждения о нем, однако исследование материальной культуры опирается на оптические и визуальные способы познания, для которых характерны искажения и ошибки.<sup>241</sup> В результате материальная форма этических суждений об объекте и способы его этического описания остаются неустойчивыми и недостижимыми в непосредственном опыте.

Границы объекта-«черного ящика» становятся видимыми только благодаря движению объекта и эстетическим суждениям, которые при этом возникают. След от движения объекта Лэш описывает, следуя за различениями Бенямина, как три типа траекторий и нарративов, которые им соответствуют, – непрерывная линия романа, нелинейная, но непрерывная сеть пересказов и

---

<sup>240</sup> Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. – Stanford University Press, 1994.

<sup>241</sup> Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // Journal for Cultural Research. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – P. 305–319.

фрагментированная линия новостей.<sup>242</sup> Каждая из трех линий демонстрирует особый тип редукции: линия романа работает как редуцированное описание отдельных качеств объекта, сеть пересказов делает видимой исходную историю в упрощенной, редуцированной форме, а новости представляют собой двойную редукцию, то есть являются редукцией репрезентаций объекта, существующих в различных реальностях.

Социоматериальный эксперимент опирается в конечном итоге на двойную редукцию как основной способ опеределения предельного обобщенного до его способа действия описания объекта в данной культуре.<sup>243</sup> Тем не менее анализ всех трех видов движения объектов (мобильностей) и соответствующих им трех видов траекторий, которые являются их материальными следами, оказывается важным для проведения социоматериального эксперимента. Каждый из видов мобильности показывает, как может варьироваться и искажаться репрезентация объекта, определяя тем самым границы описания объекта в данной культуре.<sup>244</sup> При этом для каждого вида мобильности объекта есть характерные для него пределы редукции объекта и изменчивости его способа действия. Выделяя максимальную – двойную – редукцию объекта как базовую, социоматериальный эксперимент делает возможность анализировать переключение объекта между разными типами мобильности, чтобы понять, как в этом случае изменяется его способ действия, какие ошибки и допущения порождают эти переключения.

Определение трех видов мобильностей, отображением которых являются три траектории нарратива, выделенные Лэшем, и характерный для них способ действия, позволяют не только понять, как изменяются

---

<sup>242</sup> Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford : Blackwell, 1999.

<sup>243</sup> При этом, поскольку аллегория у Беньямина – это материальная форма, которая состоит из мертвых (расчлененных) частей объектов, то и культура оказывается материальной, и в то же время экономической, поскольку она построена вокруг сетей обменов.

<sup>244</sup> Lash S. (1996). *Postmodern ethics: The missing ground*. *Theory, Culture & Society*, 13(2), 91–104.

репрезентации объекта в зависимости от вида передвижения, но и что эти изменения позволяют судить о реальностях, в которых эти репрезентации возникают. Продолжая линию анализа времени Лэша и Беньямина, Урри выделяет три типа времени – глобальное (эпическое), часовое (романное) и мгновенное (новостное),<sup>245</sup> – которые лежат в основании различных видов мобильности, а Ло, Лаэт и Мол предлагают описание всех трех видов мобильности и характерного для них способа действия.<sup>246</sup>

Три вида мобильности Ло определяет как линейную мобильность в евклидовом (плоском) пространстве, мобильность при переходе между сетями и текучую мобильность при переходе между реальностями.<sup>247</sup> Для первой линейной мобильности способ действия объекта остается более или менее одинаковым в пределах регламентированных рамок (португальский галеон).<sup>248</sup> Для сетевой мобильности характерно изменение масштаба влияния объекта, что отражается в расширении или сужении описания его сети (телевизор и его ремонт).<sup>249</sup> Для текучей мобильности способом связи между различными реальностями выступает способ действия объекта, в то время как положение объекта в сети, масштаб его влияния и элементы, его составляющие, могут меняться (амнезия).<sup>250</sup> Таким образом, тестируя различные виды мобильности объекта и изменчивость его способа действия, социоматериальный эксперимент позволяет исследовать переходы между различными формами регулирования, сетями, в которые встроен объект, и реальностями, а также

---

<sup>245</sup> Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия // М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2012.

<sup>246</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42; Лаэт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 171–232.

<sup>247</sup> Там же.

<sup>248</sup> Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // *The Sociological Review*. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 234–263.

<sup>249</sup> Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity // *Systems practice*. – 1992. – Т. 5. – С. 379–393.

<sup>250</sup> Mol A., Law J. Regions, networks and fluids: Anaemia and social topology // *Social studies of science*. – 1994. – Т. 24. – № 4. – С. 641–671.

делать гипотезы о том, как тот или иной вид мобильности отразится на способе действия объекта.<sup>251</sup>

Однако ключевым для социоматериального эксперимента оказывается не изменчивость способов действия объекта внутри одной культуры, а мобильность объекта и способы ее описания между различными культурами, то есть возможности расширения и формирования новых материальных культур.<sup>252</sup> Объект в этом случае можно описать, пользуясь метафорой Ло и Сиглетон, как «исчезающий» или «огненный», поскольку он может быть встроен в сеть социальных отношений другой социальной культуры только в текучей, максимально редуцированной форме, вокруг которой будут формироваться новая сеть социальных отношений, определяющая его материальную культуру, способ передвижения и действия в новом пространстве.<sup>253</sup>

По сравнению с культурой, из которой данный материальный объект был перенесен, его способы передвижения и действия в другой культуре будут всегда ошибочными, поскольку они подчиняются другому способу организации социальных отношений, их материальным ограничениям и способам изменения. Тогда передвижение объекта между различными материальными и социальными культурами позволяет показать предельную форму социоматериального эксперимента: экспериментирование с объектом, его редукциями и различными способами передвижения в конечном итоге позволяет сделать видимыми ограничения различных материальных культур.

Таким образом, описание объекта как «черного ящика» является лишь первым этапом эксперимента, в то время как второй и более существенный – это описание эмпирического способа видения как «черного ящика» и его представление через передвижение редуцированного объекта между

---

<sup>251</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

<sup>252</sup> Лаэт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 171–232.

<sup>253</sup> Law J., Singleton V. Object lessons // Organization. – 2005. – Т. 12. – № 3. – С. 331–355.

культурами и ошибки, которые делают это передвижение видимым и наблюдаемым.<sup>254</sup> Социоматериальный эксперимент показывает, с какими ошибками происходит перемещение между различными культурами. Он также позволяет выдвинуть гипотезы о том, как перевести способ видения из одной культуры в другую и как предложить описание этих культур друг для друга с наименьшими искажениями. Путешествующий, подверженный двойной редукции, объект выступает в социоматериальном эксперименте посредником между различными материальными культурами, который делает их видимыми друг для друга и возможным перевод между ними.

При переходе от мобильности объекта внутри одной культуры к его перемещению между культурами снова возникает проблема радикального скептицизма.<sup>255</sup> Обе культуры выступают друг для друга как игра воображения или иллюзия, которые могут иметь общее основание в описываемом путешествующем между ними объекте. Объект-посредник показывает общее ядро этих культур, которое позволяет им взаимодействовать между собой. Однако путешествия объекта-посредника грозят создать иллюзию единства культур и возможности выделения универсальных для всех культур черт, стирая различия между ними. Тогда, чтобы социоматериальный эксперимент не становился инструментом создания иллюзий, необходимо показать, как перевод между материальными культурами делает видимыми не только их общие материальные черты, но и непереваемое ядро социальных отношений и способов их описания.

## **Глава 1. Раздел 3. Открыть «черный ящик»: эксперимент и фабрикация объекта**

### **Раздел 3.1. Неуниверсальная культура: что значат ошибки?**

---

<sup>254</sup> Laet M. de. Patents, travel, space: ethnographic encounters with objects in transit // *Environment and planning D: Society and Space*. – 2000. – Т. 18. – № 2. – С. 149–168.

<sup>255</sup> Это хорошо показывают Верран и затем Ло: Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // *Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy*. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254; Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

В коротком эссе «Объекты и пространства»<sup>256</sup> Ло противопоставляет подходы постструктурализма Фуко и ANT, критикуя склонность Фуко к «трансцендентному идеализму», то есть поиску границ условий возможного, который восходит к первой критике Канта.<sup>257</sup> Наличие условий возможности предполагает, что есть инструменты, возможности которых ограничивают познание мира, в то время как выход за пределы возможностей предполагает наличие постоянно расширяющейся зоны познаваемого и объяснимого. Это расширение зоны возможного работает как такой же бесконечный экспоненциальный процесс, как и рост знания у Поппера.<sup>258</sup> Однако у поиска «условий возможности», как их представляет Кант и пытается преодолеть Фуко, и бесконечного роста знания Поппера есть еще одна проблема: они предполагают, что есть универсальный инструмент отделения истинных утверждений от ложных и возможности существования от невозможности. На проблему универсализма сетей в ANT указывает в упоминаемом эссе и Ло: существует большой соблазн, что сети будут бесконечно расширяться за счет множественных социоматериальных экспериментов между ними и создадут иллюзию, что возможен универсальный способ описания различных культур, укорененный в материальности.<sup>259</sup>

Вопрос о возможности или невозможности универсального способа описания научных исследований возвращает ANT к поиску «протокольного языка» логическими эмпириками Венского кружка.<sup>260</sup> В то же время он позволяет иначе расставить акценты в описании социоматериального эксперимента. Социоматериальный эксперимент делает видимыми редуцированные формы объектов, которые могут перемещаться между

---

<sup>256</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>257</sup> Каплун В. Л. Современность по Фуко: альтернативный проект Просвещения // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 1. – С. 104–119.

<sup>258</sup> Поппер К. Логика и рост научного знания. – М., 1983.

<sup>259</sup> Law J. After ANT: complexity, naming and topology // The sociological review. – 1999. – Т. 47. – № 1\_suppl. – С. 1–14; Strathern M. Cutting the network // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 1996. – С. 517–535.

<sup>260</sup> Sarkar S. The Vienna Circle: The Story of Logical Empiricism. – Taylor & Francis, 2024.

различными реальностями и культурами.<sup>261</sup> Однако если это перемещение не является беспроблемным или гладким, то ключевым в нем является не возможность перемещения, которая создается аналитическим аппаратом АНТ, а те ошибки и противоречия, которые возникают при перемещении, и их значение понимания различных материальных культур, их оснований-объектов или реальностей и организации репрезентаций в них.<sup>262</sup>

Отказ от трансцендентального идеализма Канта и либерального универсализма Поппера предполагает, что поиск истины сменяется выяснением условий истинности. Как утверждает Делез, этот переход принципиально меняет основную систему оппозиций, на которую опирается познание: «...условия истинности противостоят не лжи, а абсурду: тому, что существует без значения, или тому, что может быть ни истиной, ни ложью».<sup>263</sup> Это значит, что различения истинности и ложности должны относиться не к решениям, как у Канта или Поппера, а к формулировке проблем, которые и задают условия истинности, если проблема не-ложная (здесь Делез близок к описанию псевдопроблем Витгенштейном в Трактате).<sup>264</sup> В ином случае, если поставлена несуществующая проблема, то в результате получается нонсенс и отсутствие смысла, когда результат не является «ни истиной, ни ложью». Если проблема плохо проанализирована, то решение соединяет различные по природе вещи, которые семантически оказываются несопоставимы и противоречат друг другу – такой тип решения, следуя Делезу, можно назвать абсурдом.<sup>265</sup> Однако способ проверки для обоих случаев состоит не в проверке

---

<sup>261</sup> Ранее были перечислены такие объекты, см. примечания на стр. 245–249, 253. В более позднем тексте Урри называет такие технологии «малыми», поскольку они могут встраиваться в различные системы, которые по определению больше и более комплексны, см.: Урри Дж. Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвеевко. – М.: Дело, 2018.

<sup>262</sup> Mol A., Law J. Regions, networks and fluids: Anaemia and social topology // *Social studies of science*. – 1994. – Т. 24. – № 4. – С. 641–671.

<sup>263</sup> Делез Ж. Логика смысла. – Издательство «Академический проект», 2011. – С. 26. – С. 20.

<sup>264</sup> См.: Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М., 1994. – П. 4. – 1272.

<sup>265</sup> Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. – М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 225–246.

теоретических формулировок условий истинности, а в том, как работают репрезентации полученных решений – насколько фрагментарной будет их явная часть и как будут отражены скрытые репрезентации (пользуясь термином Ло).<sup>266</sup>

Таким образом, попытки преодолеть ограничения метода Поппера – его ориентацию на этику и универсализм – заставляют социологов ANT обратиться к «трансцендентальному эмпиризму» Делеза как философской альтернативе логике рационального познания, идущей от Канта.<sup>267</sup> Однако Ло с коллегами идет дальше и, чтобы не уйти в этическое суждение об истинности или ложности поставленных проблем, ставит под сомнение «ложность» несуществующих или размытых проблем.<sup>268</sup> Ло развивает «трансцендентальный эмпиризм» Делеза и предлагает два допущения: первое касается различения теории и практики, которое характерно для философии науки, представленной Поппером и его учениками, а второе – переопределяет роль экспериментальных ошибок.

Делез называет себя эмпириком, но вместо того чтобы анализировать ложность или истинность высказываний, анализирует ложность или истинность постановки проблем. Кажется, что теории здесь нет, хотя он утверждает, что есть высший эмпиризм, который идет за пределы опыта, за счет чего эмпиризм Делеза становится трансцендентальным.<sup>269</sup> Ло, опираясь на работы Верран, предлагает другой ход: не выводить эмпирику за пределы опыта, а, наоборот, сделать теорию частью опыта и непосредственного восприятия.<sup>270</sup> В этом он обращается к идее фальсификации Поппера, и

---

<sup>266</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

<sup>267</sup> Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. – М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 225–246.

<sup>268</sup> Там же.

<sup>269</sup> Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – С. 225–246.

<sup>270</sup> Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254; Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

утверждает, что теория может быть не только единичной, но и множественной, и в этом случае она будет выражена в противоречиях и ошибках. Эти противоречия возникают, когда теоретические суждения начинают сталкиваться с материальной практикой, которая реализуется в физическом пространстве. В результате теория как способ постановки проблем и сеть согласованных между собой утверждений оказывается недостижимым этическим объектом, который может принимать две формы – нонсенса (на уровне формальной организации) или абсурда, которые Ло описывает как реальные и нереальные репрезентации.<sup>271</sup>

Если ошибок много и ошибки являются материальной репрезентацией недоступного связного и гладкого нарратива теории, то остается неясным, какую роль ошибки играют в социоматериальном эксперименте? Явную репрезентацию решения хорошо или плохо поставленных проблем Ло называет символом и использует для этого термин из ранней работы Бенямина, где символические отношения описаны как «неразрывное единство формы и содержания».<sup>272</sup> Однако Ло считает, что явная репрезентация в виде символа встроена в сеть скрытых репрезентаций, которые он называет аллегорическими, где любая форма может означать что угодно и является сборкой частей других форм.<sup>273</sup> Встроенность явной репрезентации в сеть неявных, как нелинейности и «ошибки» скрытых репрезентаций, позволяет Ло утверждать, что хотя символ является редуцированным отображением скрытой сети, он не пытается ее заместить никаким из способов – ни пряча ее, ни делая ее абсолютно доступной. Символическая, явная репрезентация дает доступ к скрытым репрезентациям, однако не прямой и частичный, поскольку сама она является отклонением или ошибкой в структуре скрытой репрезентации.<sup>274</sup>

---

<sup>271</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – С. 158–182.

<sup>272</sup> Бенямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. – Аграф, 2002. – С. 164.

<sup>273</sup> Там же. – С. 181; Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015. – С. 185.

<sup>274</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

В результате ошибки, которые появляются в эксперименте и обозначают границы сети передвижений объекта-«черного ящика», а также дают возможность описать сеть его скрытых (редуцированных) репрезентаций, устанавливают способы перевода между различными культурами и реальностями. Ключевым в их работе и в работе путешествующих объектов становятся не общие элементы сети, а способы перевода и искажения-ошибки, которые в них возникают. Эти искажения показывают, какова цена перевода и как проявляется в репрезентациях и способах описания реальности отличия одной материальной культуры или реальности от другой.<sup>275</sup>

Репрезентации и редукции объекта в различных реальностях и двойная редукция при перемещении между культурами делают видимым способ передвижения, присущий объекту, и тип возникающих искажений.<sup>276</sup> Таким образом, в случае анализа объекта между культурами или реальностями, социоматериальный эксперимент идет уже не от социального к материальному, как при анализе траекторий, а наоборот – от материального объекта и его репрезентаций к социальным отношениям внутри различных культур.<sup>277</sup> Несмотря на то что данные культуры являются практическими и возникают как расширение материального объекта до сети, именно способ организации социальных отношений между элементами в этой сети делает их непереводаемыми друг в друга.

### **Раздел 3.2. Экспериментальные факты: фабрикация/производство ошибок**

Поппер описывает основную цель естественнонаучного эксперимента как способ фальсификации теории, то есть исходных предположений и

---

<sup>275</sup> Там же.

<sup>276</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>277</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // The Sociological Review. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – С. 158–182.

гипотез. Поппер настаивает на объективном характере ошибок или сомнений, которые подтверждаются тем, что мы не достигли предполагаемого результата, так же как альпинист не достиг вершины горы. Метод работы с ошибками Поппер называет «обучением», суть которого сводится к тому, что тестируем наши предположения на их ошибочность или фальсифицируемость.<sup>278</sup> Такое отношение к ошибкам предполагает их естественность и очевидность, то есть возможность непосредственно наблюдать противоречия. Однако, как показывает Делез, наблюдаемость противоречий и в принципе возможность с ними столкнуться зависит от способа постановки проблемы, а не только от того, насколько исходные утверждения соответствуют непосредственному опыту.<sup>279</sup>

Зависимость проверки исходных утверждений от способа постановки проблемы заставляет определить экспериментальные ошибки как сделанный факт, а не просто результат наблюдения: эксперимент и его наблюдение лишь делают ошибку видимой, но для этого нужно знать, где ее искать. Если экспериментальные ошибки делаются, а не возникают сами по себе, то ошибки наблюдаемые могут оставаться неявными или скрытыми и необходимо понимать, как их обнаружить. Абсурд и нонсенс, которыми оборачиваются ложные проблемы, согласно Делезу, могут не наблюдаться непосредственно, поскольку они описывают невозможные или нереалистичные репрезентации.<sup>280</sup> Однако Ло указывает, что редукцией невозможных или нереалистичных репрезентаций становятся нелинейные нарративы с разрывами в изображении или в способе видения.<sup>281</sup> При этом не важна оказывается форма репрезентации – визуальная она или словесная, следуя

---

<sup>278</sup> Поппер К. Логика научного исследования // Логика и рост научного знания. – 1983. – С. 342.

<sup>279</sup> Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – С. 225–246.

<sup>280</sup> Делез Ж. Логика смысла. – Издательство «Академический проект», 2011.

<sup>281</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // The Sociological Review. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – С. 158–182.

логике Барнса и Гомбриха,<sup>282</sup> Ло уравнивает текст и визуальное как способ репрезентаций. Ошибку, которая затем может быть воспроизведена и сделана видимой в процессе социоматериального эксперимента, Ло определяет как разрывы, которые могут быть явными или скрытыми.<sup>283</sup> В обоих случаях разрывы проявляются в виде различных редуцированных форм репрезентации, например, за счет сочетания слов и изображений или вещей в одной и той же репрезентации.

Алперс, на исследование голландского искусства которой часто ссылается Ло, утверждает, что в голландском искусстве совмещение двух форм репрезентации – изображение написанных слов в живописной картине – имело несколько функций: оно могло превратить изображение в документ и придать ему объективности или дать отсылку к иной реальности – эмоциональной или исторической.<sup>284</sup> Во всех этих случаях совмещение в одном пространстве изображений физических тел и изображение печатного или рукописного текста отображало явный разрыв в структуре репрезентации и отсылку к иному измерению, которое физически отсутствовало на картине.

Другую версию совмещения вещей и слов можно увидеть в репрезентациях карт и их способах описания географической реальности.<sup>285</sup> В картах в предельном виде образ местности представляется как последовательность или коллекция описаний. Такую же роль играют в пейзажах воздушная перспектива, которая задается различными планами. Этот способ введения другой реальности предполагает, что репрезентация содержит в себе редуцированное отображение или след изображаемого

---

<sup>282</sup> Barnes B. *Interests and the Growth of Knowledge (RLE Social Theory)*. – Routledge, 2014. – P. 5–7.

<sup>283</sup> Ло Д. *После метода: беспорядок и социальная наука*. – 2015.

<sup>284</sup> Алперс С. *Искусство описания: голландская живопись в XVII веке* / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022. – С. 293.

<sup>285</sup> Алперс С. *Искусство описания: голландская живопись в XVII веке* / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022; Law J., Benschop R. *Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics* // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – С. 158–182; Латур Б. *Визуализация и познание: изображая вещи вместе* // *Философско-литературный журнал «Логос»*. – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 95–156.

объекта. Такой способ репрезентации возможен не только для изображений, но также и для текстов, для этого необходимо лишь иначе посмотреть на него и понять, что части текста можно представить как материальные вещи, которые сопряжены друг с другом в единый текст.<sup>286</sup> И в картах, и в тексте, разделенном на абзацы, разрывы представлены не явно, а являются скрытой репрезентацией. Это означает, что они проявляются лишь в способе переключения между отдельными видами, фрагментами земной поверхности или текста.<sup>287</sup> В результате сам способ организации вида, карты или текста оказывается сетью или редуцированным пространством, которое содержит в себе серию скрытых разрывов или переходов в иную реальность.

Алперс и следом за ней Ло показывают, что разрывы не всегда связаны с явными ошибками, как в картах или в текстах, скорее наоборот, они таким образом редуцируют изложение, что позволяют создать связный нарратив.<sup>288</sup> В то же время, поскольку визуальный или текстовый нарратив является репрезентацией, он не позволяет описать, как действует тот или иной объект, поскольку для этого необходимо иметь доступ к его полной форме, выраженной в этическом суждении.<sup>289</sup> Тогда можно предположить, что так же как явные репрезентации дают доступ к скрытой аллегорической сети отношений объекта, скрытые и явные разрывы указывают на точки ветвления сети, или возможности вынесения эстетического суждения. Возможность суждения создает пространство для скрытых ошибок или изменений в

---

<sup>286</sup> Law J., Mol A. Words to think with: An introduction // *The Sociological Review*. – 2020. – Т. 68. – № 2. – С. 263–282.

<sup>287</sup> Callon M., Law J., Rip A. Putting texts in their place // *Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of science in the real world*. – London : Palgrave Macmillan UK, 1986. – С. 221–230; также см. более современный обзор проблемы: Cooren F. Textual agency: How texts do things in organizational settings // *Organization*. – 2004. – Т. 11. – № 3. – С. 373–393.

<sup>288</sup>  
<sup>289</sup> Lynch M., Woolgar S. *Representation in Scientific Practice*. – Cambridge: MIT Press, 1990; Law J., Lynch M. Lists, field guides, and the descriptive organization of seeing: Birdwatching as an exemplary observational activity // *Human Studies*. – 1988. – С. 271–303; Lynch M., Edgerton S. Y., Jr. Aesthetics and digital image processing: Representational craft in contemporary astronomy // *The Sociological Review*. – 1987. – Т. 35. – № 1\_suppl. – С. 184–220.

изначальной траектории движения, которые ограничивают способ действия объекта и придают ему форму.

Таким образом, социоматериальный эксперимент направлен на выявление того, как материальная форма объекта и способ его организации ограничивают изменчивость его способа действия. Редукция материальной формы допускает максимальную вариативность действия и мобильность объекта, однако способы действия, которые возможны в различных материальных культурах, будут отличаться и тем самым обозначать различие этих культур.<sup>290</sup> Редукция способа действия или социальной формы подчеркивает, наоборот, множественность материальной организации объектов и показывает возможности создания различных ассамбляжей, широкого объединения людей на основе разделяемых ценностей и новой рутины.<sup>291</sup> В обоих случаях редукция будет порождать ошибки репрезентации, в зависимости от типа редукции, визуальные или социальные, которые показывают, как распределена возможность действовать или агентность между социальными и материальными акторами. В результате социоматериальный эксперимент показывает, что реальности и культуры множественным образом упорядочены и как фабрикуются их различия.<sup>292</sup>

Чтобы сделать видимыми скрытые ошибки в социоматериальном эксперименте, необходимо представить объект как подвижный: двигаясь, «черный ящик» оставляет следы и делает видимым изменение своих границ. Создание условий для видимости скрытых ошибок или их фабрикации задается характером движения и его траектории, а также тем, какого типа

---

<sup>290</sup> Лаэт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 171–232.

<sup>291</sup> Callon M. Markets in the making: Rethinking competition, goods, and innovation. – Princeton University Press, 2021; Borch C. The politics of crowds: An alternative history of sociology. – Cambridge University Press, 2012.

<sup>292</sup> Mol A. Ontological politics. A word and some questions // The sociological review. – 1999. – Т. 47. – № 1\_suppl. – С. 74–89. Здесь важно отметить, что, говоря об онтологической политике, Мол принципиально иначе смотрит на онтологию, как на материальные репрезентации, чем, например, ее коллега Арчер, которая делает акцент на социальном, см.: Archer M. The social ontology of critical realism // Sociological Realism. – 2011. – Т. 1. – С. 1–19.

редукция будет лежать в основе эксперимента: социальная, материальная или их совмещение?<sup>293</sup> Кроме того, если эксперимент основан на передвижениях и мобильности, важным аспектом будут изначальные гипотезы о степени редукции, необходимой для данного перемещения, или же, говоря иначе, о степени различия между исследуемыми культурами и реальностями.

В двух случаях простой редукции можно предположить, что культуры или реальности накладываются и пересекаются в материальном или социальном (временном) пространстве. Такие культуры или реальности Ло называет гомеоморфными или способными непрерывно преобразовываться одно в другое – связи между ними создаются линейными, материальными изменениями. Двойная редукция предполагает принципиальную невозможность простого линейного преобразования, однако Ло утверждает, что такое преобразование возможно. Преобразование через двойную редукцию Ло описывает как негомеоморфное с точки зрения материального действия, но возможное с точки зрения преобразования одной сети социальных отношений в другую.<sup>294</sup>

Социальные изменения, вызванные двойной редукцией и связывающие две не соприкасающиеся культуры, будут требовать от объекта-«черного ящика» способности переводить не описания фактов, а умолчания о них, встроенные в организацию явных и скрытых репрезентаций. В то же время можно предположить, что асинхронные, но идущие параллельно, материальные изменения также порождают разрыв негомеоморфности. Степень негомеоморфности материальных изменений зависит от того, насколько скоординированы редукции анализируемых объектов: чем меньше

---

<sup>293</sup> Обсуждение фабрикации ошибок приводится здесь по аналогии с фабрикацией, то есть «сделанностью», с конструированностью экспериментальных фактов, о которой пишет Стенгерс: Stengers I. *Cosmopolitics*. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2010. – Т. 1.

<sup>294</sup> Law J., Singleton V. *Object lessons // Organization*. – 2005. – Т. 12. – № 3. – С. 331–355; Ло Д. Объекты и пространства // *Социологическое обозрение*. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

скоординированы изменения, тем ниже вероятность гладко перейти из одной культуры в другую.

В результате двойная редукция, в разной степени скоординированная, затрагивает не только способ изменения, но и условия его возможности, то есть этические основания культур и различия между ними. Таким образом, анализ материальной и социальной изменчивости, предлагаемый Ло, позволяет ему преодолеть основную проблему экспериментального объекта-«черного ящика»: он дает доступ к этическому суждению об объекте, которое становится возможным реконструировать частично или полностью.<sup>295</sup> Однако остается неясным, как разные типы изменчивости позволяют фабриковать экспериментальные факты-ошибки. Этот вопрос будет далее разобран на примере анализа Ло и Беншоп живописных изображений, как реалистических, так и абстрактных,<sup>296</sup> а также на примере анализа Верран и Ло столкновения европейской и австралийской аборигенной культуры на примере спора о земле.<sup>297</sup> Анализ трех кейсов позволит показать, что лежит в основе метода фабрикации фактов в социоэкспериментальном эксперименте.

### **Раздел 3.3. Реалистичные репрезентации и эстетические изменения: перспектива и пейзаж**

Когда Ло описывает способы организации эксперимента с помощью описаний или репрезентаций, его прежде всего интересует вопрос об объективности или субъективности нарратива.<sup>298</sup> При этом, чтобы показать, как это субъективизация оказывается существенной, и для формально объективной ситуации наблюдения вещи – картины – Ло обращается к

---

<sup>295</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

<sup>296</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – С. 158–182.

<sup>297</sup> Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // *Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy*. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254.

<sup>298</sup> Law J. Theory and narrative in the history of technology: Response // *Technology and Culture*. – 1991. – Т. 32. – № 2. – С. 377–384.

наиболее субъективным материальным объектам, произведениям искусства.<sup>299</sup> Его задача понять, как субъективный взгляд художника, который воплощается в картине, объективизируется за счет внутренней изменчивости изображения и постоянного перераспределения агентности и изменений между художником (субъектом) и создаваемым им произведением (объектом).

Различение субъективного и объективного создает, согласно Ло, историю или нарратив, который постоянно будет изменяться.<sup>300</sup> При этом история, в отличие от того, как ее описывает Лэш,<sup>301</sup> не является для Ло устойчивой формой, скорее он следует логике Харауэй, которая смотрит на историю как на подвижную, изменчивую структуру.<sup>302</sup> Анализируя живописные полотна и способ определить условия истинности, которые они задают, Ло тем самым обращается к первому, самому простому виду изменчивости – материальной.

Ло начинает с двух самых простых форм репрезентации, которые используют перспективу как способ описания реальности, однако при этом показывает, как перспектива может быть в одних случаях единичной (с одной точкой схода), а в других – множественной, с несколькими исчезающими точками схода и совмещением нескольких видов. Это пространство Ло называет евклидовым и предполагает, что в нем все материальные объекты максимально редуцированы, но зато социальные аспекты визуального нарратива в виде точек зрения оказываются подчеркнута выраженными.<sup>303</sup>

---

<sup>299</sup> Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // *Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy*. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254.

<sup>300</sup> Law J. On the subject of the object: Narrative, technology, and interpellation // *Configurations*. – 2000. – Т. 8. – № 1. – С. 1–29.

<sup>301</sup> Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – С. 305–319.

<sup>302</sup> Haraway D. *Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective 1* // *Women, science, and technology*. Routledge, 2013. С. 455–472.

<sup>303</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – С. 158–182.

Первая картина, о которой говорят Ло и Беншоп, – изображение сцены «Битва при Сан-Романо» Паоло Учелло,<sup>304</sup> с характерной для этого художника ярко выраженной, даже утрированной перспективой с одной точкой схода. Они утверждают, что это изображение не является нарративом само по себе, а лишь иллюстрирует его, то есть является фиксацией момента, аналогом изображения в камере-обскуре, посредником между объектом и субъектом. Единственность точки схода Ло и Беншоп связывают с единственностью субъекта в этом изображении и подчеркивают его отсутствие на картине. Картина производит жесткое различие мира на смотрящих субъектов и наблюдаемые объекты, причем все фигуры подчинены взгляду субъекта и согласованы между собой. Единственность точки зрения задает способ описания этого мира так, как будто бы он являлся естественным и переход к нему в Ренессансе был таким же открытием предсуществующих объектов, как и открытие морского пути в Индию Васко да Гама.<sup>305</sup>

Принципиальным для Ло и Беншоп является вскрыть не естественный, а сфабрикованный характер перспективы: он утверждает, что перспектива является не открытием, а изобретением.<sup>306</sup> Это важно, поскольку показывает, что представленные в изображении отношения между предметами не являются воспроизведением их естественных отношений, а, наоборот, представляют собой результат работы художника и его способа соединять или различать объекты. Естественные отношения между объектами, данные как они есть, в этом случае остаются недостижимыми, поскольку их собирание в картину является результатом изменения и фабрикации новой сети отношений.

---

<sup>304</sup> Можно предположить, что выбор картины Учелло для анализа может быть связан с работами о монтаже Сергея Эйзенштейна, однако прямого объяснения выбора Ло и Беншоп не дают.

<sup>305</sup> Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // *The Sociological Review*. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 234–263.

<sup>306</sup> Там же. Об этом также пишет Алперс и еще раньше Панофски: Панофский Э. Перспектива как «символическая форма»; Готическая архитектура и схоластика. – 2004; Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022.

Актером, который плетет эту сеть, является художник, однако изображение пытается избежать обвинений в субъективизме, поскольку мы видим лишь результат действия этого взгляда. Таким образом, картина построена на двойном движении: движении взгляда статично стоящего человека и изменениях в отношениях объектов, которые сконструированы этим взглядом. Организация объектов в изображении делает видимым субъекта и тем самым объективирует его взгляд.

Картину Учелло, которая представляет собой итальянский, нарративный подход к изображению предметов, если пользоваться различием Алперс, Ло и Беншоп, сравнивают с рассмотренным ею северным, голландским подходом к изображению на примере картины Вермеера «Вид Дельфта». Как показывает анализ Алперс, эта картина тоже построена по перспективным законам, однако она уже не предполагает наличия одной точки схода и линейную перспективу – в отличие от иллюстративного нарратива Учелло, подход Вермеера Ло и Беншоп называют дескриптивным ассамбляжем.<sup>307</sup>

В отличие от картины Учелло, в пейзаже Вермеера нет конкретной точки схода перспективы, вместо этого Ло описывает картину как написанную из «ниоткуда» (nowhere). Алперс определяет это конкретнее: картина Вермеера принадлежит к жанру топографических видов городов и одновременно опирается на принципы создания картографических изображений как описаний земель, «поверхностей, на которых располагалась комплексная картина мира».<sup>308</sup> Удаленная точка схода и игры с совмещением различных перспективных видов, характерные для Нидерландов XVII века, фактически позволяют Вермееру создать объемный коллаж, схожий с тем, что

---

<sup>307</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – P. 158–182. – P. 162.

<sup>308</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022. – С. 217.

позже использует как принцип киномонтажа и организации кинематографического нарратива и опишет Беньямин.<sup>309</sup>

Таким образом, «Вид Делфта» уже не пытается описать перспективное изображение как естественное, Вермеер использует иллюзорность и искажения, свойственные зрению, чтобы создать иллюзию естественных отношений и восприятия между зрителем и объектами – городом.<sup>310</sup> Особые отношения субъекта и объекта в пейзаже Вермеера появляются еще и потому, что в качестве объектов для ассамбляжа здесь уже работают не отдельные дома-объекты, а виды или кадры, то есть различные точки зрения. В результате художник, создавая статичный объект, закладывает подвижность не в отношения между объектами (как у Учелло), а в отношения между точками зрения, которые организованы объектом-городом. Следуя за логикой Алперс, Ло и Беншоп, можно предположить, что в случае Учелло субъект наблюдает за отношениями объектов, а у Вермеера город-объект наблюдает за субъектами, которые на него смотрят.

Это противопоставление двух источников взгляда – субъекта и объекта – делает видимым базовую исследовательскую оппозицию, которая показывает, что означает для Ло сопоставление этих двух картин. С одной стороны, Ло, конечно, следует различению Алперс на итальянский, южный и северный модусы изображения.<sup>311</sup> Однако для Алперс эти два модуса изображения различаются эпистемологически, как два способа познания через слова и сюжет или через вещи и образы. Ло противопоставляет эпистемологическому анализу, характерному для итальянцев, онтологическую политику как способ проведения различий между вещами и пространствами. Тогда распределение субъектно-объектных отношений, о

---

<sup>309</sup> Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М.: Медиум. – 1996.

<sup>310</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – P. 158–182. – P. 162.

<sup>311</sup> Алперс в этом случае ссылается на Баксандалла, который как раз исследует итальянское искусство Ренессанса: Баксандалл М. Джотто и ораторы. Рассуждения итальянских гуманистов о живописи и открытие композиции. – М.: Новое литературное обозрение, 2023.

которых Ло говорит прямо, является репрезентацией того, как распределяются отношения между способами познания, основанными на риторике, и способами описания, укорененными в вещах.<sup>312</sup>

Анализ отношений субъекта и объекта, или познания и описания, которое Ло демонстрирует в анализе двух картин, показывает, как изменения создаются, и соотношения подвижности и неподвижности людей и вещей. В результате в двух статичных объектах можно наблюдать репрезентацию двух типов подвижности – связанной с материальными объектами и с социальными акторами. Этот тип подвижности можно назвать эстетическими изменениями, для которого характерна фабрикация иллюзии бесшовного пространства. Однако, поскольку подвижность является субъективной чертой и предполагает способность к действию, то сравнение картин позволяет выделить ее различные модусы и показать, что реалистические репрезентации становятся возможны только за счет скрытых разрывов, которые позволяют собрать общую картину.

#### **Раздел 3.4. Нереальные репрезентации и концептуальные изменения: иконические образы и сны**

Другая пара картин, которую описывают Ло и Беншоп,<sup>313</sup> – это картины, ориентированные на отображение невозможного (impossible), в изображениях которых больше иконического, чем реалистичного. Обе картины представляют собой образы снов: в одном случае это изображение сна кошки Реми Бланшара «Когда кот спит, мыши танцуют»,<sup>314</sup> а вторая относится к аборигенной австралийской культуре – это картина Тима Леруа

---

<sup>312</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – P. 158–182.

<sup>313</sup> Там же.

<sup>314</sup> Анализ этой картины может быть неявной отсылкой к первой главе в книге Рене Жерара «Паразит», где тот представляет цепь коммуникации как последовательность сбоев и прерываний и к басне Эзопа «Городская мышь и деревенская мышь» (на русском стала сюжетом для стихотворения Сумарокова): Серр М. Паразит / пер. с фр. А. Лобановой // *Носорог*. – 2016. – № 5. – С. 175–219.

Тджапалтджарри «Дух Смерти Напперби видит сны».<sup>315</sup> Если говорить об этих картинах как о репрезентациях, то формально они используют один и тот же социальный принцип организации репрезентации: метафору сна. Однако, поскольку изображаемые сны относятся к различным культурам, то их материальное и образное воплощение значительно отличается, как и по воспринимаемым качествам, таким как цветовая гамма, и по размеру работ, и по принципу организации.

Ло и Беншоп объединяют обе картины тем, что они относятся к области не-реалистичного воображения: Ло это называет в первом случае «когнитивным картированием», а во втором – ритуальным воспроизведением мира, который существует во всей полноте через постоянные пере-сказы и репрезентации.<sup>316</sup> Эти воображения связаны уже не с евклидовым, а с сетевым пространством, для которого существенными оказываются субъективные отношение и положение в сети других объектов.<sup>317</sup> Однако в пространстве картины сетевое пространство оказывается выражено минимально и принимает различные пространственные формы не-линейного нарратива.

Обращение к сетевому пространству как способу репрезентации снов делает более ярко выраженными и радикальными отношения различия и сходства, которые Ло и Беншоп выделяли для перспективных изображений.<sup>318</sup> На первой картине субъекты и объекты оказываются резко противопоставлены, а во втором – между ними невозможно провести четкую грань. Однако в обоих случаях объекты оказываются такими же актерами, цель нарратива – не объективировать восприятие, сгладить различия. Картина

---

<sup>315</sup> Разговор об этой картине Ло и Беншоп основывают, прежде всего, на работах Элен Верран, см.: Watson (Verran) H., Chambers D. W. Singing the land, signing the land. / Portfolio of exhibits [Electronic resource]. – URL: <http://singing.indigenouknowledge.org/exhibit-5.html>

<sup>316</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // The Sociological Review. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – P. 158–182.

<sup>317</sup> Ibid.

<sup>318</sup> Ibid. – P. 159.

не расположена между художником и зрителем, а является репрезентацией отношений, в которых оба существуют.

Картина Бланшара «Когда кот спит, мыши танцуют» построена по принципу «молчащего» объекта, который, данный зрителю как вещь без контекста, может быть интерпретирован множеством противоречивых способов. Сюжет картины прост – в центре черного холста спит кошка («отсутствует», как переводят Ло и Беншоп).<sup>319</sup> Вокруг нее по раме картины изображены мыши, которые «водят хоровод» или «танцуют» и тем самым обозначают границы сна кошки. Кроме того, на мышей смотрит некая фиолетовая фигура, похожая на кошку и выглядывающая из-за нее, но бодрствующая. Наличие двойной фигуры кошки, как и отсылки к идее сна, сразу создают двойственность изображения и порождают множество вариантов прочтения картины.

Следуя логике Алперс, которая показывает, как картины в искусстве Нидерландов XVII века становятся воплощением пословиц или «изобразительными цитатами» – например, у Брейгеля Старшего «Фламандские пословицы», – можно предположить, что картина является воплощением французской пословицы, вынесенной в название картины.<sup>320</sup> Если рассматривать эту картину в логике «изобразительных цитат», то она становится перформативной, поскольку наиболее важным оказываются не столько изображенные предметы, а метод, которым художник вовлекает зрителя в игру и делает его еще одной мышью в отсутствие кота-смысла. И первыми, кто вовлекается в эту игру, становятся сами авторы описания, Ло и Беншоп, которые предлагают читателю вместо анализа иллюстрацию этой неопределенности и размытости смысла, представленную в серии

---

<sup>319</sup> Ibid. – P. 167.

<sup>320</sup> Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022. – С. 207.

разнообразных вопросов – от прямого чтения изображения до анализа его расположения на выставке в музее.

Однако принципиальное отличие «изобразительных цитат» Брейгеля Старшего от картины Бланшара в том, как построен нарратив и какое он предполагает взаимодействие со зрителем. Во «Фладманских пословицах» зритель видит гротескные, но реалистичные изображения людей, а его задачей становится угадать, какая из пословиц была изображена. Таким образом, пословицы работают как объекты, которые опосредованным образом действуют и представлены на картине, а зритель лишь наблюдает их воплощение.<sup>321</sup> В отличие от Брейгеля, изобразительная цитата Бланшара предельно минималистична и к тому же открыто дана в названии картины. Но именно эта открытость делает возможным встроить ее в любой нарратив (то, что делают в статье Ло и Беншоп),<sup>322</sup> и в то же время организация картины, которая построена по расширяющейся схеме – мыши бегают по краю, – выводит действие картины за пределы холста, делая границу холста основной линией нарратива, который стирает границы между искусством и реальностью.

В последней картине, которую описывают Ло и Беншоп, перформативность нарратива и логика сновидения устроены иначе. Ло и Беншоп описывают картину аборигенного австралийского художника, которая изображает сон о территории около станции Напперби, которую захватили европейцы и выгнали оттуда аборигенов.<sup>323</sup> Эта картина была приобретена местным учителем, который и записывает ее сюжет со слов художника.

---

<sup>321</sup> Ibid.

<sup>322</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – P. 158–182.

<sup>323</sup> Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – P. 158–182.

Картина изображает сновидение Духа Смерти, который идет по территории Напперби. С точки зрения аборигенной культуры Австралии, сновидение является способом общения с Духами Предков, то есть способом перехода в другое временное измерение, где реальные места и локации имеют другую – священную иерархию, связанную с естественными нуждами Духов Предков как живых существ, то есть с полным жизненным циклом от рождения до смерти. Однако время сновидений имеет также различные формы репрезентаций в «светском» времени и пространстве в виде песен-стихов, танца или изображения.<sup>324</sup> В этом ряду изображение выступает как наиболее отстраненный акт, в то время как сновидения являются перформативным способом установления связей между Духами Предков, людьми и землей.

Однако для описания визуального нарратива Духа Смерти, чье сновидение, ставшее частью сновидений художника, изображено на картине, необходимо также понять, кому адресовано это визуальное высказывание. По свидетельству учителя, художник не хочет знать белых австралийцев, «он присваивает Напперби себе как свое собственное Сновидение, и тем самым косвенно забирает его у белых владельцев. Это одно из значений картины».<sup>325</sup> И в то же время он изображает на картине кроме Духа Смерти еще три сновидения-духов, с которыми он ведет переговоры об этой территории, – Старика, Черепахи и любовников Солнца и Луны. Таким образом, визуальный нарратив становится отображением переговоров с миром Духов о том, будет ли эта земля принадлежать белому Духу Смерти (белым австралийцам) или аборигенам с привлечением Духов Предков, а также Солнца и Луны. Визуальный нарратив вовлекает зрителей-белых австралийцев в косвенный диалог, однако они в нем оказываются не субъектами, а объектами рассказа,

---

<sup>324</sup> Watson (Verran) H., Chambers D. W. Singing the land, signing the land. / Portfolio of exhibits [Electronic resource]. – URL: <http://singing.indigenouknowledge.org/exhibit-5.html>

<sup>325</sup> Bardon G. The Great Painting, Napperby Death Spirit Dreaming, and Tim Leura Tjapaltjarri // Ryan. – nd. – P. 46–47. Цит. по: Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // The Sociological Review. – 1998. – Т. 45. – № 1\_suppl. – P. 158–182.

который устанавливает воображаемую сеть связей и отношений между всеми участниками.

Таким образом, мы видим, что в случае нарративов и сновидческих, воображаемых репрезентаций принцип организации отношений не только не предзадан зрителю, но и является предметом активного перформативного высказывания, которое каждый раз заново может быть перестроено, вплетаясь в одну сеть (как в случае Бланшара) или создавая новые (как в сновидении Духа Смерти). В отличие от реалистичных репрезентаций, неполные, иконические репрезентации снов не только делают видимым движение в виде кольца мышей или линии движения Духа Смерти, но и делают подвижным реальное пространство наблюдателей. Картина больше не является посредником, она включает реальные физические тела и объекты в сеть субъективных отношений.

Тем не менее нарративы не остаются непроблематичными. Делая подвижным реальное пространство, они делают видимыми невозможные сочетания, конфликты и противоречия, которые могли оставаться скрытыми до этого. Нарративы подчеркивают эти противоречия, поскольку разворачиваются во времени и пространстве последовательно, однако дают к ним доступ, частично воспроизводя их визуально.<sup>326</sup> Таким образом, иконическая, нарративная репрезентация работает не с одной, а с двумя нескоординированными формами материальной изменчивости и редукции. С одной стороны, нарратив редуцируется до визуальной траектории, а с другой – он редуцирует различия социальных объектов, тем самым делая частично доступными для реконструкции этические изменения, которые выражаются в перераспределении эпистемологического и онтологического статуса объектов и отношений, например, в случае с интерпретацией значений объектов или прав собственности на них.

---

<sup>326</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

### Раздел 3.5. Пучок репрезентаций: ошибки как точки перехода

Чтобы показать, как в репрезентации можно наблюдать этические изменения не только частичные, но и полные, необходимо перейти от описания отдельных визуальных репрезентаций к описанию социальных взаимодействий по поводу визуальных и материальных репрезентаций. В данном случае речь будет идти о споре о земле между аборигенами и австралийскими европейцами, который описывают сначала Верран, а затем Ло.<sup>327</sup> Спор о земле строится вокруг столкновения двух систем описания земли и прав собственности на нее – упорядоченной количественной европейской системы и мифологической системы австралийских аборигенов.

Исходной точкой для спора является попытка признать права коренных австралийских племен на земли, которые им принадлежали до прихода в XVIII веке европейцев и колонизации Австралии Британской империей. В этой истории, как ее рассказывает Верран, которая изучала долгое время одно из австралийских племен, сталкиваются два способа описывать права собственности, которые опираются на различные эпистемологические и онтологические основания. Возникающая разница отражается не только в способах репрезентации или описания объектов, но имеет более глубокие основы. Так, Верран утверждает, что единственный язык, который оказывается общим, – это не язык культуры и права собственности, а язык повседневных практик и человеческого общения.

В отличие от повседневных взаимодействий, разговор о собственности и способах определения прав на нее ведется австралийскими европейцами и аборигенами, опираясь на разнообразную систему различий. Для европейцев основой описания прав на землю является способ описания Канта, где аналитические суждения – абстрактные исчисления – увязываются с реальными объектами и получают синтетические определения

---

<sup>327</sup> Ibid.; Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // *Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy*. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254.

количественных характеристик земельных объектов. Кантовская логика, согласно Верран, предполагает описание земли как плоской сети равномерно распределенных качеств, которая сглаживает различия в ландшафте (подробнее о том, что включается в европейское описание земли можно посмотреть у Поттажа<sup>328</sup>).

В отличие от европейцев, аборигены используют принципиально иную логику описания земли, основанную на установлении отношений между Духами Предков, системе родства и исторически сложившихся ландшафтах. Верран описывает систему землепользования аборигенов как крайне устойчивую и адаптивную даже в ситуации значительных климатических изменений, которые происходили за сорок тысяч лет жизни аборигенных племен в Австралии. Это становится возможным благодаря тому, что аборигены, в отличие от европейцев, не исключают из своей системы описания мира и отношений в нем воображение, наоборот, оно играет важную роль и в системе права, и в распределении собственности на землю.<sup>329</sup>

В описании картины Тима Леруа Тджапалтджарри «Дух Смерти Напперби видит сны» уже упоминались Сновидения как особое пространство и время для общения с Духами Предков у аборигенов, а также три формы их репрезентации – песня-стихи, танец и изображение.<sup>330</sup> Обращение к Сновидениям является для аборигенов источником для переосмысления отношений, в том числе правовых и собственности. Это особенно важно, поскольку права собственности и их распределение в пространстве также имеют источником сновидения.

В сновидческом времени Духи и Боги размечают пространство своим присутствием и различными способами взаимодействия с ним – едой,

---

<sup>328</sup> Pottage A. The Cadastral Metaphor: Intersections of Property and Topography // *Constituting Modernity: Private Property in the East and West*. – 2004. – Т. 5. – С. 180.

<sup>329</sup> Также см., как тему воображения развивает Ло в главе 8: Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

<sup>330</sup> Watson (Verran) H., Chambers D. W. Singing the land, signing the land / Portfolio of exhibits [Electronic resource]. – URL: <http://singing.indigenouknowledge.org/exhibit-5.html>

испражнениями, сном – то есть ландшафт размечается траекториями жизни Богов в нем. Сновидческие пути могут возобновляться и переопределяться через танец или песню, но они всегда связаны с метафорическими репрезентациями и конкуренцией за различные метафоры или способы их описания. Кроме этого, существенными для описания землевладения аборигенов оказывается система «гурруу» или родства, которая состоит из двух измерений – поколений и дробления на фрагменты, различения отцовской и материнской ветки.<sup>331</sup> Но поскольку все родственные связи представлены теми или иными сновидческими тропами, то они отражаются непосредственно в описании земли и принадлежности данного рода к конкретному месту.

Подробно разбирая, как устроена онтологическая логика описания австралийских аборигенов, Верран подчеркивает, что европейская система гораздо более редуцирована: в ней есть технические, материальные описания, но полностью исключена изменчивость социальных связей и связанное с ней воображение.<sup>332</sup> Однако, как показывает Ло, и система описания аборигенов становится гибкой с помощью редукции. Если европейцам свойственна материальная редукция, которая предполагает концептуальное или теоретическое единство, то для аборигенов характерна социальная редукция, которая предполагает сохранение ритуалов и социальных иерархий.<sup>333</sup>

Учитывая то, как описывают подвижность объектов Ло и Мол,<sup>334</sup> редукция неизбежна, поскольку, чтобы адаптироваться к новым местам (как европейская система землеописания) или к временным и климатическим изменениям (как землепользование аборигенов), эти системы должны быть в той или иной степени изменчивы. При этом Верран отмечает, что социальная

---

<sup>331</sup> Watson (Verran) H., Chambers D. W. Singing the land, signing the land / Portfolio of exhibits [Electronic resource]. – URL: <http://singing.indigenouknowledge.org/exhibit-5.html>

<sup>332</sup> Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254.

<sup>333</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

<sup>334</sup> Mol A., Law J. Regions, networks and fluids: Anaemia and social topology // Social studies of science. – 1994. – Т. 24. – № 4. – С. 641–671.

редукция и постоянное переописание вещей и материального мира предполагают производство нового знания.<sup>335</sup> В то же время можно предположить, что изменчивость описываемых социальных практик способствует возникновению новых пространственных и материальных конфигураций.

Чтобы создать возможность диалога между австралийскими европейцами и аборигенами, Верран предлагает привести описания обеих систем к организационному подобию, чтобы указать не на смысловые и концептуальные различия двух систем, а на минимальные общие элементы материальной структуры. При этом Верран указывает, что есть соответствие между аналитическими количественными характеристиками земли у европейцев (числа) и у аборигенов (положение в родственной сети), а также тем, как она представляют качественные характеристики – размеры у европейцев и метафоры у аборигенов.<sup>336</sup>

Однако ход, который предлагает Верран, ведет к возникновению координированной двойной редукции, которая характеризуется уже не частичным, а полным доступом к этическим изменениям (то есть принципам регулирования и правилам) и к границам этического объекта, недоступного в других ситуациях. Верран описывает эту ситуацию как возможность установить диалог, которая тем не менее требует от всех участников значительного усилия, поскольку, как отмечает Ло, установка этого подобия должна привести к частичной редукции множественности практик у европейцев и множественности способов описания (теорий) у аборигенов.<sup>337</sup>

Риски этой ситуации этических изменений становятся явными, если посмотреть, что стоит в центре подобного перевода. В реалистических репрезентациях в центре был объект – актер или вещь, в не-реалистических

---

<sup>335</sup> Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // *Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy*. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254.

<sup>336</sup> Ibid.

<sup>337</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

репрезентациях объект был мертвый или отсутствующий, но в ситуации двойной редукции объект отсутствует, его нет как действующего, он может быть только сфабрикован.<sup>338</sup> Однако риск подобной фабрикации в том, что она предполагает подвижность этических суждений в каждой из систем и, более того, иллюзию создания новой этической системы. Тем не менее иллюзия новой системы этических суждений, если за ней нет четких материальных оснований и воплощения в практиках, создает условия для возникновения беспорядка, который может лишь отчасти контролироваться эстетически. Этические изменения, хотя и позволяют решить проблему объекта-«черного ящика», могут также поставить под сомнение легитимность его существования и привести к новому циклу изменений.

### **Раздел 3.6. Материальная семиотика как экспериментальная техника**

Когда Ло описывает свой метод работы в начале 2000-х годов,<sup>339</sup> он проводит различие своего подхода как с проектом Латура и Каллона, так и с работами других теоретиков ANT, например Маргарет Арчер. При этом он вводит как минимум два описания своего проекта и проекта коллег – онтологическая политика, как способ различения на основе материальной организации объектов,<sup>340</sup> и перформативная материальная семиотика (Арчер, Каллон).<sup>341</sup> Если первое понятие становится ключевым для Ло при различении эпистемологических и онтологических исследований, то второе напрямую затрагивает вопросы метода проведения эмпирических исследований, которые в данной работе обозначены как социоматериальный эксперимент.

---

<sup>338</sup> Такой сфабрикованный объект можно найти у Ло и Синглетон, когда они говорят о «мерцающих объектах»: Law J., Singleton V. Object lessons // *Organization*. – 2005. – Т. 12. – № 3. – С. 331–355.

<sup>339</sup> Ло Д. Объекты и пространства // *Социологическое обозрение*. – 2006 [2002]. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>340</sup> Mol A. Ontological politics. A word and some questions // *The sociological review*. – 1999. – Т. 47. – № 1\_suppl. – С. 74–89.

<sup>341</sup> Akrich M. The de-scription of technical objects // *Shaping technology/building society. Studies in sociotechnical change*. – 1992. – С. 205–224; Callon M. The state and technical innovation: a case study of the electrical vehicle in France // *Research policy*. – 1980. – Т. 9. – № 4. – С. 358–376.

В работе 2008 года Ло описывает акторно-сетевую теорию как не-совсем-теорию, которая обладает скорее объяснительной, а не описательной силой.<sup>342</sup> Ло относит эту описательность к тому, что ANT является разновидностью материальной семиотики, способа описания мира, который всегда сталкивает в различных отношениях две реальности – материально-онтологическую и социально-эпистемологическую и анализирует отношения между ними и эффекты этого взаимодействия.

Ло проводит различие между двумя видами семиотики – латурианской семиотикой 1990-х годов и перформативной семиотикой 2000–2010-х годов. Оба типа семиотики обладают схожим способом действия, который можно описать как социоматериальный эксперимент, но, так же как и в представлениях о собственности европейцев и австралийских аборигенов, организационное подобие этих подходов делает их несовместимыми: они действуют в противоположных направлениях.

Так, Ло описывает, как работает материальная семиотика сетей, которая возникает в 1980–1990-е годы: за счет описания бесконечно расширяющейся сети объектов их различия редуцируются и становятся несущественными, что делает возможным производство эпистемологических различий и знания.<sup>343</sup> В отличие от материальной семиотики сетей, материальная семиотика действия (перформативная) собирается вокруг одного метода описания материальных объектов и позволяет проводить между ними онтологические различия в ощущениях и восприятии. Ценой таких онтологических различий или политики<sup>344</sup> становится эпистемологическая

---

<sup>342</sup> Law J. Actor-network theory and material semiotics // *The new Blackwell companion to social theory* / ed. by B. Turner. – Oxford: Blackwell, 2009. – P. 141–158. Наиболее полный обзор различных версий материальной семиотики на русском см. в статье Кирилла Петрова: Петров К. А. Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно // *Социология власти*. – 2023. – Т. 35. – № 2. – С. 18–37.

<sup>343</sup>

<sup>344</sup> Mol A. Ontological politics. A word and some questions // *The sociological review*. – 1999. – Т. 47. – № 1\_suppl. – С. 74–89.

относительность, которая порождает множественность теорий и способов описания наблюдаемых материальных различий.

Оба подхода материальной семиотики демонстрируют переход от этических различий к эстетическим и от эстетического безразличия к этическому. Таким образом, две версии материальной семиотики позволяют получить доступ к границам объекта-«черного ящика», которые возникают в результате изменения эстетических и этических границ, а также перехода одних в другие. Этот «полное» описание границ объекта оказывается возможным только при применении метода социоматериального эксперимента к нему самому и описанию двух его типов как двух реальностей. Тогда материальная культура, порождаемая описываемым объектом, возникает на стыке познания и описания.

Однако цель социоматериального эксперимента оказывается не в описании объекта как объективизации способа письма, а в тестировании границ рациональности и социального порядка в рамках определенной культуры или при путешествии объектов между ними.<sup>345</sup> Это определяется тем, как тестируются границы в материальной семиотике: чтобы определить предмет, необходимо его подвергнуть как этическим изменениям, так и эстетическим. При этом полные границы объекта оказываются понятны из сопоставления этих двух типов изменчивости.

На примере описания Верран способов перевода между двумя системами знания (перформативная материальная семиотика по Ло) можно наблюдать, как Верран упрекает европейцев в том, что, отказавшись от описания своих способов управления землей с помощью воображения, европейцы отказываются также от нового знания, которое может родиться только в процессе переговоров.<sup>346</sup> Однако далее она признает, что подобная

---

<sup>345</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006 [2002]. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>346</sup> Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 237–254.

изменчивость знания связана с этическими вызовами и способами различения благого и злого, которое лежит, по Ло, в основе онтологической политики.<sup>347</sup> Таким образом, анализ этической изменчивости ставит вопрос о границах описываемого мира и способности языка описывать реальность, то есть о границах рациональности данной материальной культуры. В то же время эстетическая изменчивость связана с изменчивостью различения живого или мертвого. Этическая изменчивость делает видимыми границы искажений в описаниях материальной культуры, тем самым определяя не только ее концептуальные границы рациональности, но технические, связанные с объектом, вокруг которого она возникла.

В результате материальная семиотика сети или действия оказывается экспериментальной техникой-методом, который позволяет очертить границы познаваемого в рамках данной культуры. Однако эти границы не стоит изображать наподобие условий возможности Фуко, наоборот, они связаны с нелинейными переходами между реальностями и ошибками, которые возникают в процессе переходов, – ошибками разрыва, конфликтов и дезорганизации. В результате вокруг метода материальной семиотики возникает пучок теории и подходов «поддерживающих исследований»,<sup>348</sup> которые еще можно назвать принципиально субъективными. «Поддерживающие исследования» уже не столько ориентированы на эффект от движения и действий, но также позволяют наблюдать богатое поле ошибок и тем самым делают его предметом исследования. Поиск ошибок вместо поиска социальных фактов, характерного для классической социологии, делает «поддерживающие исследования» способом работы в сложной и неустойчивой среде, склонной к беспорядку и хаосу в социальных отношениях и взаимодействиях. При этом культура оказывается лишь промежуточным

---

<sup>347</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006 [2002]. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>348</sup> Law J., Lin W. Care-ful research: Sensibilities from science and technology studies (STS) // The SAGE handbook of qualitative research design. – London: Sage, 2022. – Vol. 2. – P. 127–141.

звеном пост-STIS: еще более сложными оказываются исследования в этическом пространстве права<sup>349</sup> или в эстетическом пространстве полевых исследований.<sup>350</sup> В результате социоматериальный эксперимент как метод определения границ культуры показывает, чем ограничена дисциплинарная культура социологии ANT и где проходят границы ее познания, которые так редуцированно попытался описать Поппер.

## **Вывод по главе 1**

### ***Обобщение полученных результатов***

В Главе 1 рассмотрены характеристики социоматериального эксперимента и показаны его отличия от естественнонаучного:

1. «Черный ящик» в СМЭ является объектом-актором, а не контейнером, как в естественных науках, который содержит другие объекты и процессы.
2. «Черный ящик» обладает двойной подвижностью – подвижными являются его границы, но также он сам двигается – это позволяет по следам реконструировать (сфабриковать) его формальное описание, в естественных науках «черный ящик» неподвижен.
3. Подвижность границ «черного ящика» в социологии определяется его смешанным объектно-субъектным характером: границы могут быть эстетическими (материальными, наблюдаемыми объективно) и этическими (социальными, воспринимаемыми субъективно).
4. В естественных науках границами эксперимента и его «черного ящика» являются противоречия и ошибки (принцип фальсифицируемости). В социологии реальность можно только реконструировать (сфабриковать) как гипотетически скрытый

---

<sup>349</sup> Laet M. de. Patents, travel, space: ethnographic encounters with objects in transit // Environment and planning D: Society and Space. – 2000. – Т. 18. – № 2. – С. 149–168.

<sup>350</sup> Marres N., Stark D. Put to the test: For a new sociology of testing // The British Journal of Sociology. – 2020. – Т. 71. – № 3. – С. 423–443.

объект, который становится явным из сопоставления контрастных типов искажения, и цель СМЭ – показать характер и пределы искажений в описаниях.

5. Предельные формы СМЭ, когда он становится невозможен, – это ситуация полностью «закрытого» «черного ящика», когда он становится непроницаемым и замкнут в своей субъектности, и ситуация полной этической/субъектной индифферентности, при которой становятся неразличимыми социальные отношения и различия.
6. Две предельные формы СМЭ, которые делают эксперимент невозможным, опираются на две версии материальной семиотики: раннюю сетевую (эпистемологическую) и позднюю перформативную (онтологическую). При этом можно говорить о неустойчивом ядре экспериментального метода, которое может сочетать черты сетевой и перформативной семиотики для разных частей эксперимента.
7. Таким образом, описание СМЭ позволяет определить пучок методов материальной семиотики и на основе этого определения выстроить логику практического применения материальной семиотики как экспериментального метода.

### ***Теоретическая значимость полученных результатов***

Реконструкция метода действия СМЭ позволяет показать, как в социологии второй половины XX века – начале XXI века возникает экспериментальная линия работы с теоретическими концептами в рамках ANT. Представленный анализ лишь показывает основные моменты этой работы, но не охватывает всего ее объема, как и не пытается показать всю генеалогию представленных концептов. Тем не менее наличие такой объединяющей методической рамки дает возможность говорить о наличии «большого проекта», хоть и в неявном (слабом) виде в современной социологии.

Слабый характер представленной версии социологии не показывает ее недостатки, а, наоборот, представляется ее преимуществом, поскольку именно неявный характер эксперимента делает его возможным. Поскольку СМЭ носит эмпирический характер и исследует искажения описаний и оптики, он имеет максимально формализованный вид, который ориентирован преимущественно на упорядочивание имеющегося эмпирического материала для его сопоставления и выявления искажений.

Тем не менее в первой главе был представлен именно экспериментальный анализ лабораторной, теоретической работы исследователей ANT, опирающийся на генеалогию метафоры «черного ящика», ее теоретического развития и контекстов. Таким образом, показано, что, несмотря на эмпирический характер СМЭ, он также может применяться для описания лабораторного эксперимента с теорией.

### ***Практическая применимость результатов***

В практическом плане кейсы, рассмотренные в первой главе, показывают, как СМЭ позволяет расширить границы социальной теории до описания представлений и репрезентаций, представленных в литературной, графической или правовой форме. Такая работа с репрезентациями в социальных науках позволяет выявлять наличие субъективных элементов в формально-объективных областях знания и объективной структуры в произведениях искусства и медиа. В свою очередь, учет субъектно-объектного характера объектов позволяет их рассматривать как экспериментальные и тем самым более точно описывать пределы и возможности их изменчивости.

Кроме того, глава показывает границы применения метода материальной семиотики и принципы, объединяющие два подхода – сетевой и перформативный – как две крайние версии одного метода. Таким образом, расширяются и проясняются возможности его применения к более разнообразному спектру эмпирических кейсов.

### **Связь с общей концепцией работы**

Представленный анализ СМЭ далее будет развернут в рамках разбора трех эмпирических кейсов постсоциалистической культуры в России 1990–2020-х годов. Формализация описания СМЭ и материальной семиотики как его основного метода позволяет далее на примере постсоциалистической культуры более детально эксплицировать версии применения материальной семиотики в зависимости от конкретных кейсов.

## **ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА**

### **Глава 2. Введение**

#### *Теоретическое обоснование проблемы*

Во второй главе рассматривается предельный вариант социоматериального эксперимента в глобальной перспективе: при переносе инструментов из неолиберальной культуры в постсоциалистическую. Различение неолиберальной и постсоциалистической культуры в данном случае опирается на определение неолиберализма, которое предложил Фуко в цикле лекций «Рождение биополитики», приводя в пример европейскую (немецкую) и американскую версии неолиберализма. Согласно Фуко, особенностью неолиберализма было сочетание экономики как основы внешней легитимности и социальных идей как основы внутреннего регулирования.<sup>351</sup>

В отличие от неолиберализма, понятие постсоциализма взято в данном случае эмпирически, однако с учетом ведущихся дебатов о том, как оно может работать как концепт, а не только как понятие из поля или формальное определение для стран Варшавского договора с СССР.<sup>352</sup> Можно

---

<sup>351</sup> Фуко М. Рождение биополитики. – Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр „Наука”», Обособленное подразделение «Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма „Наука”», 2010.

<sup>352</sup> Здесь стоит отметить особо номер 2 за 2022 год журнала „Critique of Anthropology”, где обсуждению эмпирического и концептуального содержания постсоциализма был посвящен весь выпуск: Gallinat A. The anthropology of post-socialism: Theoretical legacies and conceptual futures – An introduction // Critique of Anthropology. – 2022. – Т. 42. – № 2. – С. 103–113.

предположить, что различие этих двух культур, если опираться на определение неолиберализма Фуко и его же определения для постсоциализма, а также работы, которые обсуждают проблемы правительственности в позднесоветском управлении, состоит в том, что является основой легитимности. Если для неолиберализма, согласно Фуко, это, прежде всего, экономическая эффективность государства, то в отношении постсоциализма можно предложить гипотезу, что такой основой являются социальные программы и регулирование.<sup>353</sup>

Рассматривая различия двух культур, но делая акцент на определении культуры постсоциализма, в рамках данной главы вопрос ставится об ограничениях рациональности данной культуры. При этом, следуя логике СМЭ, можно предположить, что эти ограничения могут иметь двойной характер: быть внешними и эстетическими или быть внутренними и этическими.

#### *Актуальность проблематики главы*

Поскольку постсоциализм обладает неопределенным статусом с точки зрения концептуализации, то его рассмотрение как практической, материальной формы культуры представляется хорошим способом разграничить представление о постсоциализме как идее, постсоциализме как наборе культурных практик и постсоциализме как повседневном понятии, которое не несет никакой концептуальной нагрузки.

Чтобы решить проблему разграничения трех возможных определений понятия постсоциализма, социоматериальный эксперимент был описан для трех кейсов: для техники правового зонирования (перенос материальной техники при изменении социальных условий), гибкого инструмента элементарной классики (перенос социальной техники и ее адаптация под

---

<sup>353</sup> Аузан А. А. и др. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах // Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор» 2002–2009. – 2010. – № 3. – С. 70.

практические условия), на пересечении действия которых возникает постсоциалистический канон городских исследований (переход между двумя типами СМЭ).

Таким образом, решаются две задачи. Первые два кейса позволяют отличить политические и теоретические идеи о постсоциализме от постсоциализма как практики. Третий кейс показывает, как возникает различие между представлением о практической культуре постсоциализма, которая регулируется канонами, и повседневным использованием понятия, которое может использоваться волюнтаристски, не вписываясь в канон. Ограничения канона являются в этом случае эстетическими или этическими ограничениями рациональности данной культуры.

### ***Обзор ключевых исследований***

Проблема культуры постсоциализма и возможность разграничения представления о культуре как об идеальном конструкте и как материальной практике возникает на стыке двух подходов. С одной стороны, это спор между сильной программой культурсоциологии и культурными исследованиями, который разворачивается в текстах Александера и Лэша на протяжении 1990-х годов.<sup>354</sup> В центре спора – вопрос о том, может ли культура быть описана не в форме явных символических объектов, а опираясь на эстетическую организацию отношений. Лэш находит способ говорить об этом, опираясь на идею без-различия Левинаса и показывая, что культурные описания могут быть частичными, неполными и фрагментарными.<sup>355</sup> Эта неполнота и может восприниматься как основная характеристика материальной культуры.

Другой подход к пересечению идеальных и материальных понятий предлагает ANT/STS. Латур говорит о метафизическом эмпиризме, примером которого он считает чертежи: материальные объекты, которые репрезентуют

---

<sup>354</sup> Alexander J. C. 'Critical reflections on reflexive modernization' // Theory, culture & society. – 1996. – Т. 13. – № 4. – С. 133–138; Lash S. Another modernity: A different rationality. – 1999.

<sup>355</sup> Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // Journal for Cultural Research. – 1998. – Т. 2. – № 2-3. – С. 305–319.

идеальные отношения.<sup>356</sup> Другой вариант предлагает Маррес, когда говорит про публичные практики (public matters) – в ее интерпретации это не риторические конструкции, а те объекты и пространства, вокруг которых формируются общественные обсуждения, для изменения которых предлагаются идеи и концепты.<sup>357</sup>

Тем не менее ни один из этих подходов не говорит о переходах между материальными и социальными (идеальными) элементами объектов как о способе экспериментирования с ними.

### ***Методика анализа и основные задачи главы***

Методика анализа отдельных кейсов выстроена вокруг методов материальной семиотики и принципов членения объектов, которые она предполагает.<sup>358</sup> Однако, в отличие от подхода, развиваемого Ло, в заключение главы предложен вариант «быстрого» применения метода социоматериального эксперимента к кейсу городских исследований в Казахстане.

Переход от детального описания нескольких экспериментов к «быстрому» описанию представляется легитимным, поскольку позволяет вычленить неизменное ядро метода, которое в детальных описаниях расширяется за счет описания различных аспектов эксперимента, даже если они периферийны по отношению к его основному действию.

В то же время обозначение такой возможности применения СМЭ показывает возможность его адаптации для прикладных и коммерческих исследований, как особого подхода к тестированию сценариев использования

---

<sup>356</sup> Latour B., Harman G., Erdélyi P. The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE: The Latour and Harman at the LSE. – John Hunt Publishing, 2011.

<sup>357</sup> Marres N. Material participation: Technology, the environment and everyday publics. – Springer, 2016.

<sup>358</sup> Law J. Actor network theory and material semiotics // The new Blackwell companion to social theory. – 2008. – С. 141–158.

отдельных технических элементов или применению имеющихся правил и выявления спектра возможных вариантов и условий их реализации.<sup>359</sup>

## **Глава 2. Раздел 1. Реформы**

### **Раздел 1.1. Эксперимент: линия реформ**

Первый кейс описывает ситуацию двойной мобильности: он касается ситуации градостроительной реформы, которая произошла в России в 1998–2004 годах, и была связана с внедрением нового инструмента планирования – Правил землепользования и застройки (ПЗЗ). Инструмент ПЗЗ, или правового зонирования, перемещается в физическом пространстве, то есть из правового режима США и Европы в постсоциалистический режим России.<sup>360</sup> Одновременно ПЗЗ проходят цикл изменений в правовом пространстве. Начиная с 1992–1996 годов, с внедрения первых документов ПЗЗ, до конца 2023 года, когда ПЗЗ оказываются фактически упразднены, правовое зонирование проходит полный цикл реформ в России.<sup>361</sup> Двойной процесс изменений – пространственных и социальных, который проходит инструмент правового зонирования в России, – позволяет предположить, что он выполняет не только явную работу по упорядочиванию социальных отношений, но также связан со значительными изменениями. Таким образом, изменчивость

---

<sup>359</sup> В дальнейшем развитии этот подход предполагает описание СМЭ для целей коммерческих исследований через связку с концептами «быстрых исследований» и «аффордансов», однако в самом общем виде этот подход был описан в классической статье Ло: Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // *The Sociological Review*. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 234–263; также см.: Ритвельд Э. Богатый ландшафт аффордансов // *Социология власти*. – 2024. – Т. 36. – № 2. – С. 170–206.

<sup>360</sup> Высоковский А. А. Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане / А. А. Высоковский. – Бишкек : Ега-Басма, 2005.

<sup>361</sup> Barnes A. S. Property and politics: Privatization, land reform, and institutional development in Russia, 1900–1996 : PhD Thesis. – Princeton : Princeton University, 1998; Медушевский А. Н. Власть и собственность в современной России: принятие Земельного кодекса Российской Федерации / А. Н. Медушевский. – Текст : непосредственный // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 1. – С. 1–13; Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века / А. Н. Медушевский. – М. : Наука, 2005; Медушевский А. Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация / А. Н. Медушевский. – Текст : непосредственный // Мир России. Социология. Этнология. – 2007. – Т. 16, № 1. – С. 59–98.

действия ПЗЗ делает видимыми различия и ограничения рациональности и этических предпосылок различных культур – неолиберальной и постсоциалистической, а также характерные черты последней.<sup>362</sup>

Российская градостроительная реформа была растянута на протяжении 30 лет и была связана с изменениями в государственной, земельной и экономической политике. Она началась в 1992 году с закона № 3295-1 «Об основах градостроительства в Российской Федерации»<sup>363</sup> и была направлена на переход градостроительства от техники репрезентации к технике координации и администрирования процессов управления.<sup>364</sup> Переход к технической координации городского развития задействовал экспертизу из области права, экономики и администрирования, но для всех этих областей градостроительство оставалось периферийным, «пограничным» объектом.<sup>365</sup> Эта периферийность сохранялась, даже несмотря на то, что принятие второго действующего Градостроительного кодекса 2004 года стало важным элементом формирования современной российской банковской системы и развития банковского сектора через систему ипотечных кредитов.<sup>366</sup> Таким образом, можно предположить, что градостроительная реформа также являлась инструментом двойного регулирования: явное регулирование было связано с городским развитием, а неявное – предполагало изменение или формирование новых рынков регулирования, косвенно связанных с городским управлением.

---

<sup>362</sup> В журнале „*Critique of anthropology*” традиционно тема постсоциализма, является ли он теоретическим конструктом или эмпирической описательной характеристикой. См., например: Gallinat A. The anthropology of post-socialism: Theoretical legacies and conceptual futures – An introduction // *Critique of Anthropology*. – 2022. – Vol. 42, № 2. – P. 103–113.

<sup>363</sup> Об основах градостроительства в Российской Федерации : Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3295-1 : [утратил силу] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_732/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_732/) (дата обращения: 07.03.2024).

<sup>364</sup> Паперный В. Культура два. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.

<sup>365</sup> Bijker W. E., Bal R., Hendriks R. The paradox of scientific authority: The role of scientific advice in democracies. – MIT press, 2009.

<sup>366</sup> Инициаторами градостроительной реформы и разработчиками Градостроительного кодекса 2004 года были авторы жилищной реформы – команда Института экономики города (ИЭГ). Эта же организация также разрабатывала и предлагала принципы развития ипотечного рынка в России.

В рамках градостроительной реформы можно выделить два этапа, которые связаны с принципиальным изменением общего вектора российских реформ и их закреплении в формализованном, юридически кодифицированном виде. Первый этап – в 1990-е годы – был частью либеральной линии реформ, нацеленных на преобразование экономических отношений, создание свободного рынка, в том числе рынка земли, которого не существовало до 1992 года. В этот период был принят первый Градостроительный кодекс 1998 года и было введено понятие правового зонирования.<sup>367</sup> Второй этап реформы был связан с изменениями в администрировании государственного управления и муниципальной реформами, которые были запущены в начале 2000-х годов.<sup>368</sup>

В обоих случаях ключевым изменением в практике градостроительства стало введение «правового зонирования» по образцу американского «зонинга». При этом, если в ГрК 1998 года правовое зонирование оставалось декларативным в виде упоминания «градостроительных регламентов» территорий, в ГрК 2004 года оно обрело правовую и документальную форму в виде правил землепользования и застройки (ПЗЗ), центральными элементами которых были регламенты и карта, представляющая их распределение по территории.<sup>369</sup>

ГрК 2004 года формально не был радикально новым документом: единственным изменением было только введение ПЗЗ, которые становились промежуточным звеном городского планирования между Генеральным планом (стратегический уровень) и Проектом планировки территории

---

<sup>367</sup> Градостроительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07.05.1998 № 73-ФЗ : [утратил силу 29.12.2004] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_18685/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18685/) (дата обращения: 07.03.2024).

<sup>368</sup> Лебедева Е. Б., Бусыгина И. М. Административно-территориальное деление в РФ: реформы и фактор политического режима // ПОЛИС. Политические исследования. – 2012. – № 3. – С. 45–62.

<sup>369</sup> Анисимов А. П. Научно-практический комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации / А. П. Анисимов, А. Ю. Чикильдина. – М. : Деловой двор, 2009.

(тактический уровень).<sup>370</sup> В этой структуре отношений проявилось разногласие двух принципиально несводимых сетей отношений – сформировавшейся в позднесоветское время градостроительной школы и инициаторов реформы, которые ориентировались на европейские и американские практики планирования. И хотя новый ГрК изменил существующую систему отношений в области градостроительства, ввел в него элементы городского планирования, одно формальное воплощение его положений заняло значительное время. Так, например, только к 2016 году во всех городах-региональных центрах были приняты ПЗЗ, хотя изначально все города должны были принять этот документ к 2008 году.<sup>371</sup> Таким образом, ПЗЗ были введены не как основной и базовый документ, а оставлены в координирующей и периферийной позиции между стратегическим и тактическим уровнем.

Основной характеристикой ПЗЗ как элемента реформирования сложившейся системы муниципального и городского управления были не только их экономические эффекты, но и ориентация на публичные обсуждения. ГрК 2004 года ввел институт публичных слушаний как элемент городского развития, в то время как ПЗЗ стали первым документом городского уровня, который должен был публиковаться в полном объеме. Таким образом, введение ПЗЗ должно было обозначать поворот к публичной городской политике и коммуникативный поворот в городском планировании.<sup>372</sup> Однако в этом случае трансформировалась публичная сфера из узлового элемента городского управления в элемент согласования и информирования горожан о принимаемых решениях. В результате ПЗЗ снова оказались периферийным и

---

<sup>370</sup> Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Российской Федерации от 10 июня 2004 года // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. – URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2004-06-10> (дата обращения: 07.03.2024).

<sup>371</sup> По данным официальной статистики, собранной автором.

<sup>372</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

техническим элементом управления, не имеющим значительного влияния в сети социальных и городских отношений.<sup>373</sup>

Технический и периферийный характер градостроительной реформы в целом и ПЗЗ как его ключевого элемента позволяет рассматривать их как своеобразный «черный ящик», про который не ясно, что именно и каким образом он регулирует и регулирует ли. В то же время, в отличие от больших проектов реформ, границы сети отношений и влияния которых определить крайне затруднительно, ПЗЗ представляют четко описанный материальный инструмент, имеющий определенную неизменную структуру на протяжении всего периода. Эта структура определена тремя элементами – картами, регламентами и процедурами (разработки, согласования и изменения) – которые могут быть воплощены в виде технических материальных объектов: иллюстраций с параметрами и этапами согласований.<sup>374</sup> В то же время за каждым из этих элементов стоит набор конкретных практических процедур по выделению границ земельных участков, техническим параметрам его использования и застройки, способам обоснования и опровержения отклонений от утвержденных параметров.

Таким образом, ПЗЗ как «черный ящик» дает доступ к процессу практического социоматериального эксперимента, связанного с изменением процедур регулирования в постсоциалистической российской практике. Описание градостроительной реформы как социоматериального эксперимента предполагает набор допущений: ПЗЗ одновременно как объект эксперимента и «черный ящик» представляет собой формально описанный инструмент, чей

---

<sup>373</sup> Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 189–204.

<sup>374</sup> Эта структура была определена изначально при создании инструмента на основании консультаций с американскими экспертами: Hart P. (1998). Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion. *Novgorod Regional Investment Initiative* (ed. M. Miller) Available at: <https://www.urban.org/sites/default/files/publication/70786/411083-Novgorod-Regional-Investment-Initiative.PDF> (Accessed at 08.03.2023).

способ работы оказывается явным только в результате анализа серии кейсов, то есть превращения эмпирических ситуаций в мысленный эксперимент. В то же время этот эксперимент не ограничен постсоциалистическим пространством, так как он становится возможен только за счет пространственной и культурной миграции описываемой техники регулирования. Таким образом, условием возможности эксперимента становится существование «черного ящика» как пограничного объекта между различными культурами: это позволяет выделить его минимальную – техническую – материальную форму.

## **Раздел 1.2. Материальная техника и формы социального**

ПЗЗ действуют как юридическая техника, то есть материальная форма представления данных об ограничениях и разрешенном использовании городских территорий. В работах авторов российской концепции «правового зонирования» ПЗЗ как инструмент реализации их концепции представлены как трехчастная структура, состоящая из карт, регламентов и процедур.<sup>375</sup> Эта формула описания ПЗЗ представляет собой обобщенную версию зонинга, принятого в США, а ее использование как основы для развития правового зонирования в России предполагает технический характер введения инструмента правового регулирования в российской практике. В результате появляется разделение: на технически формализованный способ описания городских территорий и отношений, принятый в американской практике, будут накладываться социальные практики и способы изменений, характерные для российской правовой и экономической культуры.<sup>376</sup>

---

<sup>375</sup> Hart P. (1998). Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion. *Novgorod Regional Investment Initiative* (ed. M. Miller) Available at: <https://www.urban.org/sites/default/files/publication/70786/411083-Novgorod-Regional-Investment-Initiative.PDF> (Accessed at 08.03.2023); Высоковский А. А. Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане / А. А. Высоковский. – Бишкек : Ега-Басма, 2005.

<sup>376</sup> Высоковский А. А. Управление пространственным развитием // Отечественные записки. – 2012. – Т. 48, № 3. – С. 36–47.

Упрощенное описание материальной техники ПЗЗ позволяет более полно описать социальные отношения, которые регулирует инструмент правового зонирования, – отношения собственности. Для авторов российской градостроительной реформы ПЗЗ были элементом перехода от советской («плановой») к рыночной экономике, декларируемой основой которой была частная собственность и гарантии ее неприкосновенности. В этой же реформаторской логике изменения в структуре собственности 1990-х годов традиционно описываются в российских социоэкономических исследованиях термином «приватизация».<sup>377</sup> Однако исследователи глобальной (пост)социалистической экономики, включающей не только страны экс-СССР или страны СНГ, но и Китай, описывают период экономических и правовых изменений, которые происходят в СССР и России с середины 1980-х годов, как перераспределение прав собственности между различными акторами – частными, государственными, муниципальными, легальными и теневыми.<sup>378</sup>

Из перспективы глобального постсоциализма российская приватизация является результатом перераспределения прав собственности, где отношения собственности описываются как «пучок прав» на недвижимость. В обобщенном варианте пучок прав собственности разделяется на три типа прав – права владеть, распоряжаться и использовать тот или иной объект. В социалистической экономике – в советском или китайском варианте – основным было право распоряжаться, а два других остаются в тени.<sup>379</sup> В

---

<sup>377</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

<sup>378</sup> Barnes A. S. Property and politics: Privatization, land reform, and institutional development in Russia, 1900–1996 : PhD Thesis. – Princeton : Princeton University, 1998; Walder A. G., Luo T., Wang D. The Property Revolution: Enterprise Restructuring and Social Change in Transitional Economies // Working paper. – 2011; Walder A. G. Transitions from state socialism: A property rights perspective // The sociology of economic life. – Routledge, 2018. – С. 503–525.

<sup>379</sup> Schlager E. Property-rights regimes and natural resources: a conceptual analysis / E. Schlager E. Ostrom // Land economics. – 1992. – Vol. 68, № 3. – P. 249–262; Sikor T. Property Rights Regimes and Natural Resources: A Conceptual Analysis Revisited // World Development. – 2017. – Vol. 93, № С. – P. 337–349; Walder A. G., Luo T., Wang D. The Property Revolution: Enterprise Restructuring and Social Change in Transitional Economies // Working paper. – 2011.

(пост)социализме оно расщепляется на конкуренцию права владеть (которое описывается как «частная собственность») и права использовать (которое часто обозначается как «право на город»)<sup>380</sup>.

Поскольку ПЗЗ с точки зрения права выступают как технический и упрощенный инструмент, именно в их работе становятся особенно явными структурные изменения и переходы между различными типами прав собственности.<sup>381</sup> В то же время социальные отношения, сформированные перераспределением прав собственности, остаются отличными от логики распределения и консолидации прав в американском или европейском неолиберализме. Таким образом, подчеркивая изменчивость и гибкость правовых отношений, ПЗЗ за счет технического характера изменений делают видимыми этические границы и ограничения рациональности каждой культуры. В результате ПЗЗ выступают как материальный инструмент, подвергшийся перемещению между различными социальными сетями, который регулирует социальные отношения по поводу материальных объектов.

Чтобы показать действие ПЗЗ как инструмента перераспределения социальных отношений собственности по поводу материальных объектов – городской земли и зданий – далее работа его трех основных материальных элементов будет описана из перспективы материальной семиотики, то есть метода, который исследует взаимодействия и отношения материальных и социальных сетей.<sup>382</sup> Зоной пересечения этих сетей оказывается технический объект, который может работать как материальная или социальная техника и позволяет сделать видимыми сложные и противоречивые социальные или

---

<sup>380</sup> Вальверде М. Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 116–139.

<sup>381</sup> Антонова Н. Л. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства / Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, В. В. Полякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – Т. 3. – № 157. – С. 443–462.

<sup>382</sup> Law J. Actor-network theory and material semiotics // The new Blackwell companion to social theory / ed. by B. Turner. – Oxford: Blackwell, 2009. – P. 141–158.

материальные отношения. Материальность и социальность в случае материальной семиотики всегда выступают как дополняющие друг друга качества, которые практически реализуются в различных формах организации пространств и их взаимодействий.

Ло описывает два подхода к анализу в рамках материальной семиотики: сетевую и перформативную.<sup>383</sup> В сетевой материальной семиотике объект описывается максимально упрощенно, что позволяет более полно представить практики его использования и распределение знания, которое он координирует. В случае семиотики действия (перформативной) упрощенным оказывается метод описания материальных объектов, что позволяет проводить онтологические различия между способами репрезентации объектов и вариациями их материальной организации. В обоих случаях ключевой оказывается организация описания, ее структура и степень гибкости.

ПЗЗ как объект, который совмещает материальные элементы и их социальную организацию, может действовать и в логике сетевой, и в логике перформативной материальной семиотики. Благодаря совмещению двух подходов для каждого из трех основных элементов ПЗЗ, происходит двойная редукция объекта к его материальной и социальной технической организации. Сопоставление этих двух редуцированных форм организации объекта и их способов изменяться делает видимыми изменения этической границы объекта, то есть границы его изменчивости, при которых объект не теряет свой способ действия. В то же время при сопоставлении нормативного способа действия, которое предполагалось авторами градостроительной реформы, и способа действия объекта в российской градостроительной практике становятся видны разрывы в этических границах двух культур, которые создаются различными способами действия объекта. Таким образом, становится виден еще один формат материальной семиотики – текучий, который описывает не сети или

---

<sup>383</sup> Там же.

способы действия, а пределы взаимодействия и понимания в рамках одной культуры, за которыми оно становится невозможным.<sup>384</sup>

Анализ работы инструмента ПЗЗ основан на нескольких блоках материалов, которые были собраны мной с 2014 по 2024 год. Во-первых, это коллекция документов ПЗЗ, принятых в региональных центрах России с 1996 по 2020 год. Для этих документов выделены их даты, основные характеристики их структуры, количество документов о внесении изменений. Для более узкой выборки были также проанализированы характерные виды изменений – изменения карты, регламентов или процедур, а также формулировки и изменения в структуре документов. Были выделены основные этапы изменений, общих для всех документов, связанные с изменением федерального законодательства.

Второй блок составляют материалы полевого исследования, которое было проведено в 2020–2021 годах и включало в себя более 40 фокусированных интервью с чиновниками регионального и муниципального уровня, а также с городскими планировщиками, активистами и жителями. Анализ исторического кейса правового зонирования опирается на опубликованные тексты авторов реформы из «Института экономики города», публикации на официальных сайтах, в частности, Государственной Думы периода принятия Градостроительного кодекса 2004 года, исследования земельной реформы на рубеже 1990–2000-х годов, а также 10 интервью с экспертами в сфере градостроительства, взятыми в период 2020–2022 годов.

Таким образом, материалы для анализа также включают два типа документов: материальные артефакты-документы, для которых разбираются их социальные атрибуты и качества, а также отношения между ними, и социальные артефакты в виде интервью и исторических источников, которые отражают структуру взаимодействия по поводу ПЗЗ и градостроительной

---

<sup>384</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006 [2002]. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

реформы в целом. Благодаря тому, что рассматриваемые материалы покрывают период в 30 лет – с 1992 по 2022 год, – это позволяет делать выводы не только о конкретном периоде реформ, но и рассматривать градостроительную реформу в более широком контексте как способ материальным образом изменять практики управления на разных уровнях власти.

Далее будет разобрана работа каждого из трех элементов ПЗЗ – карт, процедур и регламентов – сначала как материальной техники, затем как техники действия (перформативной), дан способ их сочетания. В конце будет показано, как три элемента соединяются за счет социальных практик в случае внесения изменений в ПЗЗ. В результате будет показано, как изменения в действии техники ПЗЗ и ее применении делают видимыми структуру действия градостроительных реформ и различия в правовой культуре различных стран, которую они проявляют.

### **Раздел 1.3. Карты**

Определение значимости карт в документах ПЗЗ существенно варьируется в различных версиях их описания – от ключевого элемента до важного, но технического инструмента, который выступает как фиксация других положений и договоренностей. Так, в «Меморандуме» или «Концепции землепользования Великого Новгорода» (1998), документе, в котором впервые был применен принцип правового зонирования в России, карты указаны как «неотъемлемая часть документа», но по степени важности занимают последнее, третье место среди трех элементов ПЗЗ.<sup>385</sup> Согласно п. 2 ст. 30 ГрК РФ 2004 года, в ПЗЗ входит лишь одна карта – карта градостроительного зонирования, – и она выделяется вторым пунктом после описания процедур принятия и внесения изменения в ПЗЗ. В то же время с

---

<sup>385</sup> Hart P. (1998). Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion. *Novgorod Regional Investment Initiative* (ed. M. Miller) Available at: <https://www.urban.org/sites/default/files/publication/70786/411083-Novgorod-Regional-Investment-Initiative.PDF> (Accessed at 08.03.2023).

точки зрения публичности документа именно карта с обозначенными на ней границами зон действия градостроительных регламентов выступает основной формой репрезентации норм для заинтересованных акторов: найдя свой участок на карте, они смотрят возможные параметры изменений и ограничения.<sup>386</sup>

Неопределенный статус карты в структуре ПЗЗ отражает юридический характер документа ПЗЗ как подзаконного акта, который является техническим регламентом, а не документом прямого действия. На примере карт юридическая «слабость» норм ПЗЗ проявляется в том, что карта является формальной сборкой информации из различных источников. Границы зон определяются земельным кадастром, а также другими документами, которые обосновывают наличие ограничений по использованию территорий, связанных с археологическим культурным слоем, историческими памятниками, технических и природных ограничений или санитарно-защитных зон от опасных и производственных объектов. Регламенты использования участков приписываются им в виде индексов, а не являются прямым результатом наложения и сведения в одном документе различных ограничений. Таким образом, технически являясь регламентом, карта оказывается лишь визуализацией различных норм, что подтверждает ее технический характер, но оставляет открытым вопрос, насколько эта техника является юридической и нормативной.<sup>387</sup>

С точки зрения авторов градостроительной реформы, технический характер карты был обоснован ее ролью как инструмента фиксации договоренностей и баланса публичных, общественных и частных интересов,

---

<sup>386</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

<sup>387</sup> Артамонов С. Г. Зоны охраны объектов культурного наследия в современном законодательстве (часть 1) / С. Г. Артамонов. – Текст : непосредственный // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2014. – № 2. – С. 33–38; Башарин А. В. Проблемы отображения санитарно-защитных зон в градостроительной документации. Комментарий к Апелляционному определению Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2018 № 64-АПГ18-7 / А. В. Башарин. – Текст : непосредственный // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – Т. 12. – № 219. – С. 97–110.

которые выясняются в процессе подготовки документа. Тогда карта имеет две основные функции, которые предполагали авторы ГрК 2004 года: она является публичным документом, в отличие от Генерального плана, в который входят закрытые разделы, и дает гарантии неизменности условий развития территорий на срок действия документа.<sup>388</sup> Согласно этой концепции, технический характер карты позволяет фиксировать риски развития отдельных участков и создает основу для координации интересов различных социальных групп.

Однако стремление к фиксации сложившихся отношений затрагивает в основном границы зон ПЗЗ и их юридический статус. Так, в случае первых документов ПЗЗ, разработанных после принятия ГрК РФ 2004 года, границы градостроительных зон не должны были быть приведены в соответствие с земельным кадастром («закоординированы», т.е. фиксированы в реальных геодезических координатах). Однако начиная с 2016 года, в связи с упорядочиванием данных о недвижимости, возникает требование приведения зон ПЗЗ в соответствие с кадастровыми границами участков, что делает их более фиксированными и в то же время подчиняет ПЗЗ в части границ зон существующему кадастровому делению участков.<sup>389</sup> Карта как набор границ земельных участков становится техническим переносом кадастровых данных в ПЗЗ.

Фиксация границ зон ПЗЗ в соответствии с данными кадастра явным образом поддерживает описание карт ПЗЗ как техническую визуализацию различных норм и ограничений. С точки зрения юридической практики нормы ПЗЗ также являются техническими, пока в них не начинают вноситься изменения, то есть техническое право начинает действовать, когда меняются

---

<sup>388</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

<sup>389</sup> Подковырова М. А., Прошина В. В. Технология разработки цифровой дежурной кадастровой карты города // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 646–662.

правовые отношения между его субъектами-акторами.<sup>390</sup> Однако именно карты неявным образом показывают, как будет меняться та или иная городская территория. Это связано с тем, что зонирование, которое предлагают ПЗЗ, лишь в отдельных случаях явным образом фиксируют существующее положение (как, например, было с введением зоны «Ф» в ПЗЗ действующих ПЗЗ Москвы).<sup>391</sup> В остальных случаях либо существующее положение фиксируется неявным образом, то есть устанавливаются регламенты и параметры, соответствующие текущей ситуации, либо оно меняется через приписывание участку новых регламентов или параметров использования. Различия между существующим использованием и новым регламентом ограничивают возможности собственника: все новые изменения он должен производить в соответствии с новым регламентом.

В то же время кроме неявных изменений, которые отражают карты зонирования ПЗЗ, с ними также связан подрыв концепции ПЗЗ как формы материального и визуального закрепления непубличных договоренностей и разграничения интересов различных городских акторов. Особенностью правоприменения ПЗЗ как формы городского регулирования в России стало внесение в них значительного количества изменений (до нескольких сотен документов в год; см. таблицу со статистикой по изменениям ПЗЗ по городам-региональным центрам в Приложении 1). При этом основная часть изменений связана именно с картами: изменениями земельных участков, техническими уточнениями границ, изменениями индексов зон участков. Таким образом, возникает первая версия явной изменчивости карты и ее юридическим действием, связанная с несогласованностью или изменением интересов городских акторов.

---

<sup>390</sup> Высоковский А. А. Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане. – Бишкек : Ега-Басма, 2005.

<sup>391</sup> Об утверждении правил землепользования и застройки города Москвы : Постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. № 120-ПП // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.03.2024).

Вторая версия изменений относится уже к попыткам изменить структуру ПЗЗ прямым или косвенным образом. Это связано с изменениями в федеральном законодательстве и введением национальных программ и проектов, связанных с городским развитием, строительством жилья или созданием комфортной городской среды.<sup>392</sup> В этом случае происходит отказ от определения зон градостроительного зонирования как однотипных и универсальных единиц карты: между зонами возникают различия в зависимости от целей ее использования. Так, например, согласно ч. 2.1 ст. 38 ГрК 2004, градостроительный регламент исторических поселений должен включать требования к внешнему облику объектов, для чего может быть использована методика формирования объемно-пространственного регламента (ОПР) по Стандарту благоустройства ДОМ.рф.<sup>393</sup> В результате возникает три типа зон: укрупненные участки (часто на окраинах) для комплексного развития, конкретные зоны, где применяются более строгие нормы ОПР, и зоны ПЗЗ, которые не затронули нововведения. В результате вместо равномерного регулирования городской земли по единым правилам появляется запланированная неравномерность развития, закрепленная в пространстве.

Стратегии закрепления границ, а также явных и неявных изменений, которые регулируют ПЗЗ, показывает, как по-разному меняются материальные (эстетические) и правовые (этические) элементы ПЗЗ как

---

<sup>392</sup> О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.03.2024); Индекс качества городской среды // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://индекс-городов.пф/#/> (дата обращения: 15.02.2024); Формирование комфортной городской среды // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://gorodsreda.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).

<sup>393</sup> Киль Ю. Э., Синицына В. А. Согласование архитектурно-градостроительного облика: спорные вопросы и перспективы совершенствования законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 13. – С. 40–70.

«черного ящика». Эстетические изменения карты сводятся к подвижности границ и их закреплению в координатах земельного кадастра. Они становятся технической сеткой для остальных элементов карты и показывают минимальную зону консенсуса и возможной солидарности, которая характерна для ПЗЗ. В то же время есть два типа изменений, которые имеют этический характер, то есть связаны с порядком правовых и социальных отношений. Эти изменения могут быть двух типов: касаться элементов ПЗЗ, тогда они вносятся простой и явной корректировкой документа, или привносятся с федерального или регионального уровня в городской регламент и часто принимаются неявным образом, без прохождения публичной процедуры согласования (ст. 33 ГрК РФ 2004). Техническое изменение границ становится отражением социальных и правовых изменений, которые скрывает неравномерность изменений и ограничения для владельцев земельных участков.

ПЗЗ технически делают видимыми и тем самым поддерживают социальный порядок и солидарность, редуцируя возможные правовые и социальные конфликты до вопросов рутинного администрирования бюрократических процессов. Однако, чтобы описать перенос правового зонирования в российскую практику городского планирования как социоматериальный эксперимент, нужно показать, какие этические и эстетические несогласованности в процессе согласования и в структуре параметров скрывает правовая техника карт ПЗЗ.

#### **Раздел 1.4. Процедуры**

Карты работают как технический и публичный элемент ПЗЗ, они отражают процесс либерализации российской экономики, в том числе в части собственности на землю, – процесс экономических реформ, который завершился к началу 2000-х и был связан с экономическими реформами после распада СССР. Второй элемент ПЗЗ – процедуры, связанные с публичным обсуждением и согласованием ПЗЗ и изменений в них, – по замыслу авторов

градостроительной реформы, должен был стать одной из основ для муниципальной реформы начала 2000-х годов.<sup>394</sup> Так, например, введение «публичных слушаний» как основного элемента принятия ПЗЗ в ГрК 2004 года некоторые исследователи описывали как «коммуникативный поворот» в российском городском планировании, по аналогии с демократизацией планирования в США и Европе в 1960–70-е годы.<sup>395</sup>

Возможности участия и обсуждения норм ПЗЗ предполагали развитие опыта демократических процедур на местном уровне. Начавшись в 2000-х с недоверия горожан к возможности влиять на процесс принятия решений, публичные слушания пережили пик интереса, особенно в городах-региональных центрах, в первой половине 2010-х годов. В этот период они начали работать как основной демократический элемент взаимодействия с муниципальными властями, становясь пространством для обсуждения любых городских проблем, в том числе прямо не связанных с городским планированием.<sup>396</sup> В результате городская активность, которая оказалась мобилизованной в рамках публичных слушаний по ПЗЗ, была перераспределена на несколько направлений – выборы депутатов на местном уровне,<sup>397</sup> введение практик соучастия в рамках федеральных программ по созданию комфортной среды,<sup>398</sup> сокращение прямого участия горожан в принятии решений.<sup>399</sup> В результате процедура публичных слушаний в 2010-х годах была заменена общественными обсуждениями, в том числе в формате

---

<sup>394</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

<sup>395</sup> Healey P. Planning through debate: The communicative turn in planning theory // *Town planning review*. – 1992. – Т. 63. – № 2. – С. 143.

<sup>396</sup> Семенов А. В., Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2018. – Т. 21. – № 3. – С. 140–169.

<sup>397</sup> Замятин А. За демократию: местная политика против деполитизации. Ridero, 2020.

<sup>398</sup> Атлас успешных практик соучастия и вовлечения жителей в развитие городской среды // АНО «Центр компетенций по вопросам городской среды» : [сайт]. – URL: [https://100gorodov.ru/attachments/1/f5/dc2632-c1a4-4062-9085-a0dde5e0b9ae/Atlas\\_100\\_print\\_.pdf](https://100gorodov.ru/attachments/1/f5/dc2632-c1a4-4062-9085-a0dde5e0b9ae/Atlas_100_print_.pdf) (дата обращения: 15.02.2022).

<sup>399</sup> Сафарова М. Д. Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения // *Городские исследования и практики*. – 2021. – Т. 6. – № 2. – С. 65–83.

онлайн-голосования и замечаний,<sup>400</sup> а к началу 2020-х начался полный отказ от процедуры обсуждения в рамках ПЗЗ для отдельных городов и его замена процедурами соучастия в рамках продвижения отдельных проектов, в том числе связанных с благоустройством и созданием «комфортной городской среды».<sup>401</sup>

Однако процедурные нормы ПЗЗ не сводились к описанию публичных слушаний или позднее – общественных обсуждений. Кроме публичных в ПЗЗ входит также набор административных процедур от разрешительных до технических: получения разрешения на условно разрешенный вид использования территории и на отклонение от установленных параметров застройки земельного участка, разработки, утверждения, согласования ПЗЗ, процедуры, описывающие процесс организации и оформления результатов публичных слушаний.<sup>402</sup>

Подобный, минимальный, набор процедур, включенных в ПЗЗ, сложился только к концу градостроительной реформы в 2020-х годах, в то время как в документах, разрабатывавшихся в 1990-х – начале 2000-х годов, перечень процедур был значительно шире. Отчасти это объяснялось статусом документа в ПЗЗ в городском управлении и состоянием градостроительной документации этого периода. Начиная с 2004 года и принятия второго ГрК РФ, ПЗЗ стали легальным инструментом регулирования, встроенным в систему градостроительной документации этого периода. В ГрК 1998 года ПЗЗ как отдельный документ не упоминались, однако согласно п. 7 ст. 28 «Назначение и виды градостроительной документации»: «Законами и иными

---

<sup>400</sup> Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. Цифровые технологии управления в действии, или Об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 71–87.

<sup>401</sup> Москалева С. (Со)участие и экспертиза граждан в градостроительных проектах: социальные противоречия и перспективы / Е. В. Тыканова. – Текст : непосредственный // Городские асимметрии: политики, практики и репрезентации : монография / О. Е. Бредникова, Е. П. Евдокимова, Г. В. Еремичева [и др.] ; ответственный редактор Е. В. Тыканова ; ФНИСЦ РАН. – М. ; СПб. : ФНИСЦ РАН, 2024. С. 135–149; Moskaleva S. Civic Urban Expertise in St Petersburg (2012–2019) / S. Moskaleva // Europe-Asia Studies. – 2023. – Vol. 75. – № 9. – P. 1–23.

<sup>402</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

нормативными правовыми актами... могут устанавливаться иные виды градостроительной документации».<sup>403</sup>

В результате первые документы ПЗЗ в Великом Новгороде,<sup>404</sup> Казани, Хабаровске<sup>405</sup> имеют экспериментальный характер, поскольку они направлены на восполнение лаку в существующем законодательстве, в том числе федерального и регионального уровня. Так, например, в Градостроительном уставе Казани, принятом в первой редакции в 1998 году, кроме упомянутых процедурных аспектов обсуждается состав участников градостроительной деятельности, резервирование территорий, установление сервитутов, способы установления прав на недвижимое имущество, установление линий регулирования застройки, выдача разрешения на строительство, ввод объектов недвижимости в эксплуатацию.<sup>406</sup> Введение ПЗЗ в систему градостроительной документации в ГрК 2004 года рутинизирует его экспериментальный характер до набора процедур взаимодействия участников градостроительной деятельности и позволяет вывести общие для разных территорий технические элементы регулирования на федеральный уровень в ГрК, других законах и документах.<sup>407</sup>

После введения ГрК 2004 года вторым значительным процедурным изменением статуса и роли ПЗЗ стало введение начиная с 2014 года процедуры

---

<sup>403</sup> Градостроительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07.05.1998 № 73-ФЗ : [утратил силу 29.12.2004] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_18685/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18685/) (дата обращения: 07.03.2024).

<sup>404</sup> Правовое зонирование города. Введение в проблемы градорегулирования в рыночных условиях / под ред. Э. К. Трутнева. – М. : Фонд «Институт экономики города», 2002. – 106 с.

<sup>405</sup> Трутнев Э.К. Правовое зонирование города Хабаровска. Установление прав использования недвижимости посредством местного нормативного правового акта – «Правил застройки и землепользования». – М.: Фонд «Институт экономики города», 2000. – 158 с.

<sup>406</sup> Эти вопросы чаще рассматриваются в рамках анализа судебных и юридических споров, см.: Казакова С. Ответственность местных органов власти за противодействие при строительстве объектов. Анализ споров // Жилищное право. – 2018. – № 11. – С. 81–94.

<sup>407</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

«перераспределения полномочий» в области градостроительной деятельности между региональными и муниципальными властями (Бабичев, 2014; Намба, 2016).<sup>408</sup> Эти полномочия включали в себя не только утверждение ПЗЗ, но вместе с другими, например, выдачей разрешения на строительство на основе выписки из ПЗЗ, давали полномочия для прямого влияния на рынок недвижимости, строительный и девелоперский бизнес. Таким образом, на уровне процедур, которые начинались как регламентация местного самоуправления, появившегося в 1990-х годах, в рамках административной и муниципальной реформы произошло постепенное сведение муниципального управления к набору технических полномочий по представлению и согласованию решений по градостроительному зонированию ПЗЗ.

Изменения, которые происходили в процедурной части ПЗЗ с 1990-х годов до середины 2010-х, показывают также изменение состава участников градостроительной деятельности, как по сравнению с периодом до принятия ГрК 2004 года, так и во второй половине 2010-х годов. Хотя авторы ГрК 2004 года представляли публичные слушания как основное процедурное нововведение в практику городского управления, эти процедурные изменения были также направлены на мобилизацию новых социальных акторов-горожан и на расширение сетей акторов, вовлеченных в управление городом.<sup>409</sup>

Муниципальные и архитектурные чиновники 1990–2000-х годов, имевшие полную власть (не) согласовывать градостроительные проекты, с введением ГрК 2004 года и принятием ПЗЗ оказались лишены этих полномочий, которые были выведены из экспертно-архитектурного поля в

---

<sup>408</sup> Бабичев И. В. Новый этап муниципального строительства: возможности и риски // Местное право. – 2014. – № 3. – С. 10–18; Намба С. Б. Перераспределение полномочий: соотношение федерального и регионального регулирования / С. Б. Намба // Журнал российского права. – 2016. – Т. 6. – № 234. – С. 32–40.

<sup>409</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

поле техническое и экономическое.<sup>410</sup> В 2010-х годах началась конкуренция за право согласования решений между муниципальными и региональными чиновниками, в процессе которого взаимодействие с жителями было переведено из очного и прямого в онлайн и опосредованное. При этом расширяется взаимодействие, особенно региональных чиновников, с девелоперами, особенно в рамках достижения показателей по объему строительства и ввода жилья.<sup>411</sup>

Таким образом, к концу 2020-х годов процедуры ПЗЗ и ориентация документа на муниципальное управление и публичность перестают регулировать социальные взаимодействия и становятся инструментами технического оформления публичных и непубличных соглашений. Наличие полного набора процедур от разрешительных до технических, от публичных до закрытых позволяет описывать ПЗЗ как экспериментальный объект, чье социальное действие меняется в течение всего периода развития российской градостроительной реформы, тем самым тестируя культурную среду, в которую он входит.<sup>412</sup> Поскольку основой для всех процедур ПЗЗ являются права собственности или связанные с ними отдельные правомочия (владеть, распоряжаться, использовать), то правовое зонирование ПЗЗ и инструменты его согласования экспериментируют и тестируют границы действия прав собственности и степень устойчивости примата частного права в практике российского городского управления.<sup>413</sup> С точки зрения неинституционализма, которого придерживались авторы российской градостроительной реформы, основанием и гарантией прав собственности

---

<sup>410</sup> Киль Ю. Э., Сеницына В. А. Согласование архитектурно-градостроительного облика: спорные вопросы и перспективы совершенствования законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 13. – С. 40–70.

<sup>411</sup> Косарева Н. Б., Полиди Т. Д. Доступность жилья в России и за рубежом // Вопросы экономики. – 2019. – Т. 7. – С. 29–51.

<sup>412</sup> Волкова Н. А. Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22. – № 5. – С. 54–82.

<sup>413</sup> Семёнов А. В., Гилёва А. И. Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма // Экономическая социология. – 2022. – Т. 23. – № 4. – С. 73–95.

является их публичность. Однако процесс длящегося перераспределения прав собственности в СССР и России начиная с 1980-х годов, а также постепенная рутинизация процедур в составе ПЗЗ и вывод их технических форм на федеральный и региональный уровень показывают, что публичность в постсоциалистическом пространстве, наоборот, позволяет оспорить и поставить под вопрос права собственности.<sup>414</sup> Возникает вопрос, если права собственности обозначают этические границы действия ПЗЗ, имеют ли они основание в изменчивых и непубличных договоренностях и социальных связях, как устанавливается граница текучести их этических границ – реформ, их описывающих, и солидарности как основания права в постсоциалистической России.

### **Раздел 1.5. Регламенты**

Из трех элементов правовой техники ПЗЗ – карты, процедуры и регламенты – последние обладают наибольшей устойчивостью на протяжении развития российской градостроительной реформы. Также именно регламенты как наиболее характерная часть ПЗЗ создают основание для развития правового зонирования. В России, согласно ФЗ-58 от 14.03.2022, субъекты Федерации имеют право отказываться от проведения публичных слушаний или общественных обсуждений, а согласно поправкам в Градостроительный кодекс (ст. 28.1 ГрК РФ, введена 19.12.2022 ФЗ-541), Генеральный план и ПЗЗ могут быть объединены в «Едином документе», где из полного состава ПЗЗ сохраняются только градостроительные регламенты.

По составу градостроительные регламенты также неоднородны, в них входит три отдельных элемента – виды разрешенного использования (ВРИ, основной, вспомогательный и условный), предельные параметры земельных участков, а также предельные параметры застройки. На первом этапе

---

<sup>414</sup> В этом смысле показательно описание собственности как замороженной или прерванной борьбы, которая активизируется, будучи переведена в публичное поле, см.: Blomley N. Performing property: Making the world / N. Blomley // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. – 2013. – Vol. 26. – № 1. – P. 23–48.

градостроительной реформы виды разрешенного использования были одним из существенных элементов описания территорий с точки зрения их реального и планируемого использования.<sup>415</sup> После введения в 2014 году первого Классификатора ВРИ они становятся более формальными и техническими инструментами, которые выстраивают обобщенную логику описания вариаций использования с минимальной детализацией: всего выделено 14 основных рубрик с разделением на подрубрики – до 4 подуровней рубрик.<sup>416</sup> В результате основным элементом регламентов, который не подчиняется строгой формализации, становятся параметры земельных участков и застройки территории, а также вводимые в отдельных документах требования к архитектурно-градостроительному облику.<sup>417</sup>

Описанный процесс унификации градостроительных регламентов и превращения их в технический документ способствует более широкому и простому применению градостроительного регламента как инструмента регулирования. Работа с техническим инструментом с ясными правилами применения, дающим ограниченное количество вариантов описания реальной ситуации и изменения ее использования, требует минимальных знаний и экспертизы. Таким образом, может быть снижена вероятность появления ошибок и принятия необоснованных решений. В то же время есть риски, связанные с несоответствием между структурой описания и существующими практиками использования территории. Когда существующее использование входит в конфликт с регламентами, единственным вариантом для собственников становится консервация объекта, поскольку любое его изменение должно быть реализовано в соответствии с новыми

---

<sup>415</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

<sup>416</sup> Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков : Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 10 ноября 2020 г. № П/0412 : (с изменениями на 23 июня 2022 года). Москва, 2020.

<sup>417</sup> Киль Ю. Э., Сеницына В. А. Согласование архитектурно-градостроительного облика: спорные вопросы и перспективы совершенствования законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 13. – С. 40–70.

установленными нормами.<sup>418</sup> Таким образом, унификация процедуры выбора регламента в процессе разработки ПЗЗ мобилизуют вопросы о правах собственности на земельный участок и различных правомочиях, с ним связанных. Однако обсуждение этих вопросов также максимально рутинизируется, а участие горожан, обладающих правомочиями в отношении данной территории, становится техническим, для легитимации процедуры.

В унифицированной логике градостроительных регламентов, незарегулированными вышестоящими – федеральными и региональными правовыми актами – остаются только параметры развития земельных участков: в ГрК прописана необходимость их определения, но не заданы определенные параметры (ст. 38). Параметры размера и застройки земельных участков регулируют технические требования безопасности – пожарной, санитарной, инженерной, социальной, экологической – которую чаще определяют как степень «комфортности» среды.<sup>419</sup> Параметры безопасности в ПЗЗ также основаны на нормах, описанных в различных нормах правил, прямых правовых актах и рекомендациях, то есть имеющих различную правовую силу. Однако, поскольку связь параметров регулирования ПЗЗ с корпусом нормативных правовых норм остается неявной и становится явной лишь в процессе профессиональных взаимодействий и обсуждений,<sup>420</sup> формально они лишь описывают и ограничивают возможности развития и изменения материальной и эстетической среды города.

Таким образом, можно утверждать, что регламенты ПЗЗ регулируют два типа экспертизы – социальную, связанную с реализацией различными правомочиями прав собственности, и техническую, обобщающую различные

---

<sup>418</sup> Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов. – М. : Инфотропик медиа, 2017.

<sup>419</sup> См., например, статью Чурсиной о том, что понятие городского комфорта коррелирует с хорошей работой инфраструктуры: Чурсина Ю. А. «Уехать от» vs «Уехать для». Качество городской среды как фактор миграционных установок населения // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 142–164.

<sup>420</sup> Волкова Н. А. Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22. – № 5. – С. 54–82.

требования к безопасности среды.<sup>421</sup> В случае социальной экспертизы инструментом ее мобилизации и распределения выступает техническая и формализованная структура Классификатора разрешенных видов использования, с помощью которого описывается вся территория города (населенного пункта). Распределение технической экспертизы, наоборот, происходит неявным образом, в то время как ее репрезентация в виде параметров развития земельных участков и их застройки становится частью публичных регламентов. Получается, что в случае социальной экспертизы знание и регулирование приобретают жесткую материальную форму в виде структуры классификатора, а в случае технической экспертизы они остаются текучими и неопределенными. Сочетая два типа экспертизы и по-разному – явным и неявным образом распределяя знание и опыт – ПЗЗ редуцируют их до материальных форм, которые описывают сложное текучее пространство городских отношений.

На примере регламентов ПЗЗ можно наблюдать, как технический объект, входя в новое пространство, которое ему предстоит описать и упорядочить, начинает перестраивать и изменять в нем этические отношения, то есть отношения собственности. Причем определение этих отношений начинается не с правомочия владения, то есть границ земельных участков, а с описания видов использования в рамках регламентов – сначала неструктурированного, а затем все более формализованного вплоть до появления Классификатора. В то же время возникают ограничения для возможности распоряжения участком в части параметров застройки, связанные с безопасностью, которые становятся строже с течением времени. В результате эстетические границы объекта – права собственности, которые

---

<sup>421</sup> В определенной степени об этом пишет Вальверде, когда описывает принципы зонирования в Торонто: Мариана В. Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 116–139.

регулирует ПЗЗ – проходят процесс эстетического изменения и становятся более четкими, где подвижность сводится к набору возможных комбинаций.

Однако двойная редукция эстетических или материальных границ права делает видимой также значительные этические изменения и границы объекта. Этические границы ПЗЗ связаны не с правомочием владения и его неизменностью, которую авторы российской градостроительной реформы описывают как характерную черту рыночной экономики, а его с техническим характером. То есть этика укоренена не в дискурсивных ценностях – видах использования территории, параметрах обеспечения ее безопасности – а в материальных объектах и взаимодействии по поводу них. Это делает солидарность, которая возникает в подобном взаимодействии, технической и ситуативной, ограниченной временем и местом действия.<sup>422</sup> В то же время можно предположить, что подобная ограниченность этических норм и их ситуативность связана со значительными расхождениями в представлениях у различных социальных акторов и участников градостроительной деятельности: во взаимодействии по поводу прав на недвижимое имущество могут сталкиваться акторы с полностью несовпадающими или противоречащими друг другу взглядами.<sup>423</sup> Следовательно, основой их взаимодействия – и технической солидарности – оказывается не доверие, а недоверие и необходимость наблюдать и тем самым контролировать действия другого.<sup>424</sup>

Так получается, что инструмент ПЗЗ соединяет две культуры. Одна построена на доверии и дискурсивной этической солидарности с короткими итерациями взаимодействия. Другая основана на недоверии, где солидарность

---

<sup>422</sup> Кузнецов А. Г., Шайтанова Л. А. Маршрутное такси на перекрестке режимов справедливости // Социология власти. – 2012. – № 6-7. – С. 137–149; Почукаев Д., Кузнецов А. От регулирования к медиации: экология нормативностей городского партиципаторного проекта // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 15–38.

<sup>423</sup> Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 189–204.

<sup>424</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

и этика оказываются техническими или практическими, но смягчаются длинными итерациями. Реформа оказывается процессом перевода правовых норм одной культуры на язык практик другой.

### **Раздел 1.6. Фабрикация права**

Градостроительная реформа как социоматериальный эксперимент показывает ситуацию перехода правового инструмента в ситуации, где меняются основания права – от доверия (в США и Европе) к недоверию (в постсоциалистических странах).<sup>425</sup> Изменение оснований права можно рассматривать как естественное следствие перемещения правовой техники ПЗЗ в географическом (материальном) пространстве. Однако наблюдаемые изменения относятся не к качествам документа или особенностям интерпретации норм, но затрагивают способ и структуру его действия. В этом смысле реформа как перенос и внедрение новых правовых инструментов в глобальном социэкономическом пространстве оказывается ситуацией сохранения формы, при изменении оснований действия: единая форма делает видимыми различия в способах действия объекта в различных социально-правовых культурах.

Однако, представляя градостроительную реформу как социоматериальный эксперимент, который проявляет этические границы разных правовых культур, необходимо указать, как происходит практический переход между культурами и что делает видимым гибкость действия техники ПЗЗ. На протяжении всего периода реализации градостроительной реформы технический состав материальных инструментов ПЗЗ остается неизменным: сохраняется триада карт, регламентов и процедур.<sup>426</sup> При этом только карты по структуре и способу материальной реализации остаются неизменными, в то время как регламенты приобретают более технический характер, а процедуры

---

<sup>425</sup> Там же.

<sup>426</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

становятся менее формализованными и больше опираются на социальные взаимодействия, а не на формальную структуру.<sup>427</sup> Изменения в стратегиях применения правовых инструментов показывают, как происходит переопределение карт от ключевого элемента правового зонирования в американской и европейской практике до периферийного характера карт в российской практике. Карты и их способ действия оказываются ключевым элементом эксперимента.

Ядро эксперимента составляет симметричное усиление технического характера регламентов и социального характера процедур. Поскольку два процесса – переход регламентов от социальных к техническим основаниям и процедур от технических к социальным основаниям – происходят более-менее параллельно, они стабилизируют друг друга. Однако характер отношения регламентов и процедур к картам устроен несимметрично и нелинейно. Регламенты явным образом связаны с картами: они двояко показаны на картах цветом и индексом зоны, к которой они относятся. В то же время изменения внутри регламентов, которые не затрагивают состав зон, могут никаким образом не затронуть карту: индексы останутся теми же. Таким образом, карта скрывает изменения регламентов. Более жесткая структура регламентов упорядочивает состав карт, делая набор зон и параметров унифицированным, тем самым делая карты в части индексации более упорядоченными. Упорядоченность зон определяется кадастром.

Процедуры определяют набор действий по поводу карты и регламентов, фактически описывают их жизненный цикл: разработку, согласование, утверждение, публикацию, изменения и условия, при которых документ утрачивает действие.<sup>428</sup> Результатом действия процедур оказывается частичная или полная замена карты или их набора, изменение состава зон

---

<sup>427</sup> Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 5. – С. 109–125.

<sup>428</sup> В этом смысле в случае ПЗЗ речь идет также о норме как о «продукте», который имеет конечный срок действия.

отдельных фрагментов карты – индекса зоны или ее границы. Таким образом, влияние процедур на карты не оставляет на них явного следа, он может быть виден только при их сопоставлении. Смещение процедур от более технического и административного характера к более социальному делает процесс изменений более текучим и подвижным – формально фиксируются лишь конечные изменения, но не процесс их обсуждения и способы аргументации.

В результате возникает набор изменений в карты ПЗЗ, которые существуют либо как отдельные объекты-иллюстрации, либо они в текущем режиме встраиваются в карту, если она интерактивная и опубликована онлайн. Таким образом, несмотря на смещения ПЗЗ в сторону технических решений, карты становятся все более явно текучими («дежурными» в терминах городского управления),<sup>429</sup> а не регулируемыми. В то же время регулирующее действие сохраняется за инструментом, который связан с правом распоряжения и с его формальным действием – с процедурами, прежде всего, согласования и внесения изменений. Текучесть социальных процессов принятия решений о внесении изменений остается скрытой и незафиксированной. Единственный инструмент, где сохраняется явный материальный характер норм, который ограничивает права его использования, – это регламенты, они регулируют явную текучесть карт и скрытую текучесть процедур и обоснований изменений. Параметры, которые отвечают за регулирование явной и неявной изменчивости, могут быть также двух видов: периодические, которые определяют градацию зон – по пропорции жилых и коммерческих помещений, или по параметрам плотности застройки, или же абсолютные, если они обозначают предельные параметры отступов или размера земельного участка.

---

<sup>429</sup> Подковырова М. А., Прошина В. В. Технология разработки цифровой дежурной кадастровой карты города // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 646–662.

В результате социоматериальный эксперимент в части переноса инструмента правового зонирования ПЗЗ из отношений, построенных на доверии, в сеть отношений, основой которых является недоверие, связан с переходом регулирующей силы от карт к градостроительным регламентам и их параметрам.<sup>430</sup> Таким образом, изменяется и правовое основание городского регулирования – от права владения к праву использования, поскольку владение рассматривается лишь как длительная форма использования. Тогда право из регулирующего инструмента становится инструментом мягкой координации и согласования различных взглядов, в то время как пространство и объекты, в нем расположенные, устанавливают пределы действия, то есть регулируют их.

Социоматериальный эксперимент в виде градостроительной реформы организован серией переходов от карт к параметрам, от права владения к праву использования, от доверия к недоверию как основе социального порядка.<sup>431</sup> При этом становится ясным, что является ошибкой в социоматериальном эксперименте с точки зрения действия материальных объектов – изменение их пространственной структуры, например, когда жесткий инструмент карт, призванный фиксировать договоренности, оказывается текучим. Говоря словами Ло, внутренняя специальная изменчивость карт, которая позволяет им действовать, становится внешней, то есть изменяется способ их действия, он становится иным.<sup>432</sup> Именно этот переход от внутренней изменчивости и гибкости техники к изменению структуры ее действия и составляет ядро эксперимента: этот переход показывает, где происходит различие рациональностей двух культур.

---

<sup>430</sup> Волкова Н. А. Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22. – № 5. – С. 54–82.

<sup>431</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

<sup>432</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

Градостроительная реформа, которая была организована вокруг введения правового зонирования и публичности градостроительных документов, проходит подобный переход в 2004 году с принятием второго ГрК. Изменчивость правовых документов городского планирования становится новой структурой действия городского регулирования. Однако оказывается, что одного перехода недостаточно для закрепления нового способа действия: анализ изменений, которые происходят с картами, процедурами и регламентами ПЗЗ за следующие 18–20 лет, показывает, что их внешнее действие свелось к минимуму, а затем было объединено с документом Генерального плана. Таким образом, реформа стала возвращением к прежней форме изменчивости – внутренней гибкости инструмента. Чтобы реформа закрепились, ПЗЗ должны были превратиться из периферийного инструмента, который координирует различные интересы городских интересантов, в основной документ градостроительной деятельности, то есть внутренняя изменчивость системы градостроительной документации должна была бы перейти в изменение ее способа организации и действия градостроительной политики в целом.

## **Раздел 2.2. Классика: сети теории**

### **Раздел 2.1. Эксперимент: возвращение к классике**

Второй кейс показывает, как развивалась фундаментальная социология в России. Как и в случае с правовым зонированием, речь идет о технике, которая обладает двойной – географической и временной – мобильностью, поскольку связана с реформированием российской социологии как научной дисциплины. В отличие от правового зонирования, мобильная техника в данном случае не материальна, а социальна: она связана с работой понятия «классик» в социологии и определением значения фигур классиков для развития дисциплины.

Представление о классиках как об основании – или фундаменте – дисциплины является одним из способов обоснования научности социологии

в середине XX века, начиная с Талкотта Парсонса и его учеников.<sup>433</sup> Выделение классических фигур в социологии было связано, прежде всего, с эпистемологией науки как способом построения ее теоретического каркаса и социологическим воображением как методом описания наблюдаемого мира. При этом у Парсонса отсылка к классикам двойная – с одной стороны, это круг классиков конца XIX – начала XX века, а с другой – более дальняя по времени отсылка к Гоббсу. Классика в случае Парсонса оказывается сетью фигур-теоретиков, распределенных в пространстве истории, которые образуют устойчивый каркас социальной теории.<sup>434</sup>

Для Парсонса пространство социальной теории не делится географически: в отличие от Вебера, его не интересуют различия в основаниях социальных порядков, которые идут из способа организации или верований.<sup>435</sup> Отбрасывая опыт восточных культур, например Китая, Парсонс делает свою модель классичности, с одной стороны, универсальной, а с другой – европоцентричной, опираясь на авторов европейской эпохи Просвещения (Гоббса) и рубежа XIX–XX веков – Дюркгейма, Вебера, Парето и Маршала. Подобный универсализм социальной теории и фигур классиков, ее создающих, делает социологию нечувствительной к перемещению между различными социальными порядками, культурами и ситуациями. В результате социология как научная дисциплина оказывается основанной на фундаменте из двойного круга классиков, чей круг расширяется с приближением к современности, и универсализме их идей – они принимаются как актуальные независимо от различий в эмпирическом материале.

---

<sup>433</sup> Connell R. W. (1997). *Why Is Classical Theory Classical?* *American Journal of Sociology*; Szacki J. (1988). Contemporary Sociology and Sociological Classics. *The Polish Sociological Bulletin*, (84), 5–16; Alexander J. C. (1982). *Theoretical logic in sociology*. Univ of California Press; Giddens A. (1976). *Classical Social Theory and the Origins of Modern Sociology*. *American Journal of Sociology*, 81(4), 703–729.

<sup>434</sup> Munch R. (1981). Talcott Parsons and the theory of action. I. The structure of the Kantian Core. *American Journal of Sociology*, 86(4), 709–739; Filippov A. F. (2013). The other „Hobbes’ people”: An alternative reading of Hobbes. *Journal of Classical Sociology*, 13(1), 113–135.

<sup>435</sup> Parsons T. et al. *The structure of social action*. – New York : Free press, 1949.

Подобный универсализм социальной теории и ее модели классичности работал в Европе и США до начала 1990-х годов. Однако с распадом СССР возникает необходимость перевода на ее язык практик и социальных теорий, которые сложились на постсоциалистическом пространстве (ср. с противопоставлением «кафедрального» и «периферийных» капитализмов у Болтански и Кьяпелло, появившихся после 1989 года).<sup>436</sup> Таким образом, возникает проект «фундаментальной социологии», который складывается на социологическом факультете Шанинки и в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ.

С точки зрения генеалогии практик проект фундаментальной социологии отщепляется от позднесоветской социологической традиции, хотя не развивает ее основных принципов. Позднесоветская социология была принципиально эмпирической и ориентировалась на проведение прикладных и массовых исследований, в первую очередь опросного характера.<sup>437</sup> При этом подход к теоретической социологии также был прикладным: было выделено ядро в виде функционализма и теории социального действия Парсонса и Макса Вебера, необходимое для интерпретации эмпирических исследований.<sup>438</sup> История теоретической социологии, как она представлена в учебниках, которые существуют только в рамках этого направления российской социологии, описывается энциклопедически,<sup>439</sup> как пространство действия разных теоретиков, за пределами перечня классиков, выделенных Парсонсом и его учениками.

Большинство проектов реформирования социологии и гуманитарных наук в постсоциалистическом СССР, наиболее устойчивым из которых стал

---

<sup>436</sup> Болтански Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. – М. : Новое литературное обозрение, 2011.

<sup>437</sup> Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы: очерки. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012.

<sup>438</sup> Там же.

<sup>439</sup> Давыдов Ю. Н. и др. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму). – М. : Наука, 1994.

Европейский университет в Санкт-Петербурге, также оказываются ориентированы на полевые или количественные исследования, имевшие более слабую связь с моделью классичности в социальной теории.<sup>440</sup> Так, в ЕУ, с одной стороны, развиваются прикладные эмпирические исследования, которые имеют основания в исторической интерпретации российского контекста.<sup>441</sup> С другой стороны, в Институте проблем правоприменения ЕУ складывается школа прикладного и количественного анализа российского права и практик регулирования.

В отличие от эмпирических проектов российской социологии, фундаментальная социология последовательно воспринимает евро-американскую идею социологической классики, ограничивая круг классиков тремя фигурами рубежа XIX–XX веков, объединенных неокантианским наследием, – Дюркгеймом, Вебером и Зиммелем.<sup>442</sup> Они оказываются ключевыми фигурами в историческом формировании дисциплины, а интерпретация их идей образует ядро («фундамент») социологической мысли на каждом этапе. Тем не менее в рамках фундаментальной социологии формируется также практический подход к идее классичности и к работе с классическими текстами. Переход от неокантианского ядра классиков социологии к более широкому кругу теоретиков оказывается возможным за счет работы с периферией – забытыми или неудобными авторами, которые могут временно включаться в число классиков.<sup>443</sup>

В то же время в рамках фундаментальной социологии складывается особый тип прикладной работы с классическими теоретическими работами в форме «аналитических чтений», когда в пределах конкретного текста (или

---

<sup>440</sup> Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. – 2017. – Т. 4. – С. 30–38.

<sup>441</sup> См.: Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – ЕУ СПб. : Летний сад, 2002.

<sup>442</sup> Филиппов А. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 96–117.

<sup>443</sup> Титков А. С. Зачем вспоминать старое? // Социология власти. – 2019. – Т. 31. – № 4. – С. 8–11.

набора данных) разбирается его аналитическая структура путем поиска противоречий в утверждениях.<sup>444</sup> Таким образом, фундаментальная социология уходит от позднесоветской и реформистской попытки соединить теорию с эмпирикой, и определяет классическую теорию и ее тексты как свое эмпирическое поле, а чтение делает эмпирическим методом для формирования аналитической практики.<sup>445</sup> В версии фундаментальной социологии классика приобретает двойное измерение – как основание теории, которая существует между философской традицией неокантианства и современными социологическими теориями, и как эмпирический способ делания науки, который показывает метод чтения как практику анализа данных.

Соединение российской фундаментальной социологией обращения к теоретикам-классикам с практиками аналитического чтения текстов делает классику техникой, которая работает и в социальном измерении, и в эмпирическом пространстве. Однако, в отличие от техники правового зонирования, мобильность теоретической классики ориентирована не только на изменение структуры социальных отношений в российской социологии после распада СССР. Обращение к евро-американской модели классичности также направлено на организацию взаимодействия между российской и евро-американской традициями. Таким образом, перенос из одной академической культуры в другую классики как социоматериальный эксперимент, с одной стороны, организует практическое взаимодействие в российском поле, но также направлен на эмпирическое – через публикации и систему ссылок – плетение сетей и выстраивание отношений с коллегами-социологами за пределами постсоциалистического пространства. В результате возникает

---

<sup>444</sup> Правила аналитического чтения / Клуб аналитического чтения Шанинки и ФСФ. – URL: [https:// vk.com/club76609582](https://vk.com/club76609582) (дата обращения: 15.02.2024).

<sup>445</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

особого типа эксперимент, построенный не на линейной мобильности, а на сетевых перемещениях.

## Раздел 2.2. Социальные иерархии и материальные формы

Понятие «фундаментальная социология» не имеет жесткого определения внутри дисциплины и скорее связано с двумя российскими, даже точнее – московскими, институциональными формами – факультетом социологии Московской школы социальных и экономических наук (МШСЭН) и Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. Основатель Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ А. Ф. Филиппов определяет «фундаментальность» социологии непрямым образом как обращение к философским основаниям социальности и социологии, как дисциплины, эти основания изучающей.<sup>446</sup> В другой версии, фундаментальная социология противопоставляется прикладной социологии и является синонимом теоретической социологии.<sup>447</sup> Однако такое простое уравнивание фундаментальной и теоретической социологии лишает первую критического отношения и дифференциации важности теоретических работ для развития дисциплины. Так появляется необходимость в классиках как теоретическом фундаменте дисциплины, который устойчивое ядро среди множества теорий, входящих в многотомные энциклопедические обзоры: кроме проекта фундаментальной социологии начала 2000-х (Добренев, Кравченко, 15 томов) можно также указать на проект под редакцией Давыдова начала 1990-х (История теоретической социологии, 5 томов).<sup>448</sup>

---

<sup>446</sup> Филиппов А. Ф. Фундаментальная социология и политическая философия : тезисы к вступительной лекции по курсам «История социологии» и «История политической мысли» / А. Ф. Филиппов // Центр фундаментальной социологии : [сайт]. – 2010. – URL: <https://cfs.hse.ru/news/137873366.html> (дата обращения: 16.02.2025).

<sup>447</sup> Добренев В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15-ти т // М. : ИНФРА-М, 2003–2007.

<sup>448</sup> Необходимо отметить, что отсутствие истории теоретической социологии в приложении специально по странам, в частности в России, связано с тем, что национальные школы, как правило, сфокусированы на прикладных исследованиях (см. книгу Ядова «Социология в России», учебник Зборовского, где отражена не только «столичная» школа, но и уральская, или биографический проект Бориса Докторовы).

В книге «Элементарная социология», изданной по следам лекций по истории теоретической социологии в Шанинке, Филиппов выделяет двух философов, имеющих ключевое значение для социологии, – Гоббс и Руссо, и четыре фигуры социологов (именно в этой последовательности) – Теннис, Дюркгейм, Зиммель и Вебер.<sup>449</sup> Тем самым Филиппов определяет круг авторов, которые составляют ядро или фундамент дисциплины. Однако точно такой же перечень классиков невозможно найти в европейских или американских курсах социологии – каждый раз состав теоретиков будет меняться в зависимости от актуального направления исследований, специфики национальной школы или общей направленности программы или университета. Таким образом, круг классиков-теоретиков «фундаментальной социологии» оказывается суженным не только относительно энциклопедических обзоров поздне- и постсоветской истории социологии, но относительно евро-американской традиции. В последней существует два принципиально различных подхода к выстраиванию круга классиков. Один принцип, близкий к подходу Парсонса, определяет круг классиков необходимым минимумом для построения «большой теории» в социологии. В ином случае – классика как коллективная память дисциплины с лежащими в его основании мифами об отцах-основателях.<sup>450</sup>

Подход, который предлагает Филиппов, работает с понятием классики особым образом. В ранней статье 1996–1997 годов, которая была вступлением к сборнику переводов социологической классики, Филиппов описывает проблему мобильности теоретической социологии для исследования социальных отношений и проблематичность использования классических схем для этих целей.<sup>451</sup> В частности, Филиппов отмечает, что, во-первых, перечни классиков-теоретиков и классических трудов крайне неустойчивы и

---

<sup>449</sup> Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – Рипол Классик, 2019.

<sup>450</sup> Wagner P. Modernity. – Polity, 2012.

<sup>451</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

отличаются в зависимости от различных школ и направлений мысли. Во-вторых, социальные теории и понятия не полностью свободны от конкретно-исторических и социальных условий, в которых они возникли, и поэтому нельзя их автоматически перенести в иную, отличную ситуацию без доработки инструментария. Наконец, любые попытки создать всеобъемлющую теорию или систему описаний бесплодны и приведут лишь к существенным искажениям, поэтому сама идея универсальной классики социологии оказывается проблематичной. Этот перечень проблем предполагает, что решение необходимо искать в фундаменте социологии, то есть необходим принцип, по которому выделяется ядро классиков.

Таким образом, Филиппов формулирует идею социологической классики как элементарного набора фигур, которые сформировались в период, который относят к классическому для социологии (конец XIX – начало XX века).<sup>452</sup> Для этого Филиппов предлагает отойти от задачи формирования теоретически непротиворечивых целостных концепций и перейти к исследованию фундамента социальности, который присутствует в разных теориях. Тогда классика определяется набором взаимно конкурирующих теоретических конструкций, которые противопоставляются друг другу при различении понятий и попытке описания наблюдаемых социальных отношений. Таким образом, классика становится мобильной техникой схватывания социальной реальности за счет противопоставления и переопределения элементарных понятий – и выделения элементарного (суженного набора теоретиков).

Однако дальше возникает новая проблема. В работе 1996–1997 годов Филиппов говорит об отсутствии теоретической социологии как особой работы общества по самосознанию и самоописанию в постсоциалистической

---

<sup>452</sup> Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – Рипол Классик, 2019.

России.<sup>453</sup> В 2023 году в предисловии к книге Баньковской «Чужаки и границы» он уже упрекает в этом же западную социальную теорию, предполагая, что евро-американская социология уходит от теоретических вопросов к исключительно прикладным исследованиям.<sup>454</sup> Если понимать выделение элементарного набора классиков как способ исследования фундамента социальности и выстраивания взаимодействия с западными коллегами, значит ли этот упрек, спустя почти четверть века, что «элементарная классика» не смогла стать работающим инструментом?<sup>455</sup> В отличие от кейса правового зонирования, элементарная классика – это инструмент выстраивания социальных отношений, который перемещается нелинейно, в рамках сети отношений между социологами на постсоциалистическом пространстве, принадлежащих к евро-американской социологии, причем во вторую группу вошла и часть учеников Филиппова.

Мобильность классики фундаментальной/элементарной социологии позволяет рассматривать ее как упрощенный способ описания ее работы как социальной техники, которая проявляет различия в эмпирической реальности и материальной организации российской, европейской и американской социологии. Связующей для всех трех способов материальной организации будет книга Баньковской «Чужаки и границы», которую Филиппов в предисловии к изданию описывает как фундаментальную социологическую работу, которая требует вдумчивого и глубокого чтения.<sup>456</sup> По мысли Филиппова, эта книга работает с классическими текстами, способствует формированию теоретических понятий и продолжает традицию классической социологии в маргинальной, иной для нее постсоциалистической реальности.

---

<sup>453</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

<sup>454</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

<sup>455</sup> Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – Рипол Классик, 2019.

<sup>456</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

Однако, чтобы показать, как модель теоретической коммуникации, которая формируется в рамках фундаментальной социологии, терпит сбой, работа Баньковской и тезисы Филиппова будут анализом теоретических работ Филиппова начиная с 1990-х годов до настоящего времени. Кроме того, будет рассмотрен способ встраивания в концепцию Филиппова метода чтения как способа делания теории и его отсылки к двум типам консерватизма, как связь с идеей «дома» Баньковской, которые развивались в немецкой философии первой половины XX века.

В результате будет показано, как классика, которую теоретики фундаментальной социологии делают подвижным и мобильным инструментом, путешествует между разными теоретическими традициями, но не создает пространства взаимодействия между ними. Тем не менее фундаментальная социология формирует теоретическую коммуникацию внутри своего поля, однако коммуникация, которая возникает с другими теоретическими традициями, идет не по пути обращения к одной модели классичности, а через выстраивание материальных и эмпирических связей, которые позволяют преодолевать теоретические разрывы.

### **Раздел 2.3. Классика**

В отличие от стремления к объективности у Поппера и ее интерпретации теоретиками акторно-сетевой теории как «объектности»,<sup>457</sup> Филиппов и Баньковская делают принципиально иной акцент – на субъектности и субъективности социологии.<sup>458</sup> В статье 1996 года Филиппов утверждает, что наличие теоретической социологии как особого способа коммуникации внутри общества и осознания им самого себя является необходимым условием того, что это общество является осознанным

---

<sup>457</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>458</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

субъектом, а не превращается в неосознанный и спонтанный объект.<sup>459</sup> Почти четверть века спустя в предисловии к книге Баньковской Филиппов развивает эту мысль, описывая субъектность уже применительно к социологическому мышлению как способность делать различие между собой и Другим.<sup>460</sup> Чтобы выделить позицию Другого в ситуации усилий по созданию социального порядка, необходимо принять, что порядок невозможен без беспорядка, манифестацией которого выступает фигура Другого.

Ключевым моментом в выделении фигуры Другого для Баньковской выступает то, что исследование инаковости как основание социологии не просто делает социологию субъективной, в чем ее упрекал Поппер, но показывает невозможность существования действующего объекта.<sup>461</sup> Наоборот, Баньковская обращается к критике Парсонсом картезианского наследия и показывает, что любой действующий остается агентом, даже если его в это время наблюдают и исследуют. В этом смысле действующий не теряет своей способности действовать, поэтому не становится объектом (тем, чем можно манипулировать), а становится Другим субъектом, принадлежащим к другому социальному порядку. Однако, чтобы другой не превратился во множество различных индивидуальностей, он должен быть типизирован не исходя из собственных особенностей, а отталкиваясь от того, в чем он инаков по отношению к тому социуму, с которым он взаимодействует. Поэтому Баньковская определяет Другого как пространственного и темпорального Чужака. Таким чужаком с точки зрения теории становится элементарная классика для постсоциалистического пространства.

Выделив фигуру Чужака как типизированный образ Другого, Баньковская описывает социологию как науку, изучающую не объективность,

---

<sup>459</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

<sup>460</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

<sup>461</sup> Там же.

а способствующую становлению коллективной субъективности. Однако Баньковская не ограничивается этим и конкретизирует фигуру Другого по степени его проникновения в пространство «своих» или пространство социального порядка: вводя наряду с Чужаком фигуру Маргинала, который существует между разными социумами. В основе дифференциации различных манифестаций Другого – от Чужака до Маргинала – лежит небольшое эссе Шюца «Возвращающийся домой», которое анализирует различные ситуации вхождения Другого в сложившийся социальный порядок.<sup>462</sup>

Шюц описывает появление Чужака или Возвращающегося не как пространственную ситуацию, а как его мобильность.<sup>463</sup> Особенностью мобильности Чужака является то, что она является ветвящейся и происходит и в пространстве, и во времени, что определяет способ типизации Чужака в каждом новом сообществе. Субъект становится Чужаком, когда он покидает свое сообщество и перемещается в другое, более или менее удаленное. Однако Шюц, и вслед за ним Баньковская, задается более сложным вопросом: остается ли Чужак «своим» для той группы, которую он покинул? Выясняется, что, подвергаясь типизации в другом сообществе, Чужак перенимает его черты, пусть и по принципу от противного. Таким образом, утверждает Баньковская, он становится Маргиналом, то есть Чужаком в двойной степени – и для бывших «своих», и для актуальных «чужих», – и теряет крепкие связи со своей изначальной группой.<sup>464</sup> Такой процесс был, например, описан в предыдущем разделе в случае с инструментом «правового зонирования». И, наконец, когда Маргинал возвращается домой и пытается снова встроиться в сообщество, частью которого он когда-то являлся, он становится Маргиналом уже не только в пространственном смысле, существуя между двумя сообществами, а в более сложном пространственно-временном. Последняя трансформация

---

<sup>462</sup> Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 139–142.

<sup>463</sup> Там же.

<sup>464</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

связана с тем, что Вернувшийся домой имеет сложную траекторию чуждости: у него есть общее прошлое с сообществом, которое он покинул, но есть опыт путешествий и жизни Чужака и Маргинала, которого нет у сообщества.

Если применить эту модель Другого и его различных форм к различным моделям классичности и фигурам классиков социологии, то можно попытаться описать, как может работать выделение элементарного ядра классиков. Описывая советскую социологию, Филиппов представляет ее как трехчастную схему, где общая теория – это диалектический материализм, а за социологические теории отвечают специальные социологии среднего уровня (труда, отдыха, здоровья и так далее).<sup>465</sup> Замыкают триаду конкретные эмпирические исследования. Единственной теорией, которая была общепринятой в СССР, стал структурный функционализм Парсонса, что парадоксально, поскольку исторически он развивался как альтернатива марксизму, все остальные теории приходили, скорее, как части теорий среднего уровня, не претендуя на роль общей теории.<sup>466</sup>

После распада СССР и падения диамата как общей идеологической матрицы именно функционализм становится «своей» теорией, для которой фундаментальная социология будет создавать модель Другого в форме классики. При этом основная проблема поиска подобных альтернатив заключается в том, что структурный функционализм и теория социального действия Парсонса задают жесткую структуру «большой теории», такой же, как был диамат.<sup>467</sup> Соответственно, альтернатива должна позволить работать на уровне «большой теории», но не задавая ее жестко и не определяя ее как

---

<sup>465</sup> Тесля А. А., Колозариди П. В. «Как большой проект социология закрыта»: беседа с Александром Филипповым о каноне в социологии // *Философия. Журнал высшей школы экономики.* – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 17–38.

<sup>466</sup> Филиппов А. Ф. Камень, который отвергли строители. Статья вторая // *Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ* : [сайт]. – URL: [https://cfs.hse.ru/social\\_disc\\_2](https://cfs.hse.ru/social_disc_2) (дата обращения: 16.02.2025).

<sup>467</sup> Другим примером такого же конструирования «большой теории» можно считать подход Тилли и Александера: Тилли Ч. От мобилизации к революции. // пер. с англ. под науч. ред. Сергея Моисеева. – М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021; Alexander J. C. *Theoretical logic in sociology.* – 1982. – Т. 1.

общую. Таким образом, можно рассматривать структурный функционализм Парсонса как Чужака в рамках советской идеологии, которого часто упрекали в нонконформизме. Однако после распада СССР структурный функционализм российской социологии мигрирует в сторону Маргинала: он уже не имеет сильных связей ни с историческим, ни с теоретическим контекстом, из которого вышел, ни опоры в противостояниях с марксизмом.<sup>468</sup>

Наличие связей, которые бы удерживали Чужака от того, чтобы стать Маргиналом, здесь кажется принципиальным, именно отличительное свойство – сохранение связей – точно описывает работу элементарной классики, о которой говорит Филиппов. В противопоставлении структурного функционализма Парсонса и элементарной классики возникает сложная ситуация: кроме Зиммеля, Парсонс ставит в основу своей теории те же фигуры, но создавая между ними жесткую концептуальную связь. Таким образом, возникает ситуация, когда переход от структурного функционализма к элементарной классике происходит за счет изменения двух характеристик: включения в круг классиков чужака Зиммеля и разрушения за счет этого жесткой системы отношений между различными теориями.<sup>469</sup> При этом если структурный функционализм российской социологии становится *маргинальным*, то элементарная классика занимает освободившееся место Чужака, сохраняющего связи с «материком» – евро-американской теоретической традицией социологии.

Замещение *чуждого* структурного функционализма *чуждой* фундаментальной социологией в постсоциалистической России создает эффект возвращения Чужака или восстановления связи с домом.<sup>470</sup> В этой конфигурации, в отличие от возвращения домой Шюца, связи с домом лишь

---

<sup>468</sup> Филиппов А. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 3. – С. 75–114.

<sup>469</sup> Филиппов А. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 3–15.

<sup>470</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

возобновляются, но сам актер туда не возвращается (то есть фундаментальная социология не становится даже Чужаком для евро-американской традиции). Тем не менее в возобновленных связях возникают схожие темпоральные эффекты, что и в ситуации возвращения. Хотя перечень фигур классиков социологии (кроме Зиммеля), что и у Парсонса, тот же, что и в фундаментальной социологии, классики фундаментальной социологии уже *иные*. Основу фундаментальной социологии составляет не усеченное в интересах парсоновской теории понимание их работ, а, наоборот, расширенное и максимально развернутое их прочтение, которое обеспечивает сочетание гибкости и силы связей между ними.<sup>471</sup> Темпоральный разрыв между пониманием классических работ в советской и в фундаментальной социологии определяется, прежде всего, их методом чтения и работы с их текстами: тем, что и составляет основу теоретической коммуникации.<sup>472</sup>

Таким образом, фундаментальная социологии обретает гибкое ядро в виде элементарного набора фигур теоретиков-классиков социологии, гибкость которого позволяет удерживать его от перехода в маргинальность и не обрывать, пусть и удаленных, связей с «домом». Гибкость связей между классиками элементарной социологии, а также их связи с «домом» определяют их внутреннюю изменчивость и субъективность: они все время поддерживают свою инаковость по отношению к эмпирической реальности, с которой они взаимодействуют, и к локальным прикладным исследованиям, которые возникают на их основе. Идея «классичности» как способа утверждения дисциплины становится в случае фундаментальной социологии техникой или крайне формализованным описанием, которое значительно дорабатывается при материализации в конкретном историческом и географическом контексте. Однако методом классики становится не понятие или его наполнение рядом

---

<sup>471</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

<sup>472</sup> Филиппов А. Ф. Действие как событие и текст: к социологическому осмыслению Поля Рикёра // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 90–108.

тех или иных фигур, а метод теоретизирования, основанный на классических текстах.<sup>473</sup> Именно поэтому, в отличие от линейного перемещения «правового зонирования» и материальной структуры документа ПЗЗ, перемещения классики оказываются нелинейными и сетевыми. Перемещения классики – это перемещения метода теоретизирования, который существует в различных материальных и эмпирических пространствах, что позволяет понять его ограничения и выделить элементарное ядро.

#### **Раздел 2.4. Теория: читая классиков**

Согласно Филиппову, основное условие субъектности общества составляет не просто наличие социологической теории, а более мобильная ее форма – теоретическая коммуникация.<sup>474</sup> При этом, согласно Филиппову, наличие собственных теорий никак не способствует такой коммуникации: можно предположить, что, где произведена теория, в случае коммуникации не является существенным. Тем не менее коммуникация должна иметь предмет, по поводу которого она ведется, а также та материальная форма, в которой она ведется.

В предисловии к книге Баньковской Филиппов выделяет чтение как один из основных способов теоретизирования и теоретической коммуникации посредством текста.<sup>475</sup> В другом месте он дает определение коммуникации как социальному взаимодействию, в котором участники ориентируются друг на друга «как непосредственно, так и через посредников коммуникации, будь то информационные носители или символические системы».<sup>476</sup> Таким образом, текст выступает опосредующим, материальным элементом теоретической коммуникации. Эта особенность теоретической коммуникации –

---

<sup>473</sup> Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – М. : Рипол Классик, 2019.

<sup>474</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

<sup>475</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

<sup>476</sup> Филиппов А. Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05. – М. : ГУ ВШЭ, 2004. – С. 4.

опосредованное, а не непосредственное взаимодействие – позволяет придать теории вневременной, пространственный характер, поскольку объединяет уже умерших классиков и современных теоретиков, которые его читают и интерпретируют. В результате фигуры классиков – Чужаков и Других для современных российских социологов – стабилизируются и рутинизируются в пространстве повседневных академических взаимодействий в виде материальных, напечатанных или электронных текстов, представляющих собой структурированное повествование в виде композиции текста, синтаксических и грамматических структур.

Однако если текст является лишь посредником, то необходимо описать процесс взаимодействия с ним и определить основные параметры этих взаимодействий. В дальнейшем это позволит различать формы взаимодействия и иметь возможность показывать связь разных форм взаимодействия и теоретической коммуникации с параметрами материальной организации текста. Основой такой концептуализации чтения для Филиппова выступает работа Рикера «Модель текста: осмысленное действие как текст», где Рикер описывает материальное значение композиции (структуры) текста и представляет чтение как базовую форму социального действия.<sup>477</sup> Перевод текста Рикера, который комментирует Филиппов и который описывает модель текста и чтения, опубликован в журнале «Социологическое обозрение», где он является главным редактором, в 2008 году, в период становления фундаментальной социологии, через год после создания Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. Таким образом, текст Рикера можно считать программным для фундаментальной социологии и ее способа теоретизирования.

Филиппова интересует в работе Рикера, прежде всего, вопрос об определении текста как модели для события социального действия, то

---

<sup>477</sup> Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с фр. Борисенкова А., Филиппов А. // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 25–43.

есть осмысленного действия, ориентированного на Другого. Чтение Филиппов фактически приравнивает к наблюдению социолога за событиями, где принципиально важным оказывается вычленение или различие между событием и временным континуумом, в который оно встроено. Способ проведения этого различия становится основной проблемой наблюдения-чтения в фундаментальной социологии.<sup>478</sup>

Однако, ставя проблему различия события, Филиппов удаляется от текста Рикера, который показывает, что текст, во-первых, не является сплошным нерасчлененным пространством разномасштабных событий, а во-вторых, показывает, как соотносится структура текста с характером чтения. Рикер обсуждает проблему текста как проблему перевода события устной речи в материальную и закрепленную форму сказанного, соответственно, его интересует, как речевой акт и его элементы отражаются в тексте.<sup>479</sup> В качестве элементарной части письменного текста Рикер выделяет предложение (пропозицию), а также три уровня, которые соответствуют трем речевым подактам – акту говорения, деланию в говорении и деланию посредством говорения. Первому акту соответствует пропозиция, анализ второго и третьего, которые, как показывает Рикер, менее выражены в письменном тексте, требует большего контекста. Так, можно предположить, что делание в говорении связано с автором высказывания и выражается в единице законченной мысли, например абзаце. Тогда действие посредством акта можно отнести к описанию ситуации в целом и выделять его уже на основании нескольких абзацев или раздела в тексте. При этом Рикер утверждает, что письменный текст перестает быть равен интенции автора, то есть теряет свою субъектность и обретает ее вновь лишь за счет направленности на Другого –

---

<sup>478</sup> Филиппов А. Ф. Действие как событие и текст: к социологическому осмыслению Поля Рикёра // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 90–108.

<sup>479</sup> Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с фр. Борисенкова А., Филиппов А. // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 25–43.

Читателя, который, в свою очередь, реконструирует целостность текста исходя из своих ситуаций и социальных отношений.

Таким образом, Рикер вводит чтение как социальное действие, которое реализуется Другим по отношению к тексту – Читателем.<sup>480</sup> Чтение Рикер рассматривает как перформативный акт, процесс исполнения текста, который идет от его объяснения к пониманию, создавая различные интерпретации. Во главу угла Рикер ставит структуралистские способы чтения текста, которые вырезают его из мира, рассматривая как изолированный, не связанный с другими текстами или историческими событиями объект. Такой подход позволяет Читателю реконструировать целостность текста через столкновение интерпретаций и восстановления его глубинной структуры или глубинной семантики. Тем самым структуралистский метод чтения предполагает, с одной стороны, максимальное раскрытие его возможностей и потенциала, а с другой – принципиально выходит за пределы авторского понимания текста. За счет совмещения двух субъективностей – автора и читателя – структуралистский анализ предлагает интересующую, обобщенную версию интерпретации пропозиций текста.

Метод глубокого или аналитического чтения, описанный Рикером, перекликается с практикой проведения чтений, принятой в Шанинке и ЦФС НИУ ВШЭ, а также он близок к стилю изложения Филиппова. Вводную статью для читателя Баньковской Филиппов начинает с разговора о «медленном чтении, совместном, неторопливом изучении классических трудов».<sup>481</sup> Ему он противопоставляет быстрое и поверхностное чтение, которое поддерживается практикой рецензий и сетевых отзывов на книги. Однако это различие, кажется, можно развить. Если учесть три уровня материальной организации письменного текста и воплощения в нем структуры

---

<sup>480</sup> Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с фр. Борисенкова А., Филиппов А. // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 25–43.

<sup>481</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

речевого акта,<sup>482</sup> можно предположить, что скорость чтения соотносится с тем, какой из трех уровней текста является основным при чтении: идет ли преимущественная навигация по разделам, по отдельным абзацам или происходит вчитывание в каждое предложение. В то же время в зависимости от стиля чтения текста работа с этими уровнями может быть последовательной – догматической и одновременно более формальной и быстрой – или скептической, ищущей противоречия между различными частями текста, что требует его лучшего знания и еще более медленной и вдумчивой работы с ним.

В то же время Филиппов проблематизирует метод чтения как метод теоретической коммуникации в отношении книги Баньковской как современной теории.<sup>483</sup> Это указание на классические тексты как на основной фокус теоретической коммуникации, который сложился внутри фундаментальной социологии: она принципиально консервативна и с трудом принимает во внимание работу современников.<sup>484</sup> Эту особенность можно описать так, что, включая в ядро теоретической коммуникации тексты современной теории, фундаментальная социология рискует сделать элементарную классику маргинальной и потерять связь с евро-американской традицией, оставаясь Чужаком. Однако это решение также имеет свои последствия: теоретическая коммуникация фундаментальной социологии оказывается ограничена элементарным пониманием классики, которое отличается от разнообразных классик, существующих на факультетах социологии европейских и американских факультетов.

## **Раздел 2.5. История как инструмент делания теории/навигация по общению с классиками**

---

<sup>482</sup> Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с фр. Борисенкова А., Филиппов А. // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 25–43.

<sup>483</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

<sup>484</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

Рассматривая текст как способ действия, Рикер и Филиппов обращают особое внимание на то, как фиксируется и подвергается различным интерпретациям смысл текста. Филиппов, опираясь на теорию социального действия Вебера, показывает, что смысл чтения – в способе ориентации и управлении наблюдением.<sup>485</sup> Рикер придает смыслу действия и его интерпретации более эмпирический характер: он рассматривает их как результат реализации потенциала текста в пространстве истории. И далее, отсылая к исследованиям Леви-Стросса, Рикер утверждает, что смысловая функция текста – это выявление структуры мифа: способ организации текста задает смысловые отношения.<sup>486</sup>

С точки зрения фундаментальной социологии и ее метода делания теории ориентация на тексты в сочетании с элементарным или минимальным набором классиков делает историю теоретической социологии «открытым поступком, чей смысл „пребывает в неопределенности”».<sup>487</sup> Это, в свою очередь означает, что теоретическая коммуникация в рамках российской фундаментальной социологии приобретает форму конструирования истории. Однако элементарный характер классики фундаментальной социологии и опора на теоретическую коммуникацию как способ делания теории предполагают множественность историй, их переход из разряда общего основания теории в метод повседневного социологического профессионального взаимодействия.<sup>488</sup>

Ориентация на историю в фундаментальной социологии также может быть объяснена через роль фундаментальной социологии как Чужака для евро-американской традиции. Формирование цельного и устойчивого историко-

---

<sup>485</sup> Филиппов А. Ф. Действие как событие и текст: к социологическому осмыслению Поля Рикёра // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 90–108.

<sup>486</sup> Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с фр. Борисенкова А., Филиппов А. // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 25–43.

<sup>487</sup> Там же.

<sup>488</sup> Филиппов А. Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05. – М. : ГУ ВШЭ, 2004.

теоретического классического нарратива в российской социологии предполагало бы ее оформление в самостоятельную традицию, которая бы стала маргинальной и по отношению к евро-американским, и к советским истокам.<sup>489</sup> Однако отношения между фигурами классиков в фундаментальной социологии не являются устойчивыми, а их набор за счет наличия элементарного ядра может быть изменчивым. В результате историко-теоретические связи фундаментальной социологии с евро-американской традицией требуют постоянного обновления и переосмысления, то есть создают пространство для эксперимента над тем, что и как может стать частью теории.

Таким образом, в организацию текста заложена множественность прочтений, которые задаются как его формальной организацией, так формальной организацией чтения через его ориентацию на определенный уровень организации и, соответственно, определенную скорость чтения. Таким образом, текст как материальное пространство формально организованных смыслов становится инструментом для построения исторического нарратива через координацию скоростей чтения и переходы между ними.<sup>490</sup> При этом различие, на которое указывает Филиппов в отношении книги Баньковской, связано еще и с характеристикой текстов:<sup>491</sup> только для классических текстов предполагается включение детальных уровней в процесс чтения.

В то же время предложение Филиппова читать современный теоретический текст медленно, можно рассматривать и иначе.<sup>492</sup> Не только классические работы предполагают особый способ чтения, но и медленное

---

<sup>489</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

<sup>490</sup> Филиппов А. Ф. Действие как событие и текст: к социологическому осмыслению Поля Рикёра // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 90–108.

<sup>491</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

<sup>492</sup> Там же.

чтение, работающее с детальной организацией текста, делает любой текст классическим: чтение становится методом производства теории, выделения классического ядра через координацию различных скоростей. Таким образом, становится возможным дать более формальное определение классике как устойчивой форме прочтения. Тогда классикой оказывается наиболее устойчивый способ прочтения конкретного текста, тексты, которые дают возможность выстроить несколько устойчивых моделей прочтения, и, наконец, авторы, которые производят несколько ясных моделей интерпретации или чтения социальных отношений как текста.

В отличие от классики как жесткого ядра, классичность как метод чтения координирует различные способы теоретизирования – исторические нарративы – в рамках структуры формально организованного текста.<sup>493</sup> Действуя таким образом, чтение позволяет сконструировать нарративы Чужаков, но не Маргиналов, поскольку ориентировано на поддержание и возобновление связей с основной классической традицией, пусть и в элементарном варианте. Тогда элементарность классики становится признаком ее слабости, в отличие от сильных и устойчивых форм классической традиции.

Слабость или текучесть элементарной классики позволяет удержать социологическое теоретизирование, основанное на погружении в исторические нарративы, от двух крайних форм консерватизма: ориентации на сохранение существующего, прошлого порядка или на восстановление идеального порядка в будущем.<sup>494</sup> В применении к классике охранительный консерватизм заключался бы в выделении жесткого ядра, которое в дальнейшем стало бы маргинальным. Восстановительный, ориентированный на будущее консерватизм для классики предполагал бы наличие «правильной»

---

<sup>493</sup> Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05. – М. : ГУ ВШЭ, 2004.

<sup>494</sup> Филиппов А. Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма // Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. – М. : Праксис, 2008. – С. 99–143. – С. 109.

теории, значение которой должно было бы быть восстановлено в постсоциалистической ситуации. Ситуация слабой, элементарной классики делает ядро гибким, однако позволяет сохранять общую ориентацию на прошлое и глубокую работу с текстами, независимо от состава классиков или времени создания текстов.<sup>495</sup>

Баланс двух видов консерватизма в способах теоретизирования будет проявляться в сочетании глубокого (охранительного) и быстрого (восстановительного) обобщенного способа чтения. Таким образом, способность создавать теорию опирается на то, каким образом организуются переключения между скоростями чтения – последовательно и в соответствии с формальной структурой текста или нарушая и пересобирая и последовательность, и иерархию формальной структуры текста. Первый способ будет догматическим, он предполагает восприятие текста как жесткой структуры, которую надо лишь оживить правильным исполнением. Вторым способом можно назвать скептический, поскольку он построен на том, чтобы подвергать постоянному сомнению существующую материальную и социальную структуру текста и способы его прочтения.

В отличие от догматического способа чтения, которое можно было бы назвать теоретическим и ориентированным на устойчивые способы интерпретации, скептический метод ориентирован больше на практическую работу с концептами и организацией текста. С точки зрения метода скептического чтения Филиппов говорит, что, в отличие от догматического подхода, ориентированного на работу с понятиями, более гибкий скептический метод чтения и построения теории связан с проведением различий между наблюдаемыми явлениями и объектами, независимо от того, как они описаны – на теоретическом языке или в терминах практик.<sup>496</sup>

---

<sup>495</sup> Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – М. : Рипол Классик, 2019.

<sup>496</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

Эти различия в контексте различных скоростей чтения будут представлены, прежде всего, различиями, которые выделяются на разных уровнях текста, но также и различиями внутри одного уровня текста, прочтенного с разной скоростью и, соответственно, с разными связями внутри текста.

Таким образом, слабый или элементарный характер классики делает возможным сложный механизм работы фундаментальной социологии: ее теоретическая коммуникация построена на проведении различий между понятиями внутри текстов и тем самым построения исторического нарратива о теоретических понятиях.<sup>497</sup> При этом поскольку речь идет о работе с конкретными текстами и эмпирической реконструкции их способа организации, то делание исторического нарратива выступает как практика теоретизирования, а не теоретическая работа. Социологическое теоретизирование в формате истории теоретической социологии становится эмпирическим предприятием.

## **Раздел 2.6. Фабрикация теории**

Книга Баньковской «Чужаки и границы» показывает пример теоретической коммуникации, построенной на скептическом прочтении и текстов классиков, и эмпирических материалов, что позволяет Баньковской предложить практический способ теоретизирования о том, может ли недоверие быть фундаментом социальности.<sup>498</sup> Этот способ социологического теоретизирования становится практикой, поскольку исторический нарратив выстраивается в двух формах – как прочтение теории и как прочтение социальной истории российских постсоциалистических институтов. На примере вопроса о постсоветском текучем гражданстве, который возник после распада СССР, Баньковская показывает, что означает гибкость границ социальных или пространственных и как она соотносится с отсутствием дома

---

<sup>497</sup> Там же.

<sup>498</sup> Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.

у новых номадов – мигрантов или маргиналов. Она утверждает, что социальный порядок в условиях отсутствия дома возможен только при наличии массовых движений индивидов, чьи индивидуальные и нерациональные действия координируются наличием общей среды действия.<sup>499</sup>

Баньковская делает условием координации массовых индивидуальных действий ее субъективность, то есть наличие явных условий возможности существования субъектов-индивидов. Однако чтобы сделать возможной гибкую элементарную классическую теорию, необходимо говорить не об условиях возможности, а об условиях истинности и степени согласованности отдельных утверждений и понятий. Тогда на первый план выступает вопрос о неявной координации различных, конфликтующих теорий и действию-чтению как о практическом методе ее реализации. Тогда практическая координация или чтение как метод работы с классикой фундаментальной социологии позволяет ей поддерживать слабые и элементарные связи с евро-американской традицией социологии. В то же время неявная координация позволяет сбалансировать и упорядочить субъективность, возникающую из-за отсутствия единого теоретического «дома» и конструирования исторических моделей в рамках истории теоретической социологии.<sup>500</sup>

Принцип работы с теорией как исторической практикой, которая координируется через чтение и интерпретацию классических текстов, который предлагает фундаментальная социология, по форме подобен исследованиям исторических кейсов, распространенным в ANT/STS начиная с 1970-х годов.<sup>501</sup> Однако хотя в обоих случаях исторический нарратив является результатом теоретической работы, работа с ним ведется по-разному. В случае с ANT/STS речь идет, прежде всего, о реконструкции исторического

---

<sup>499</sup> Там же.

<sup>500</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

<sup>501</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

процесса через определение и выстраивание сети взаимодействий, которые способствуют появлению исторического кейса, технологии или объекта.<sup>502</sup> Иначе работает фундаментальная социология. В случае чтения классических работ или чтения текста методом глубокого (классического) погружения в тему исторический нарратив не разбирается, а, наоборот, конструируется через последовательную деконструкцию текста на основании выделения противоречий, различий и способов их согласования.

Таким образом, возникает два способа работы с историей, причем они могут быть проинтерпретированы как консервативные подходы – охранительный (реконструкция сети) и восстановительный (конструирование нарратива по подобию прошлого).<sup>503</sup> Результатом исторического анализа ANT/STS выступает эмпирическое описание метода работы техники, то есть если абстрагироваться от конкретных кейсов – методы исследования социальных отношений (как это было видно в первом разделе). В то же время результатом работы фундаментальной социологии является не выделение различных методов чтения, а теоретическая коммуникация, практическое делание теории и выделение основных различий в наблюдаемых отношениях.

Таким образом, выделение социологической классики как инструмента работы с теорией предполагает, так же как и в случае с правовым зонированием, возможность различных способов работы – от жестких и сильных до гибких и слабых. При этом перемещение техники в принципиально другую среду, в данном случае по времени, предполагает ослабление жесткости регулирования. В результате появляется элементарная классика как социальное основание делания теории с жестким минимальным ядром, но подвижной периферией, которая может гибко расширяться или

---

<sup>502</sup> Линч М. Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. – 2013. – № 1-2. – С. 155–213.

<sup>503</sup> Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05. – М. : ГУ ВШЭ, 2004.

сужаться.<sup>504</sup> Однако действие элементарной классики как основания теоретической коммуникации в российском контексте оказывается более упорядоченным, чем в случае правового зонирования. В то же время результат действия элементарной классики оказывается принципиально отличным от евро-американской традиции на примере ANT/STS. Чтение классических текстов в рамках фундаментальной социологии создает сеть теоретических нарративов и пересказов,<sup>505</sup> в то время как работа с классикой в традиции ANT/STS ориентирована на выделение объекта – метода действия и его тестирование.

Различия в действии элементарной и евро-американской традиции классики создают, в свою очередь, разрывы в коммуникации между представителями двух традиций. Таким образом, становится видимой различная работа двух концептов классичности и тестируются способы перехода между евро-американской (условно «насыщенной», пользуясь терминами Гирца)<sup>506</sup> и элементарной моделями классичности. При этом переход между двумя моделями классичности оказывается не эстетической, как в случае с правовым зонированием, а этической редукцией теоретических оснований дисциплины. Возвращение к насыщенной, нередуцированной версии требует, таким образом, с одной стороны, выделение изначального редуцированного ядра теоретизирования, а затем трансформацию его прочтения и расширения из сконструированного исторического нарратива в реконструированную сеть отношений.

Таким образом, социоматериальный эксперимент с переносом евро-американской модели классичности и конструированием элементарной классики в рамках российской фундаментальной социологии становится

---

<sup>504</sup> Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – М. : Рипол Классик, 2019.

<sup>505</sup> Подход, схожий с пересказами у Беньямина: Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе / пер. А. Белобратова. – СПб. : Symposium, 2004. – С. 383–418.

<sup>506</sup> Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. – 1997. – Т. 1. – С. 170–199.

возможен благодаря двойной этической редукции: социальной теории до фундамента социальности и «насыщенного» набора классиков до элементарного, минимального перечня.<sup>507</sup> Однако подобная этическая редукция становится экспериментальной и начинает тестировать способы описания постсоциалистической социальной реальности только за счет сохранения связей с расширенным, насыщенным социальным и материальным контекстом, который делает видимыми разрывы и нестыковки в теоретической коммуникации или способах описания.<sup>508</sup>

В то же время переход между двумя моделями классичности ставит под вопрос характер и ограничения понимания социологии как единой теоретической дисциплины и степени ее зависимости от социоматериальных отношений. С одной стороны, возможность единства дисциплины поддерживается за счет наличия слабых связей между различными концепциями классичности. Эти модели находятся в процессе постоянной коммуникации для сохранения статуса Чужаков, чтобы не трансформироваться в Маргиналов друг для друга. С другой стороны, чтобы сохранить связь с локальными социальными практиками, отдельные проекты социологии, такие как российская фундаментальная социология, вынуждены формировать собственные методы теоретической коммуникации, ее продукта и предлагать способы их описания в других моделях классичности.

### **Раздел 2.3. Канон: материальная техника**

#### **Раздел 3.1. Эксперимент: кейсы и их описания**

В предыдущих двух разделах были рассмотрены два примера мобильной техники – правовое зонирование и элементарная классика фундаментальной социологии. Оба инструмента являются своеобразными

---

<sup>507</sup> Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – М. : Рипол Классик, 2019.

<sup>508</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

черными ящиками, однако действуют они по-разному: правовое зонирование регулирует эстетические изменения, а элементарная классика – этические. Оба инструмента позволяют реализовать социоматериальные эксперименты, направленные на выявление особенностей социальных практик или материального способа организации социальных отношений. Тем не менее рассмотренные примеры социоматериальных экспериментов являются лишь локальными и не позволяют определить границы применимости самого метода и особенности его работы.

В предельной форме, описывающей границы культуры и ее рациональности, социоматериальный эксперимент должен позволять переходить от эстетических изменений к этическим и обратно. Благодаря этому социоматериальный эксперимент делает видимыми границы изменчивости культуры. Тогда в организации культуры можно выделить два типа элементов – устойчивые элементы, где действуют рациональные способы рассуждения, и мобильные части, где происходят быстрые, нерациональные или эмоциональные переходы. Чтобы понять границы и формы устойчивости культуры, необходимо определить, как происходит переход одного типа мобильности и мобильной техники в другой. Действие эксперимента работает как перевод способа действия одной мобильной техники в другую.<sup>509</sup> Поэтому устойчивый метод социоматериального эксперимента можно выделить лишь в результате описания двойной подвижности мобильной техники и исследования перехода между двумя видами мобильности – этической и эстетической.

В классической социологии, основанной на работах Дюркгейма, такой устойчивый способ действия назывался бы ритуалом, в социологии науки и знания – методом, но для целей анализа материальных форм культуры далее

---

<sup>509</sup> Например, см.: Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

он будет описан как *канон*. Ло вводит идею канона,<sup>510</sup> обращаясь к ключевой книге ANT Шейпина и Шеффера «Левиафан и воздушный насос».<sup>511</sup> Однако, в отличие от коллег по ANT,<sup>512</sup> Ло обращается не к фигуре Гоббса, канонизированного в качестве классика социологии, а к Бойлю и его эксперименту с вакуумом.<sup>513</sup> Чтобы валидировать свой эксперимент с воздушным насосом, который доказывает существование вакуума, Бойль использует три техники – материальную, литературную и социальную.<sup>514</sup> Первая техника позволяет реализовать физический (материальный) эксперимент, вторая – дает возможность его описать и сделать воспроизводимым другими учеными, а третья – отобрать ученых, которые могут оценить и подтвердить результаты эксперимента. При этом Ло отмечает литературную технику как ключевую: именно она позволяет соединить материальные и социальные сети, сплести их.

Канон, описываемый Ло, – литературный, а не академический, он отличается от канона Парсонса, для которого Гоббс выступает отцом-основателем социологии как дисциплины. В отличие от академического канона Парсонса или ритуального действия Дюркгейма, в литературном каноне Ло формализует в качестве жесткой структуры не содержание, а организацию и способ действия.<sup>515</sup> Подход Ло к каноничности близок к

---

<sup>510</sup> Law J. On sociology and STS // The Sociological Review. – 2008. – Vol. 56. – № 4. – P. 623–649; Lin W. Y., Law J. Making Things Differently: On „Modes of International” // Centre for Research on Socio-Cultural Change. – Manchester, 2013. – URL: <http://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp129.pdf?subid1=20220601-1943-36b8-afaf-ba431671f984> (accessed: 16.02.2025).

<sup>511</sup> Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton University Press, 2011.

<sup>512</sup> Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.

<sup>513</sup> Law J. What's wrong with a one-world world? // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139.

<sup>514</sup> Там же.

<sup>515</sup> Lin W. Y., Law J. Making Things Differently: On „Modes of International” // Centre for Research on Socio-Cultural Change. – Manchester, 2013. – URL: <http://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp129.pdf?subid1=20220601-1943-36b8-afaf-ba431671f984> (accessed: 16.02.2025).

формальной социологии Зиммеля, с его анализом организации и формы отношений между участниками взаимодействия.<sup>516</sup> Ло расходится с Зиммелем в том, что его интересует не столько устойчивая форма взаимодействия, но также его изменчивость и устойчивость связности в сети. Таким образом, Ло рассматривает канон как технику делания теории, которая выстраивается в разговоре или теоретической коммуникации между его участниками и разворачивается в двух измерениях: пространственном (концептуальном, эстетическом) и временном (историческом, этическом).

Материальным, литературным и теоретическим примером подхода Ло к конструированию литературного канона социологии можно считать его статью «Объекты и пространства».<sup>517</sup> Этот текст является ключевым для социальной топологии, которую Ло развивает вместе с Мол и коллегами начиная с 1990-х годов, но также переломным для его возвращения от ANT к STS и разработке концепции «бережных исследований» (care-ful research).<sup>518</sup> Статья выстраивает концептуальную связь между двумя кейсами, которые были до этого связаны лишь исторически, как часть развития метода акторно-сетевой теории на протяжении 30 лет. Первый кейс – это история португальского галеона, которую Ло разрабатывал в конце 1970-х – начале 1980-х годов.<sup>519</sup> Второй – описание зимбабвийского насоса, которое публикуют в 2000 году де Лаэт и Мол.<sup>520</sup> Историю связи между этими кейсами рассказывает Мол: она описывает серию расширений исследований мобильных технологий, которая конструируется за счет последовательной цепочки кейсов – от португальского корабля к переносу техник с Глобального

---

<sup>516</sup> Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 65–81; Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. – М.: Юрист, 1996. – С. 301–465.

<sup>517</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>518</sup> Law J., Lin W. Care-ful research: Sensibilities from science and technology studies (STS) // The SAGE handbook of qualitative research design. – London: Sage, 2022. – Vol. 2. – P. 127–141.

<sup>519</sup> Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // The Sociological Review. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 234–263.

<sup>520</sup> Лаэт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 171–232.

Севера на Глобальный Юг, затем к неизменным мобильностям Латура и, наконец, к зимбабвийскому насосу как текучей (подвижной) технологии.<sup>521</sup> Однако историческая связь между этими кейсами показывает лишь практику коммуникации, в то время как Ло интересуется ее форма или канон, которая давала бы возможность с ней экспериментировать.

Чтобы перейти от практики к канонической форме теоретической коммуникации как деланию теории, необходимо вычленить характерные черты этой практики, которые могли бы быть закреплены. Мол описывает процесс научной коммуникации на семинаре ANT в конце 1980-х годов как текучее и постепенное общение, которое позволяет участникам смеяться, обсуждая философские вопросы.<sup>522</sup> Для текста как материализованной структуры коммуникации, например статьи «Объекты и пространства», это означает две вещи. Во-первых, текст работает не с одним кейсом, а показывает коммуникацию между несколькими, вплетая их в общую сеть нарратива. Во-вторых, отношения между кейсами не предполагают линейного и полного прочтения («серьезности»), наоборот, связи между ними могут иметь частичный, поверхностный и более легкий характер. Таким образом, текст получает еще одно измерение: он регулирует не только скорость чтения читателем, но и отражает характер коммуникации и близость взаимодействия (серьезность) между отдельными участниками.

Таким образом, в «Объектах и пространствах» Ло предлагает вариант перехода между историческим нарративом и этическим способом коммуникации к концептуальному и эстетическому или пространственному. Однако исторический нарратив остается скрытым – он не представлен явным образом в тексте и его возможно реконструировать, лишь обратившись к оригинальным описаниям кейсов и проследив коммуникативные связи между

---

<sup>521</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>522</sup> Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике // Пермь: Гиле Пресс, 2017. – С. 8.

ними. Ло интересуют не исторические связи, а концептуальные.<sup>523</sup> Могут ли два кейса, встроенные в одну сеть коммуникаций, но максимально разделенные во времени, оказаться концептуально связаны? Можно ли представить эти изменения как преобразование одного кейса в другой, даже если между ними нет линейной, явной связи, кроме общего круга обсуждения?

Ло показывает, что канон работает как литературная техника представления коммуникации и преобразует исторический линейный нарратив в концептуальную нелинейную сеть отношений. Возникает вопрос, может ли процесс делания теории быть коммуникацией. В статье Ло коммуникация остается за пределами текста. Текст показывает лишь технические аспекты повседневной коммуникации теоретиков ANT/STS, однако упускает основную черту этой коммуникации – веселые отношения, где теории воспринимаются не как жесткая система аргументов, а как «ящики с инструментами».<sup>524</sup> Теоретическая неповседневная коммуникация<sup>525</sup> оказывается воображаемым конструктом. Канон делает видимой теоретическую технику повседневных исторических взаимодействий, а изменения канона позволяют представить отношения между текстами как делание теории.

В результате канон оказывается основным инструментом социоматериального эксперимента, поскольку предполагает возможность экспериментирования и с эстетическими, и с этическими изменениями, а также с переходом между ними. Можно предположить, что работа канона как социальной техники, который конструирует воображаемое пространство<sup>526</sup> теоретической коммуникации, определяет и делает видимыми границы рациональности культуры. В то же время канон как литературная техника

---

<sup>523</sup> Law J. Theory and narrative in the history of technology: Response // *Technology and Culture*. – 1991. – Т. 32. – № 2. – С. 377–384.

<sup>524</sup> Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике // Пермь: Гиле Пресс, 2017. – С. 8.

<sup>525</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // *Социологический журнал*. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

<sup>526</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. Изд-во Института Гайдара, 2015.

регулирует отношения между пространством рациональных и эмоциональных представлений, поддерживая баланс между упорядоченностью и рискованностью.<sup>527</sup> Тогда социоматериальный эксперимент в предельной форме при переходе между эстетической и этической техникой направлен на то, чтобы сделать видимыми риски, которые формируют границы рациональности данной культуры и показать возможности изменения – расширения или сужения – этих границ.

В отношении постсоциалистических практик социоматериальный эксперимент, опирающийся на два описанных ранее кейса – правовое зонирование и элементарную классику, – будет работать иначе, чем в статье Ло «Объекты и пространства».<sup>528</sup> Два постсоциалистических кейса не связаны единым историческим нарративом, а могут быть лишь описаны общим каноном по аналогии с кейсами Ло. Тогда правовое зонирование выступает как галеон, который преодолевает значительные расстояния и сохраняет свою форму, а элементарная классика работает как зимбабвийский насос, который обладает достаточной гибкостью, чтобы изменять способ действия, в зависимости от сложившихся локальных практик. Вопросы к социоматериальному эксперименту в этом случае звучат соответственно: какие риски определяют постсоциалистическую культуру и как можно выделить ее историческое ядро и его канон на основании сопоставления двух кейсов? Кроме этого, остается вопрос, который касается границ эксперимента: от чего зависит переход от веселой к серьезной науке и может ли быть социология как экспериментальная наука серьезной?

### **Раздел 3.2. Социоматериальная изменчивость: как устроен канон**

В основе представления о литературном каноне как о научном методе социологии лежит различие между текстом и теми социальными связями

---

<sup>527</sup> Law J. On the subject of the object: Narrative, technology, and interpellation // Configurations. – 2000. – Т. 8. – № 1. – С. 1–29.

<sup>528</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

между учеными, которые он выстраивает и позволяет поддерживать. С одной стороны, Ло, следуя за феминистскими исследованиями Харауэй, утверждает множественность, перформативность и изменчивость стилей описания эмпирической реальности и, соответственно, канона.<sup>529</sup> С другой стороны, если канон является основой социоматериального эксперимента, то он должен предполагать определенную воспроизводимость или возможность перевода между различными кейсами, описанными в рамках данного канона. Канон выступает инструментом регулирования и координации между рациональными и нерациональными способами организации, как внутри текста, так и при его включении в более широкую сеть отношений.

Для Ло единицей канонического описания выступает научная статья как замкнутый и мобильный объект, который способен путешествовать на большие расстояния.<sup>530</sup> Однако статья перестает быть единым объектом, как было показано при описании кейса элементарной классики, когда ее начинают аналитически читать. Следуя сложившейся академической практике, Ло, прежде всего, подчеркивает единство и объектность статьи через описание ее технической структуры, которой следуют все академические тексты, независимо от характера дисциплины: наличие резюме, введения, материалов и методов, обсуждения и библиографии (Law, 1986b).<sup>531</sup> Однако такое максимально обобщенное описание структуры статьи представляет текст скорее как технически организованный документ, который позволяет его формально сравнить с другими документами, но не предполагает непосредственного взаимодействия с ним и тем более медленного чтения. В

---

<sup>529</sup> Lin W. Y., Law J. Making Things Differently: On „Modes of International” // Centre for Research on Socio-Cultural Change. – Manchester, 2013. – URL: <http://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp129.pdf?subid1=20220601-1943-36b8-afaf-ba431671f984> (accessed: 16.02.2025).

<sup>530</sup> Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of Science in the Real World / M. Callon, A. Rip, J. Law. – London : Palgrave Macmillan, 1986. – 242 p.

<sup>531</sup> Law J. The heterogeneity of texts / J. Law // Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of Science in the Real World / ed. M. Callon, J. Law, A. Rip. – London : Palgrave Macmillan, 1986. – P. 67–83.

то же время и документ, если он предполагает медленное чтение – так же как в примере с классикой формально «неклассические» современные тексты, – может стать элементом теоретической коммуникации.

Если принять вовлечение читателя и аналитическое чтение как отличительную черту социального канона ANT/STS, тогда такой канон зависит от *литературной техники*, координирующей объективные (материальные) и субъективные (изменчивые) элементы статьи.<sup>532</sup> При обсуждении элементарной классики на основе работы Рикера были показаны три уровня формальной или материальной организации текста, которые регулируют скорость чтения: отдельные препозиции, абзацы или разделы текста.<sup>533</sup> Выделение этих трех уровней текста, как способов материальной репрезентации трех основных типов речевых актов по Рикеру, тем не менее не предполагает обсуждения того, как они соотносятся в тексте. Однако текст как организованный материальный объект, даже следуя технической структуре статьи как документа, предполагает различные отношения между всеми тремя уровнями и их более мелкими членениями. В результате даже формальная структура текста при детализации включает сеть субъективных отношений между его частями.

Формальная структура текста регулирует глубину погружения и скорость передвижения по нему – скорость чтения внешнего наблюдателя. Однако это лишь один тип мобильности, с которым связан текст. Второй описан Ло: «Сопоставляйте, упрощайте, систематизируйте и сравнивайте».<sup>534</sup> В этом случае подвижен уже не внешний наблюдатель, а изменчивы описываемые объекты и их сети внутри текста. Эта изменчивость отражает

---

<sup>532</sup> Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton University Press, 2011; Law J. What's wrong with a one-world world? // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139.

<sup>533</sup> Рикёр П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с фр. Борисенкова А., Филиппов А. // *Социологическое обозрение*. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 25–43.

<sup>534</sup> Law J. *Laboratories and texts // Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of Science in the Real World* / ed. M. Callon, J. Law, A. Rip. – London : Palgrave Macmillan, 1986. – P. 35–50.

сетевую мобильность объекта, где объект становится элементом сетей различного масштаба, не меняя своего положения в тексте или общей структуры описания. На материальном уровне текста второй тип мобильности определяется тем, в какие ряды объектов включен мобильный объект и какими типами шкал их можно описать. Тип шкалы для ряда объектов, количество элементов в нем и дистанция переключения между ними определяет более эмоциональный или рациональный способ описания объектов. Этот тип мобильности регулирует степень (не)линейности и несерьезности, игривости описания.

Два описанных типа мобильности и соответствующие им техники материальной репрезентации в тексте находятся в сложных и неопределенных отношениях, если рассматривать текст как материальный объект. Формальная структура текста может не соответствовать различным шкалам и рядам, которые могут прошивать и связывать между собой несколько абзацев, разделов или даже разных, не связанных очевидным образом частей текста. В то же время иерархическая структура разных уровней чтения и иерархия сетей, в которые включается объект описания, также могут явным или неявным образом не совпадать. Задачей вовлеченного читателя в этом случае становится координация двух типов мобильностей – скорости чтения и изменчивости самих объектов – и увязывание этих двух типов между собой. Подобная координация требует не только вдумчивого погружения в текст, но и приписывания ролей и статусов в общей структуре нарратива тем или иным элементам текста: например, как ключевой интриги, контрастного примера (помощника) или точки перехода между различными описаниями.<sup>535</sup> Чтение становится семиотической практикой, которая координирует различные

---

<sup>535</sup> Это распределение ролей идет, с одной стороны, из морфологии сказки Проппа, которую перенес в семиотику Греймас: Напреенко И. В. Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латтура // Социология власти. – 2013. – № 1-2. – С. 75–98; Кузнецов А. Метод Латтура: семиотика между литературой и наукой // Философско-литературный журнал «Логос». – 2018. – Т. 28. – № 5 (126). – С. 85–112.

способы перемещения по тексту и выстраивает связный нарратив повествования.

Описывая материальную и литературную технику статьи, не стоит также забывать и о действии канона как социальной техники, в соответствии с определениями Шейпина и Шеффера.<sup>536</sup> Бойль с помощью литературной техники и отбора респондентов выстраивает научное сообщество экспериментаторов. Точно так же научные статьи как мобильные объекты выстраивают сеть читателей, которая становится видимой через систему ссылок и упоминаний.<sup>537</sup> Однако у каждого текста есть и другая сеть, которую можно описать как сеть явных ссылок, представленных библиографией, или сеть неявных цитат, которые являются результатом повседневной коммуникации ученых и выстраиваются через структурные аналогии, метафорические переносы или общие отсылки. Подобные сети сложнее реконструировать, для этого необходим анализ биографических траекторий теоретиков, однако они дают доступ к еще одному уровню семиотической координации – коммуникативному или социальному.<sup>538</sup>

Таким образом, социологический подвижный канон как ключевая техника социоматериального эксперимента работает через координацию двух элементов материальной структуры статьи-кейса (формальной организации и шкал описания), соответствующих им двух типов мобильности (читателя и описываемого объекта) и двух типов семиотической переводов – концептуального внутри текста и социального во внешней коммуникации. Работа с материальными и социальными способами организации, а также семиотическими переходами между ними предполагает использование метода

---

<sup>536</sup> Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life.* – Princeton University Press, 2011.

<sup>537</sup> Latour B., Fabbri P. *The rhetoric of science: Authority and duty in an article from the exact sciences* // *Discourse and Writing/Rédactologie.* – 2000. – Т. 16. – № 1. – С. 115–134.

<sup>538</sup> Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life.* – Princeton University Press, 2011; Law J. *What's wrong with a one-world world?* // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory.* – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139.

материальной семиотики для анализа,<sup>539</sup> а также показывает его значимость для социоматериального эксперимента.

Однако остается вопрос, возможен ли и в какой форме социоматериальный эксперимент, реализованный в своем предельном виде не в рамках статьи, а в рамках повседневных практик? Или, если сформулировать иначе, может ли быть социальный канон эмпирическим, сохраняя акцент на формальной изменчивости, а не переходя к анализу содержания ритуала? В каких отношениях будет эмпирический и концептуальный канон и как первый будет связан с социоматериальным экспериментом? Чтобы выявить канон-ядро и ограничения рациональности постсоциалистической культуры, далее будет сделано три шага. Первый шаг позволит выявить каноническую форму для правового зонирования и выдвинуть гипотезу, какой исторический нарратив этот канон описывает. На втором шаге будет показано, как работает каноническая форма элементарной классики и как она позволяет уточнить характер исторического нарратива, связывающего фундаментальную социологию и правовое зонирование. В заключение будет предложена гипотеза, как исторический нарратив постсоциализма может быть преобразован в концептуальный нарратив «веселой науки» и цена такого изменения.<sup>540</sup>

Материалами для анализа выступают описанные ранее материалы по правовому зонированию и развитию фундаментальной социологии в России, а также материалы исследования российских урбанистических конкурсов, которое было проведено в 2016–2019 годах, и материалы по развитию образовательных программ в сфере городского планирования и урбанистики, а также городских исследований, которые были собраны в ходе различных исследований в период с 2012 по 2022 год. Все эти материалы будут

---

<sup>539</sup> Петров К. А. Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно // Социология власти. – 2023. – Т. 35. – № 2. – С. 18–37.

<sup>540</sup> Название «веселая наука» идет от Ницше, однако в данном случае отсылка идет к уже упоминавшемуся описанию стиля акторно-сетевых теоретиков Мол: Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике // Пермь : Гиле Пресс, 2017. – С. 8.

представлены в обобщенном виде, чтобы показать основную линию развития постсоциалистического канона и ограничения социоматериального эксперимента как метода.

### **Раздел 3.3. Локальный текст: техническая форма и городские изменения**

Два типа кейсов, которые связывает Ло в «Объектах и пространствах», объединены внутри текста лишь очень абстрактным описанием: и галеон, и зимбабвийский насос представляют собой конструкцию, состоящую из ядра и периферии, а также более или менее устойчивой границы между ними.<sup>541</sup> В случае португальского галеона эта граница является одновременно периферией и жесткой оболочкой-корпусом корабля.<sup>542</sup> Для зимбабвийского насоса жестким оказывается ядро – функция насоса *качать воду*, в то время как материальная конструкция насоса, способы его использования, качество поставляемой им воды и социальные отношения вокруг него могут меняться.<sup>543</sup>

Ло определяет мобильную технику насоса и галеона как обобщенную двухчастную структуру, способ действия которой задается ее более подвижными частями, отвечающими за мобильность объектов. Предельно обобщенное описание контрастных по форме действия техник позволяет Ло сделать видимым негеоморфный переход, который предполагает лишь воображаемую и социальную связь между объектами, а не физическую.<sup>544</sup> Тем не менее воображаемая связь двух кейсов имеет историческое основание и воплощается в материальной форме – каноническом принципе описания кейсов, которое переводит структуру объекта в организацию статьи.

---

<sup>541</sup> Лаэт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 171–232.

<sup>542</sup> Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // The Sociological Review. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 234–263.

<sup>543</sup> Лаэт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 171–232.

<sup>544</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

Правовое зонирование и элементарную классику можно описать как вариации обобщенного описания галеона и насоса. Это значит, что эти два формально не связанные между собой явления, которые тем не менее возникают и развиваются в одном времени и пространстве – в последние 30 лет развития российского постсоциализма, – не только являются примерами мобильной техники, но также могут быть связаны единым историческим нарративом. Далее будет показано, какие элементы подчеркивают описание правового зонирования как португальского галеона и элементарной классики как зимбабвийского насоса. В результате будет представлена гипотеза об их общем материальном каноне и о том, какое историческое явление/процесс он координирует.

Ло определяет португальский галеон двойко, как «неизменную мобильность», то есть объект, который способен не менять внутреннюю логику, перемещаясь на значительные расстояния.<sup>545</sup> Такое определение корабля означает, что он способен быть мобильным в евклидовом пространстве или пространстве регионов, но сохраняет свое положение в сети отношений, если его рассматривать как сетевой объект. Это определение можно расширить, если посмотреть на структуру описания португальского галеона в изначальной статье Ло 1984 года.<sup>546</sup> Структура статьи показывает, как происходит переход между мобильностью и неизменностью корабля. Повествование в статье 1984 года подчиняется линейной логике изложения, но это линейное движение по тексту выстроено через серию вопросов и ответов, которые образуют замкнутую, циклическую структуру. В начале вопросы и ответы касаются самых общих проблем, связанных с контролем на расстоянии, затем переходят к более детальному описанию принципов действия корабля и навигации. Таким образом, перемещение в евклидовом пространстве текста оказывается лишь результатом мобилизации кораблем

---

<sup>545</sup> Там же.

<sup>546</sup> Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // *The Sociological Review*. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 234–263.

сетей различного масштаба и отражению движения – от масштаба самого корабля к навигационной системе, и затем к португальской имперской системе торговли. Корабль не меняется, меняется лишь способ его описания.

Если попытаться развить логику «неизменной мобильности» для правового зонирования и ПЗЗ как его основного инструмента, то три техники правового зонирования, которые включены в документ, – карты, процедуры и параметры застройки – будут отображать три масштаба сетей. Карты создают наиболее плотную сеть, основанную на близких перемещениях, процедуры обеспечивают доступ к более удаленным объектам, и, наконец, параметры застройки описывают наиболее обобщенную и разреженную сеть отношений, которую можно уподобить португальской имперской торговой сети.<sup>547</sup>

Однако карты, процедуры и параметры застройки – это техники, которые существуют внутри объекта и позволяют ему регулировать социальные отношения в конкретной ситуации. В то же время корабль также путешествует во внешних сетях, которые лишь частично связаны с его внутренней структурой. Такими сетями для ПЗЗ будет серия либеральных российских реформ, как сеть отношений, перенесенная из евро-американской практики, Градостроительный кодекс 2004 года и система градостроительной документации конкретного населенного пункта (города), в которую встроены ПЗЗ.<sup>548</sup>

Сравнивая два набора сетей – внутренний и внешний – с точки зрения действия ПЗЗ, необходимо отметить, что в первом случае технические инструменты регулируют социальные отношения, а во втором – ПЗЗ как социальная техника упорядочивает правовую технику различных масштабов. Путешествие ПЗЗ как мобильной техники из американской в российскую правовую и градостроительную практику носит в этой логике формально

---

<sup>547</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>548</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

линейный характер, перемещаясь из одной национальной правовой системы в другую. Однако, так же как и в случае с кораблем, где ключом к контролю-на-расстоянии оказывается система навигации,<sup>549</sup> для ПЗЗ формальное единство градостроительной практики обеспечивается схожестью параметров регулирования застройки и индексов зон.

Тем не менее остается вопрос, в какой мере ПЗЗ позволяют осуществлять контроль-на-расстоянии, который подразумевает единство и согласованность правовой практики градостроительства в американской и российской традиции. Анализ градостроительной реформы показывает, что контроль на расстоянии в случае ПЗЗ оказался контролем расстояния, то есть степени подконтрольности практик использования и прав собственности в отношении недвижимости – земельных участков и застройки. В то же время способ действия правового зонирования в американском и постсоциалистическом контекстах значительно отличается, и общим остается лишь формальная структура документа как объекта и обобщенная техника регулирования.<sup>550</sup>

Чтобы понять, как действуют ПЗЗ при контроле в ближней зоне, необходимо вычлениить и описать их способ действия как отдельного инструмента, а не как элемента муниципальной градостроительной системы. Основной технической функцией ПЗЗ является обоснование для формирования «градостроительного плана земельного участка» (ГПЗУ), который выступает фактически техническим заданием для преобразования конкретной территории. Документ ГПЗУ включает карту границ земельного участка с определенными для них координатами, виды разрешенного использования участка и предельные параметры его развития. Таким образом,

---

<sup>549</sup> Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // *The Sociological Review*. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 234–263.

<sup>550</sup> Hart P. (1998). *Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion. Novgorod Regional Investment Initiative* (ed. M. Miller) Available at: <https://www.urban.org/sites/default/files/publication/70786/411083-Novgorod-Regional-Investment-Initiative.PDF> (Accessed at 08.03.2023).

в остатке ПЗЗ упрощаются до *карты* одного участка вместо всего города и *параметров его изменений*. Процедурная и наиболее явная социальная часть действия ПЗЗ в техническом варианте выпадает.<sup>551</sup>

Одновременно с этим процедура разработки и введения ПЗЗ требует детального описания территории города. Высоковский, разрабатывая первые документы ПЗЗ, формировал списки видов разрешенного использования территории как предельное детальное описание существующего положения, почти топографическое.<sup>552</sup> Производя подобные описания, Высоковский опирался на социологическую практику *обследований* городских районов, их социальных и гигиенических условий, с которой начиналась полевая социология в XIX веке.<sup>553</sup> Таким образом, оборотной стороной влияния ПЗЗ и их технического артефакта в виде ГПЗУ или технического ТЗ на проектирование стало развитие городских исследований как прикладного направления или того, что традиционно называется *studies*.

По аналогии с исследованием кейсов (*case-study*) можно предположить, что для исследований города или городских исследований предметом изучения является исследование сложной и противоречивой формы организации, которую предлагает город.<sup>554</sup> Тогда город является единицей анализа в городских исследованиях, так же как кейс является единицей анализа в кейс-стади. Социальные обследования городов, которые фиксируют их разнообразные повседневные практики и отражают локальные языки описания,<sup>555</sup> демонстрируют спектр возможных интерпретаций для

---

<sup>551</sup> Волкова Н. А. Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22. – № 5. – С. 54–82.

<sup>552</sup> Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М.: Русская панорама, 1999.

<sup>553</sup> Подробнее о методе социальных обследований см.: Батыгин Г. С. Три типа социологического дискурса: исторический очерк // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. – № 2. – С. 245–262.

<sup>554</sup> Вальверде М. Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 116–139.

<sup>555</sup> Алексеевский М. и др. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 179–209.

технического задания в виде ГПЗУ, которое формируется на основе правового зонирования в ПЗЗ. Таким образом, город оказывается галеоном, который формируется набором зон и картой как способом навигации по ним, а ПЗЗ и ГПЗУ показывают его способы репрезентации в других сетях, связанных с удаленным или непосредственным контролем.

#### **Раздел 3.4. Изменчивый канон: социология пространства и техническая форма**

Формально фундаментальная социология в постсоциалистической России не связана с развитием городских исследований. Более того, в наиболее радикальных формах представители фундаментальной социологии относятся к *studies* как к деятельности, не имеющей отношения к теоретической или научной коммуникации.<sup>556</sup> В то же время в начале 1990-х годов Филиппов видел основание для развития фундаментальной социологии в России через возвращение к кантианским категориям пространства и времени как основанию социологии. Филиппов описывает пространство как способ структурировать коммуникацию или временные взаимодействия, поскольку оно придает коммуникации или взаимодействию форму события.

Размер или фундаментальность пространства зависит от того, насколько оно «большое по смыслу»,<sup>557</sup> при этом устойчивое большое пространство политической коммуникации Филиппов называет «империей». Осмыслить «большое пространство» России Филиппов предлагает с помощью теоретических ресурсов социологии, но тогда и фундаментальный характер социологии оказывается «большим» и «имперским». В то же время, чтобы сделать возможной теоретическую коммуникацию по поводу большого

---

<sup>556</sup> Расшифровка дискуссии Полины Колозариди и Константина Гаазе «Социальные исследования после метода»: семинар (г. Москва, МВШСЭН) / П. Колозариди, К. Гаазе // Московская высшая школа социальных и экономических наук : [сайт]. – URL: <https://www.msses.ru/media/video/sotsialnye-issledovaniya-posle-metoda-rasshifrovka-diskussii/> (дата обращения: 16.02.2025).

<sup>557</sup> Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / под ред. С. Чернышева. – 1995. – Т. 3. – С. 421–476. – URL: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (дата обращения: 16.02.2025).

пространства империи, Филиппов сужает круг работ классиков социологии, с текстами которых он взаимодействует, до элементарного набора – Гоббс, Руссо, Теннис, Дюркгейм, Вебер и Зиммель.<sup>558</sup>

Элементарный характер классики позволяет ей действовать как мобильной и подвижной технике, которая организует коммуникацию. Если социология как наука пытается осмыслить империю, то *исследования или studies* связаны с работой элементарной классики и смыслом коммуникации и взаимодействий в постсоциалистическом пространстве. *Исследования* оказываются отличны от специальных социологий среднего уровня, развивавшихся в СССР, поскольку не замкнуты внутри своего поля и направлены на открытое взаимодействие.

Можно наблюдать, что элементарная классика работает как подвижная или текучая техника, подобно зимбабвийскому насосу.<sup>559</sup> С одной стороны, Филиппов выделяет узкий круг классических фигур социологии, которые в нее входят. С другой стороны, этот круг не является закрытым. Наоборот, внутри самого круга классиков могут быть противоречия в определении понятий, а также их круг может расширяться для более точного схватывания и описания наблюдаемой реальности. Тогда как в случае насоса круг элементарных классиков оказывается ядром – вокруг которого возникает периферия – пространство социальной коммуникации и исследований постсоциализма.

Как можно увидеть из анализа структуры статьи,<sup>560</sup> описывающей кейс зимбабвийского насоса, его отличительной чертой является не только его подвижность в пространстве между Европой и Африкой, но также его существование на грани между чувствами (любовью) и сухой технической инструкцией. Этот переход – движение от нерационального к рациональному

---

<sup>558</sup> Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – М. : Рипол Классик, 2019.

<sup>559</sup> Лаэт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 171–232; Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

<sup>560</sup> Волкова Н. А. Неклассический канон ANT/STS: как корабль превращается в насос? // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 39–80.

отношению – определяет общую структуру статьи и изменение стиля изложения от начала к ее концу. Переход между рациональным и эмоциональным задает основное условие мобильности текучей техники: ее способность минимизировать социальную включенность в отношения и работать как простой рациональный материальный объект. Таким образом, зимбабвийский насос показывает, что техника как способ организации канонического действия может быть изменчивой в зависимости от степени включенности в социальные сети, взаимодействия и коммуникацию.

Если элементарная классика работает как зимбабвийский насос, то она, так же как насос, должна быть способна осуществлять переход между нерациональным и рациональным способом действия и тем самым делать видимым канон, который лежит в ее основе. Когда элементарная классика возникает как основа фундаментальной социологии из кажущегося эклектичным перечисления теоретических ресурсов,<sup>561</sup> она выступает скорее как эмоциональная, нерациональная практика описания наблюдаемых событий. Тогда в ранней форме социология пространства Филиппова появляется как инструмент осмысления и рационализации времени «после формального распада СССР, [когда] «чрезвычайных событий... много, промежутки между ними невелики и процесс, судя по всему, еще не пришел к завершению».<sup>562</sup> Уже позже, с оформлением фундаментальной социологии в начале 2000-х, социология пространства Филиппова обретает более концентрированную и рациональную форму – материальную в тексте

---

<sup>561</sup> Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / под ред. С. Чернышева. – 1995. – Т. 3. – С. 421–476. – URL: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (дата обращения: 16.02.2025); Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 43–97.

<sup>562</sup> Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / под ред. С. Чернышева. – 1995. – Т. 3. – С. 421–476. – URL: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (дата обращения: 16.02.2025).

докторской диссертации и коммуникативную в теории социальных событий, которые разворачиваются и наблюдаются в пространстве.<sup>563</sup>

Вместе с переходом к более формализованному и рациональному представлению социологии событий меняется и масштаб пространства, о котором говорит Филиппов. В двух статьях «Прикладная социология пространства» (2009)<sup>564</sup> и «Пустое и наполненное» (2011)<sup>565</sup> Филиппов работает уже не с «большим пространством» империи, а с его уменьшенной версией – «городским публичным местом». Публичное место и «реальный город» Филиппов противопоставляет тексту и текстуре как пространство, где разворачивается полнота социальных событий. Таким образом, возникает переход от социологии пространства к социологии города и городского, как способ более рационального и более детального исследования пространства.

С точки зрения работы с элементарной классикой этот переход предполагает существенное расширение ядра: от теоретических и философских наблюдений Зиммеля и эмпирических описаний представителей Чикагской школы.<sup>566</sup> Возникает парадокс: с точки зрения прикладных исследований и коммуникации исходная версия элементарной классики предполагает более субъективное описание, в то время как ее расширенная версия позволяет сделать описание техническим и объективным. В то же время социология города или городские исследования, действуя как *studies*, делают коммуникацию эмпирической и ориентированной на материальную организацию конкретного места, локуса или города и их публичные, видимые формы.

---

<sup>563</sup> Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05. – М. : ГУ ВШЭ, 2004.

<sup>564</sup> Филиппов А. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 3–15.

<sup>565</sup> Филиппов А. Пустое и наполненное: трансформация публичного места // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 16–29.

<sup>566</sup> Филиппов А. Ф. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. – 2012. – № 5. – С. 8–23.

Остается вопросом, как элементарная классика за счет расширения в социологию города связана с регулированием городского пространства и градостроительной реформой. С точки зрения авторов градостроительной реформы, публичные пространства не входили в правовое зонирование города, поскольку регулирование должно было происходить в общественных интересах и поэтому ограничивать лишь права собственников, частного землевладения и землепользования.<sup>567</sup> Таким образом, анализируя общественные пространства и принципы их использования, социология города не входит в прямое соприкосновение с правовым зонированием, вернее, делает возможным регулирование этих пространств, не обращаясь к правовой технике градостроительства.

В отличие от ПЗЗ, которые регулируют, прежде всего, «сильные правомочия» собственности<sup>568</sup> – владение и распоряжение, рассматривая публичные пространства сквозь призму социологии города, Филиппов делает акцент на использовании территории, независимо от правового статуса участников.<sup>569</sup> Таким образом, элементарная классика, действуя через описательные техники исследования, задает оптику, которая делает видимыми наименее проявленные городские процессы, усиливает их и придает им внешнюю, материальную форму.

На практике инструментом формализации социальных практик использования городского пространства становятся разнообразные техники расширения круга интересантов и включения их в обсуждения сценариев городских изменений – от международных конкурсов до сессий вовлечения.<sup>570</sup>

---

<sup>567</sup> Вальверде М. Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 116–139.

<sup>568</sup> Вальверде М. Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 116–139.

<sup>569</sup> Филиппов А. Пустое и наполненное: трансформация публичного места // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 16–29.

<sup>570</sup> Веретенников Д. И. Конкурсный метод в архитектуре и градостроительстве и оценка его эффективности на примере Санкт-Петербургских конкурсов 1991–2017 гг. // Урбанистика. – 2018. – № 2. – С. 76–86; Ткаченко С. Б. Концепции застройки Зарядья: от гостиницы до парка // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2019. – Т. 9. – № 1 (28). – С. 196–213.

Разнообразие социальных инструментов, с помощью которых выстраиваются городские описания – от академических до партисипаторных и активистских методов, например, международных проектных конкурсов, – объединяет неизменная задача – составить на основе исследований техническое задание для проектирования. Элементарная форма такого задания включает основные группы пользователей, сценарии использования пространства, а также распределение основных зон и их параметров.<sup>571</sup>

Таким образом, техническое задание на развитие отдельной территории становится канонической формой для городских исследований и социологии города. В то же время правовое зонирование и элементарная классика фундаментальной социологии оказываются связаны через историю развития городских исследований в период после распада СССР. Описательные методы обследований в городских исследованиях/*studies* делают видимым, с одной стороны, действие постсоциалистического канона как техники, а с другой – как формы организации коммуникации.

### **Раздел 3.5. Сети городских исследований: мерцающая объективность и (не)публичная экспертиза**

Опираясь на анализ действия правового зонирования и социологии города, можно утверждать, что техническое задание (ТЗ) для развития участка или для проектирования является каноном городских исследований и структурирует практическую коммуникацию о пространстве. Тем не менее формы ТЗ, с которыми работает правовое зонирование и которые существуют в области социальных исследований города, остаются предельно различными. Они задействуют различные социальные и технические параметры. ТЗ в области правового зонирования имеет форму карты с перечислением

---

<sup>571</sup> Порядок составления технического задания на разработку проекта мастер-плана // Механизмы разработки и внедрения мастер-плана : Национальный стандарт мастер-планов. Книга 3. Глава 2. – С. 22-37. – URL: <https://вэб.рф/natsionalnyy-standart-master-planov/> (дата обращения: 16.02.2025).

основных технико-экономических параметров.<sup>572</sup> ТЗ или технических бриф для проектных конкурсов может иметь различную форму в зависимости от целей конкурса, но всегда представляет собой развернутую текстовую часть с постановкой задач, юридическую часть отношений с участниками конкурса и техническую часть, в которой описываются форма и критерии для презентации и оценки конкурсных материалов.<sup>573</sup> Только последняя, техническая часть формально близка к ТЗ на основе правового зонирования: так же как и кадастровое описание участка (ГПЗУ), она задает набор технических параметров и способов их технического представления.

Если ТЗ являются канонической техникой, которая структурирует многообразие методов и форм коммуникации в городских исследованиях на постсоциалистическом пространстве, то остается неясным, как они совмещают устойчивость и изменчивость. Стабильной основой для городского планирования в любой ситуации выступает карта с границами земельных участков, независимо от того, определены они правовым и техническим образом или на основе исследований и концептуализации результатов. Тогда ТЗ определяет границы: момент перехода между анализом и планированием, разграничение между проектируемой территорией и окружением, границы между этапами освоения участка.<sup>574</sup> Тем не менее принципы выделения этих границ и способы их индексации через технические и измеримые параметры могут быть различными в зависимости от способа коммуникации, который они структурируют. Материальная организация

---

<sup>572</sup> Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы: исследование / Е. В. Короткова, К. В. Мокрушина, Е. В. Куричева [и др.] ; под общ. ред. К. В. Мокрушиной, С. А. Журавлева ; Московский урбанистический форум, Сколково. – М. : Сити Сфера, 2016. – С. 107. – URL: [https://urbc.skolkovo.ru/downloads/documents/SUrbC/Research Reports/SKOLKOVO UrbC Research 2016-06\\_ru.pdf](https://urbc.skolkovo.ru/downloads/documents/SUrbC/Research Reports/SKOLKOVO UrbC Research 2016-06_ru.pdf) (дата обращения: 16.02.2025).

<sup>573</sup> Глава 2. Порядок составления технического задания на разработку проекта мастер-плана // Механизмы разработки и внедрения мастер-плана : Национальный стандарт мастер-планов. Книга 3. – С. 22–37. – URL: <https://вэб.пф/национальный-стандарт-мастер-планов/> (дата обращения: 16.02.2025).

<sup>574</sup> Смирнягин Л. В. Районирование общества: методика и алгоритмы // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – 2011. – С. 55–82.

коммуникации – пространственное зонирование или временное членение – оказывается канонической формой действия для городских исследований.

Когда Ло описывает эксперимент Бойля и литературную технику, которая выступает как каноническая форма представления результатов эксперимента, он утверждает, что эта техника позволила Бойлю выстроить сообщество ученых-экспериментаторов, которые подтверждают воспроизводимость результатов его эксперимента.<sup>575</sup> Социальные отношения и сети нужны для того, чтобы стабилизировать результаты эксперимента, подтвердить его объективность. Канон организует отношения между участниками сети таким образом, чтобы она работала на поддержку эксперимента.

В отличие от литературной техники Бойля, канон городских исследований неустойчив и изменчив – его единство можно наблюдать только на концептуальном уровне как технику разграничения и планирования процессов.<sup>576</sup> Однако на примере отношений между техникой правового зонирования и фундаментальной социологией проявляется их взаимная *дополняемость*. Мобильная материальная техника ПЗЗ дополняется мобильностью элементарной классики, а изменчивость социальных взаимодействий в случае правового зонирования стабилизируется за счет текстов и техники медленного чтения, с которыми работает фундаментальная социология. В результате городские исследования, которые возникают как периферия правового зонирования и элементарной классики, обретают устойчивую форму и канонический способ действия.

Граница, на которой действуют городские исследования, на периферии эстетических и этических изменений, требует для стабилизации особого рода

---

<sup>575</sup> Law J. What's wrong with a one-world world? // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 126–139.

<sup>576</sup> Волкова Н. А. Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника // *Экономическая социология*. – 2021. – Т. 22. – № 5. – С. 54–82.

объективности – мерцающей (*fire*).<sup>577</sup> Этот тип перехода описывают Ло и Синглетон, представляя его как присутствие в пространстве через отсутствие (например, алкоголик отсутствует как явление в клинике по лечению от алкоголизма, потому что он там не может пить). Такое определение предполагает, что мерцающая объективность будет очень локальной, поскольку она существует на пересечении *исключающих* друг друга пространств. Переход от взаимно дополняющих друг друга техник к взаимно исключаящим пространствам происходит потому, что практически невозможно достигнуть полноты и, следовательно, объективности в одном пространстве и времени, которую предполагают соединение столь различных техник. Иначе говоря, ПЗЗ работают со степенью рациональности и материальности изменений, элементарная классика регулирует степень субъективности суждений, а городские исследования пытаются совместить эти два способа действия и поэтому работают как баланс ограничений рациональности и субъективности.

Для организации социальной сети мерцающий тип объективности, характерный для городских исследований, означает исключение возможности появления устойчивого объективного знания. Это может быть объяснено тем, что при мерцающем типе объективности возникает необходимость совмещать различные, противоречащие друг другу или друг друга исключаящие представления и формы знания. Форма знания, характерная для городских исследований, также обладает спецификой, поскольку городские исследования возникают на периферии четко очерченных областей знания с устоявшимся понятийным аппаратом. В отличие от них, городские исследования взаимодействуют не с устойчивым знанием, полученным путем

---

<sup>577</sup> Law J., Singleton V. Object lessons // Organization. – 2005. – Т. 12. – № 3. – С. 331–355.

воспроизводимых исследований, а с экспертизой, которая является расширением устойчивого знания в область возможного применения.<sup>578</sup>

Ориентация на экспертизу, характерная в целом для прикладных исследований, предполагает смещение от объективно воспроизводимого знания к более субъективным суждениям.<sup>579</sup> Поскольку экспертиза возникает в результате расширения воспроизводимого знания, ее оказывается невозможно стабилизировать через дополнение или проверку объективными фактами – экспертиза соединяет неконвенциональным с точки зрения теории практическим способом различные фрагменты существующих объективных знаний.<sup>580</sup> Тогда единственным способом достигнуть объективности и совместить различные экспертизы в одном пространстве становится ситуация, где одно экспертное суждение отражается в технике организации взаимодействия, а другое представляется явным образом.

Примером практического воплощения мерцающей объективности городских исследований в постсоциалистической России становятся урбанистические форумы.<sup>581</sup> Поскольку форумы являются профессиональной площадкой, их организацией и деловой программой занимаются эксперты из области городского планирования или урбанистики. Экспертиза организаторов программы остается невидимой и непубличной, в отличие от спикеров форумов, представляющих экспертизу публично. Непубличная экспертиза тем не менее также может обрести материальное выражение, например, в форме исследований, заказанных к конкретному форуму. Однако эти исследования тоже будут иметь скорее экспертную, нежели

---

<sup>578</sup> Bijker W. E., Bal R., Hendriks R. The paradox of scientific authority: The role of scientific advice in democracies. MIT press, 2009.

<sup>579</sup> Law J. On the subject of the object: Narrative, technology, and interpellation // Configurations. – 2000. – Т. 8. – № 1. – С. 1–29.

<sup>580</sup> Ритвельд Э. Богатый ландшафт аффордансов // Социология власти. – 2024. – Т. 36. – № 2. – С. 170–206.

<sup>581</sup> Трубина Е. Тридцать лет академической урбанистики в постсоветской России // Новое литературное обозрение. – 2022. – № 6. – С. 125–145.

академическую форму.<sup>582</sup> В результате социальные сети, которые образуют канон городских исследований, в отличие от сетей Бойля, оказываются не профессиональными, а экспертными, разделяя акторов, действующих в сфере городских исследований, на публичных и непубличных («технических») экспертов.

Мерцающий характер объективности в городских исследованиях и совмещение публичных и непубличных экспертиз указывают на высокую изменчивость степени объективности суждений в зависимости от того, в какой степени они исключают друг друга. В случае, если публичная и непубличная экспертиза частично совпадают в периферийных вопросах, то становится возможным более четко провести различие между объективными и субъективными суждениями. Если публичная и непубличная экспертиза исключают друг друга практически полностью, объективность становится предельно текучей и выражается в неявной форме.<sup>583</sup> Таким образом, становятся видны риски в действии канона городских исследований и – шире – постсоциалистической культуры в России: мерцающая объективность оказывается рискованной и неустойчивой, когда переходы задействуют чистые или радикальные формы знания.

### **Раздел 3.6. Фабрикация культуры: пределы социоматериального эксперимента**

Возвращаясь к канону социальных исследований, о котором говорит Ло, можно утверждать, что канон как техника упорядочивания действует не только в рамках теоретической коммуникации, но также и в социальных взаимодействиях. Канон позволяет быстро перемещаться между различными теоретическими кейсами в теоретическом пространстве, но также он

---

<sup>582</sup> Глазков К. П. Археология периферии: шесть лет спустя // Городские исследования и практики. – 2019. – Т. 4. – № 2 (15). – С. 86–103.

<sup>583</sup> Волкова Н. А. Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // Социология власти. – 2019. – Т. 31. – № 2. – С. 92–115.

соединяет между собой различные формы организации знания и понятийные аппараты в эмпирическом пространстве. И в том, и в другом случае канон определяет форму коммуникации вокруг различных способов познания. Однако в ситуации текстов коммуникация оказывается теоретической и воображаемой,<sup>584</sup> в то время как в эмпирическом поле коммуникация связана с экспертизой и возможностями расширения пространства интерпретаций.<sup>585</sup>

В результате в основе канонического способа действия лежит попытка установить баланс рациональности и нерациональности через введение разных форм объективности. Поэтому канон как элемент теоретической и практической коммуникации регулирует два типа объективности: описаний и репрезентаций (интерпретаций).<sup>586</sup> Первый тип объективности предполагает различение рациональных и субъективных элементов исторической коммуникации через выделение концептуальных оснований описываемых ситуаций. Второй тип объективности, наоборот, различает рациональные и субъективные суждения в концептуальной форме, сталкивая их с конкретными событиями исторической коммуникации. Эти два способа исследования ограничений объективности могут относиться и к одному канону как технической форме, имеющей значение и для концептуальной, и для исторической коммуникации. Тогда возникает вопрос, *какие* границы или ограничения определяет действие подобного канона? Иначе говоря, как воплощается в эмпирической реальности действие и результаты социоматериального эксперимента?

Условием выделения канонической формы ANT/STS в «Объектах и пространствах» выступает особенность, которую не упоминает Ло, но о которой говорит Мол: возможность играть с теориями и смеяться в рамках

---

<sup>584</sup> Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.

<sup>585</sup> Bijker W. E., Bal R., Hendriks R. The paradox of scientific authority: The role of scientific advice in democracies. – MIT press, 2009.

<sup>586</sup> Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 95–156,

обсуждений на теоретическом семинаре.<sup>587</sup> В «Объектах и пространствах» и других текстах Ло конца 1990-х – начала 2000-х эта концептуальная игра воплощается через включение различных кейсов в обсуждения в рамках одной статьи или книги.<sup>588</sup>

Но этого недостаточно. В «Объектах и пространствах» Ло идет дальше и конструирует текст как предельно формализованную структуру, практически как музыкальную партитуру или произведение схоластов. Подход Ло к формальной работе с текстом выражается в том, как выстраиваются отношения между разными функциональными частями текста: заголовками и текстом разделов, первыми и последними предложениями абзацев, частями сложных предложений. Фактически Ло показывает, как он поэтапно разворачивает название «Объекты и пространства» в структуру статьи – две равноценные части про галеон и про насос и промежуточную часть между ними («и» в названии), которая помогает их концептуально связать.<sup>589</sup> Точно так же он поступает с названиями разделов, где слову в названии соответствует один или несколько абзацев, а затем структурирует сами абзацы.

Подобный предельно формализованный подход к тексту, который можно сравнить с уровнем формализации поэтического текста, открывает возможности концептуальной игры с понятиями, образами и их способами описания. Таким образом, Ло показывает, что предельная формализация описаний, которая строится изначально на основе эмпирического материала и складывающегося в нем канона, является условием для экспериментирования, игры и коммуникации на уровне текста и теории. При этом подобный формализованный в эмпирическом и концептуальном пространстве канон определяет способ или культуру коммуникации, его форму организации и

---

<sup>587</sup> Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике // Пермь : Гиле Пресс, 2017. – С. 8.

<sup>588</sup> Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – Изд-во Института Гайдара, 2015.

<sup>589</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.

технику. Игра с канонem делает видимой границу между рациональным и эмоциональным, характерную для данной культуры.

В случае российского постсоциализма остается вопрос, насколько возможно говорить, что городские исследования и их канон включены в социоматериальный эксперимент или насколько этот эксперимент завершен. С одной стороны, представляя городские исследования и ТЗ как его эмпирический канон, можно говорить о том, что ТЗ показывает, как происходит перевод эстетических изменений в этические, и наоборот, в постсоциалистическом российском пространстве. С другой стороны, в этом случае городским исследованиям недостает того жеста, который делает Ло, сравнивая галеон и насос: отказа от серьезности.<sup>590</sup> В этом можно увидеть основную проблему разговора о постсоциализме как самостоятельной форме коммуникации или эмпирической культуре – даже выходя на уровень обобщения эмпирических наблюдений, описание постсоциалистических практик остается предельно серьезным и не предполагает возможности концептуальной игры.<sup>591</sup>

Есть и другой вариант, когда концептуальная игра в пространстве постсоциализма возникает в отрыве от эмпирических и наблюдаемых практик и реализуется лишь в пространстве концептуальных идей и образов (Ямпольский, Парк культуры).<sup>592</sup> Тогда возникает другая проблема, игра перестает быть коммуникацией, поскольку утрачивает связь с процессами, которые разворачиваются во времени. Канон, который возникает в этом случае, не описывает и не упорядочивает практики или способы

---

<sup>590</sup> Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42; Law J. On the subject of the object: Narrative, technology, and interpellation // Configurations. – 2000. – Т. 8. – № 1. – С. 1–29.

<sup>591</sup> Гудзь Т. В. Правовое зонирование. Регулирование городской застройки. Опыт Перми / Т. В. Гудзь, И. В. Карасельникова, Н. А. Косолапов. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

<sup>592</sup> Ямпольский М. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. – М. : Новое издательство, 2018.

коммуникации, а пытается, наоборот, подогнать их под собственные формы, игнорируя противоречия и конфликты, с которыми сталкивается.

Две описанные крайности – предельной серьезности и предельной концептуальной игры – отражают два полюса отношений, с которыми работает эмпирический канон постсоциализма: радикальную рационализацию и радикальный субъективизм. В то же время склонность к этим крайностям делает видимыми пределы социоматериального эксперимента – он работает на балансе веселого и серьезного, не склоняясь ни в одну из крайностей.

Таким образом, чтобы разговор о постсоциализме приобрел черты социоматериального эксперимента в его предельной форме и показал ограничения и риски постсоциализма и способы их изменений, необходимо выбрать правильную дистанцию по отношению к объекту описания. Такая дистанция не должна быть слишком близкой, чтобы не углубиться в серьезные рассуждения, но и не слишком далекой, чтобы не свести разговор к игре ума.

Говоря эмпирически, необходимо выйти за ограничения данного исследования, то есть границы российской версии постсоциализма, и сравнить ее с другой. Это вызвано, прежде всего, тем, что постсоциализм является результатом распада иной, более крупной формы организации – СССР.<sup>593</sup> Поэтому, чтобы определить постсоциализм, необходимо описать особенности его развития в двух независимых частях, которые образовались после распада СССР. Различия в этих версиях, а также тот канон и способ достижения объективности описания, который окажется возможным в другой стране, позволит описать постсоциализм как эмпирическую культуру и предложить логику объяснения ее изменчивости. Тогда социоматериальный эксперимент в отношении постсоциализма будет представлен в предельной форме, достаточно удаленной, чтобы отказаться от тяготения к крайностям.

---

<sup>593</sup> Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 43–97.

Пока социоматериальный эксперимент в отношении постсоциализма не доведен до окончательной формы, результаты анализа представляют не эмпирические границы культуры постсоциализма, а лишь их фабрикацию, то есть их материальную и ограниченную версию. Невозможно также утверждать, что можно говорить о российских особенностях постсоциалистической культуры, поскольку они связаны в этом случае с более сложной сетью отношений постсоциализма.

В то же время в предельной форме предметом изучения социоматериального эксперимента будут различные этические и эстетические фабрикации культуры. Подобные фабрикации будут двух видов: одни будут следствием мобильности социальной и материальной техники между различными культурами, а другие в форме канона будут организовывать мобильность и распределение знаний.<sup>594</sup> В результате социоматериальный эксперимент делает видимыми эмпирические и материальные границы культуры как границы изменчивости ее этических и эстетических фабрикаций. В то же время социоматериальный эксперимент показывает, как этические и эстетические фабрикации культуры делают видимыми организацию и распределение знания.

Таким образом, завершенность социоматериального эксперимента или его работа с конкретными локальными фабрикациями культуры зависит не только от методов перехода и принципов концептуализации, но и от выбранной перспективы в локальном контексте конкретной культуры. В результате пределы реализации социоматериального эксперимента устанавливает также масштаб рассмотрения, который позволяет структурировать особенности исторической коммуникации данной культуры.

## **Вывод по главе 2**

---

<sup>594</sup> Bijker W. E., Bal R., Hendriks R. The paradox of scientific authority: The role of scientific advice in democracies. – MIT press, 2009.

## ***Обобщение полученных результатов***

Рассмотренные в Главе 2 кейсы позволяют показать, как определение материальной культуры и границ ее рациональности становится возможным благодаря СМЭ:

1. В первых двух кейсах правового зонирования и элементарной классики показано, что эмпирические кейсы СМЭ всегда связаны со сборкой и координацией техник, которые будут контрастны по отношению к способу координации. Так, этической сборке правового зонирования соответствуют эстетические техники описания городов и земельных отношений. Эстетическая сборка элементарной классики координирует этические техники-стратегии чтения.

2. Кейс этической сборки показывает, как разворачивается серийная версия СМЭ, где СМЭ дробится на более частные экспериментальные ситуации, связанные с отдельными элементами инструмента правового зонирования. Однако серийная версия СМЭ требует стабилизации в другом масштабе: поскольку этого не происходит с правовым зонированием, реформа, с которой было связано его внедрение, фактически откатывается назад и обнуляется спустя 20 лет.

3. Кейс эстетической сборки элементарной классики демонстрирует возможность альтернативного, поэтапного расширения действия СМЭ с этическим переосмыслением через различные техники чтения и описания наблюдаемой постсоциалистической социальной реальности и организации отношений.

4. Формирование канона городских исследований происходит в зоне пересечения более устойчивой эстетической сборки элементарной классики с менее устойчивой этической сборкой правового зонирования. Канон позволяет описать переходы между этими двумя сборками как способы дробления и объединения этических и эстетических техник, однако в целом координация отношений между эстетическими и этическими техниками

остается формальной и технической: только так сохраняется возможность в рамках описания городских отношений избежать открытых конфликтов и непримиримых противоречий.

5. Таким образом, развернутая форма СМЭ предполагает возможность перехода между этическими и эстетическими сборками и способами координации техник, однако для определения ограничений конкретной культуры необходимо рассмотреть как минимум два кейса такого перехода: технический/формальный и этический/социальный.

### *Экспресс-форма СМЭ: тезисы к кейсу Казахстана*

Этический формат перехода между различными формами сборки и версиями СМЭ будет представлен далее в виде краткого набора тезисов, которые представляют собой результат экспресс-анализа в логике социоматериального эксперимента в случае канона «городских исследований» в Казахстане. Для Казахстана, так же как и для России, характерен перенос техники правового зонирования в практику городского регулирования: преимущественно в городах республиканского значения, но сама техника закреплена на республиканском уровне. Однако в силу того, что данная техника не стала общепринятой, она сохраняет характер эстетической сборки, которая позволяет координировать и упорядочивать различные этические позиции и способы формализации социальных отношений в городе. Аналогично с правовым зонированием действует и логика дизайн-кода, который введен в Астане и в Алматы в последние годы.<sup>595</sup>

С другой стороны, практика диалога о городе, формирование знаний о городе происходит преимущественно в формате этической сборки, когда различные аспекты публичных современных, казахстанских или зарубежных нарративов выступают как фрагменты для выстраивания общей

---

<sup>595</sup> Тлеукен А., Лабунцова М. Мобильные практики регулирования: Дизайн-код и бюджет народного участия // ULY DALA: Журнал городских и социальных исследований. – 2023. – № 1(6). – С. 112–163.

объединяющей их логики представления города и различных срезов его жизни и отношений.<sup>596</sup>

В этом случае канон городских исследований скорее будет предполагать выстраивание формальных связей внутри групп городских исследователей, которых можно условно представить как модернистов, просветителей и консерваторов, однако внешняя координация групп будет выстроена по этическим параметрам на основе отношения к городу, к сообществу и к тому, как выстраивается коммуникация.<sup>597</sup>

Эти наблюдения показывают, что в экспресс-форме СМЭ ключевыми становятся соотношение мобильного объекта или субъекта с контрастным ему способом координации. Если в случае российского постсоциализма речь шла преимущественно о мобильных объектах, то в случае Казахстана это представляется иначе: точечный характер практик и значимость нарратива указывают скорее на наличие мобильных субъектов – учившихся или перенявших новые практики, которые они переносят на национальную почву.

### *Теоретическая значимость полученных результатов*

Анализ принципов действия СМЭ на эмпирических кейсах показывает, что техники эксперимента, несмотря на видимую формальную простоту его описания, предполагают достаточно детальный и нюансный разбор, который позволяет понимать особенности динамики изменений как на макро-, так и на микромасштабе.

В то же время СМЭ работает как инструмент масштабирования и перевода между различными формами и организацией изменений: от макро (реформы) до микро (чтение текстов), от институциональных до

---

<sup>596</sup> Бисенова А. (ред.). Qazaqstan, Казахстан, قازاقستان: лабиринты современного постколониального дискурса. T'Selinnуї, 2023.

<sup>597</sup> Эти выводы опираются на ряд полевых исследований, в частности сделанных в рамках Kazakhstan Sociology Lab: Алиев М., Дудник А., Каппаров А., Алдажуманова М. Где проходят границы? Городские пространства, сообщества и жители. Аналитический отчет / под ред. Волковой Н., Серебренникова Д.; Kazakhstan Sociology Lab. – Астана, 2024. – С. 1–33.

экономических. Таким образом, СМЭ позволяет социологическими методами выявлять взаимное влияние друг на друга различных языков описания, теоретических концептуализаций и подходов.

Наконец, СМЭ позволяет анализировать и проводит различия между различными типами культуры: идеальной и материальной, а также отделять в особую зону круга понятий, связанных с конкретной культурой лишь формально, через повседневное и непроблематичное использование тех же понятий, – эта зона отделяется через выявление канонической формы организации, характерной для данной культуры.

### ***Практическая применимость результатов***

С точки зрения практического использования метода СМЭ данная глава показывает две версии: полную и экспресс-форму, притом что в практических ситуациях эти две формы могут сочетаться в различных пропорциях.

При этом для более точного описания экспресс-формы СМЭ требуется также более глубокая формализация того, как работают отдельные элементы СМЭ – «черный ящик» (ядро эксперимента), его траектории и границы, а также какие отношения возникают между траекториями движения «черного ящика». То есть СМЭ можно представить как изменчивость внешних границ объекта-субъекта, изменчивость его внутренней организации и возникающей под влиянием этих двух типов изменчивости структуры изменений в виде траектории движения «черного ящика». При этом характер траектории: ее нелинейность и фрагментированность будет указывать на ограничения рациональности, присущие данной культуре и данному типу репрезентации.

Таким образом, анализ эмпирических кейсов реализации СМЭ показывает, как СМЭ может разворачиваться в более сложную методологию анализа и как он может быть преобразован для экспресс-оценки технических объектов и отношений между ними.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

### *Основные выводы*

В предложенном диссертационном исследовании был разобран метод социоматериального эксперимента как он сформировался в рамках подхода ANT/STS в 1970–2000-е годы. Хотя формально этот метод не описывался исследователями ANT/STS как самостоятельный экспериментальный подход, можно предположить, что сам проект по его формулированию был неявным экспериментальным проектом в рамках современной социологии и способом ответить на критику Поппера (1961), который утверждал, что социология не является эмпирической наукой. Тем не менее в разные периоды представители ANT/STS обращались к рассмотрению экспериментальных методов, и более того, в одной из поздних статей Ло, один из отцов-основателей ANT, прямо говорит об экспериментальном понятии характера социологии.

С теоретической точки зрения выявление экспериментального характера социологии ANT/STS позволяет говорить о том, что множество экспериментальных техник, которые традиционно существуют в прикладных исследованиях,<sup>598</sup> имеют фундаментальную основу и составляют важную часть социальной теории. Поскольку прикладной характер эксперимента в социологии частично можно объяснить техническим характером метода и его заимствованием из других дисциплин, собственно социологическая концептуализация эксперимента и его составных частей позволяет изменить это положение и предложить развитие экспериментального метода в социологии, основываясь не только на технических аспектах. В частности, как показывает анализ эмпирических кейсов, экспериментальный метод позволяет дать цельное описание эмпирическим исследованиям со сложным и гибким

---

<sup>598</sup> Даже в недавней книге, посвященной экспериментальной социологии, большая часть текста посвящена техническим аспектам экспериментирования: Barrera D. et al. *Experimental sociology: Outline of a scientific field*. – Cambridge University Press, 2024.

дизайном, то есть конструировать эксперимент, используя элементы различных методов и техник.

С точки зрения заявленных во Введении целей анализ СМЭ позволил показать, что метод СМЭ имеет как собственно социологическую генеалогию, связанную с концептом ключевого элемента эксперимента – «черного ящика». Эта генеалогия идет от описания Кантом камеры-обскуры, к противоречиям в описании фотоаппарата Бенямином и Бурдые, и затем через переосмысление фотоаппарата как «черного ящика»-объекта Латуром и его коллегами по ANT/STS.

Отличительной чертой «черного ящика» ANT/STS является то, что, будучи изначально закрытым и неподвижным и начиная двигаться, он сочетает в себе черты объекта и субъекта. Однако субъект-объектные черты «черного ящика» совмещаются в его материальной организации и способах его передвижения, что позволяет исследователям ANT/STS говорить об особом характере социологических исследований: их ориентации не на объективность, а на объектность явлений. Из-за двойного субъект-объектного характера «черный ящик» описывается двумя типами границ: этическими и эстетическими.

Метод СМЭ обладает собственными внутренними теоретическими ограничениями. Эксперимент становится невозможен, если «черный ящик» остается неподвижен и/или закрыт и замкнут в своей субъектности, поскольку в этом случае не происходит переключения между субъектными и объектными характеристиками. В то же время эксперимент также прекращается в случае, если черный ящик становится предельно объективен, а его субъектность оказывается фрагментированной и расщепленной.

Внешними ограничениями для СМЭ становится обратимость его результатов, если не удастся стабилизировать или перевести в иную форму, в серию текущих изменений: стабилизировать внутренние изменения так, чтобы внутренняя организация объекта влияла на внешнее движение, или ограничить

внешнюю изменчивость так, чтобы она отражалась в форме объекта и тем самым стабилизировалась. В первом случае, чтобы стабилизировать социальное исследование, оно должно стать из эксперимента конструированием репрезентаций и описаний (технических или художественных), во втором – конструированием теоретической концептуализации.<sup>599</sup> В то же время, как видно на примере рассмотренных эмпирических кейсов, на периферии двух обратимых и неустойчивых экспериментов может образоваться новая техника, которая будет их взаимно стабилизировать, создавая устойчивую социальную форму, характерную для данной материальной культуры.

Таким образом, реконструкция метода СМЭ позволяет не только показать, как работает социология как эмпирическая и экспериментальная наука. При этом реконструкция метода СМЭ позволяет уточнить характер эксперимента с точки зрения социальной теории. Объектом экспериментирования для социологии оказываются не явления повседневной реальности или чистые методы сбора данных. Наоборот, СМЭ направлен на выявление устойчивого сочетания (сборки) различных «чистых» методов и техник познания, как на полевом этапе, так и на этапе анализа, которые могут быть представлены в частичном и фрагментированном виде в зависимости от особенностей исследуемой ситуации.<sup>600</sup>

В результате исследования были решены следующие задачи.

Во-первых, была проведена историко-теоретическая реконструкция метода СМЭ на примере генеалогии метафоры «черного ящика» в ANT/STS с

---

<sup>599</sup> При этом могут быть описаны и версии эксперимента, которые работают на стыке конструирования репрезентаций и конструирования теории и экспериментируют с описаниями. Однако в рамках данной работы эта версия экспериментирования подробно не рассматривается, скорее важен сам принцип выделения поля экспериментирования в социологии. Как пример эксперимента с репрезентациями см.: Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене. – Пермь : Hyle Press, 2020; Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами // М. : Носорог, 2019.

<sup>600</sup> На уровне концептуального описания такое определение СМЭ близко подходит к тому, что Селия Лури называет „inventive methods”: Lury C. Inventive methods. – London : Routledge, 2012.

представлением этого концепта как возвращение к описанию Кантом камеры-обскуры как инструмента исследования. При этом «черный ящик» СМЭ, в отличие от «черного ящика» естественных наук, подвижен и обладает изменчивыми этическими и эстетическим границами. Именно координация изменчивости двух типов границ, которая становится видимой в ходе движения, и является основным объектом экспериментирования. СМЭ направлен на то, чтобы сделать видимыми неустойчивые и скрытые явления.

Во-вторых, было показано, как СМЭ формирует основания эмпирического подхода в социологии и что означает эмпиризм для социологии познания и ее версий в виде ANT/STS. В отличие от существующего в прикладных исследованиях представления об экспериментальной социологии как наборе техник эксперимента, заимствованных из точных или психологических наук, СМЭ показывает другой подход к эксперименту. В ходе историко-теоретической реконструкции концептуализации СМЭ в ANT/STS было показано, что СМЭ работает на стыке различных подходов и теоретических описаний за счет их противопоставления и выявления более общих формальных оснований. С другой стороны, анализ эмпирических кейсов показывает, что формализация теории происходит через ориентацию на ее способ действия, то есть на методы. При этом задачей СМЭ выявить и формально описать устойчивые сборки фрагментированных и неполных методов, необходимых для описания практических кейсов. Таким образом, СМЭ увязывает эмпирический анализ с анализом возможностей познания и ограничения рациональности культуры с ограничениями возможностей ее непротиворечивого описания.

В-третьих и в-четвертых, историко-теоретический и эмпирический анализ кейсов СМЭ позволил показать, что этические границы «черного ящика»-объекта формируются как его внутренняя структура организации. В то же время внешняя структура организации объекта, его включенность в сети отношений образуют эстетическую границу «черного ящика». При этом в рамках практических экспериментов было продемонстрировано, что

ориентация СМЭ на экспериментирование с этической или эстетической границей «черного ящика»-объекта требует анализа и выявления другого типа техник, за счет которых объект двигается или изменяется: эстетических или этических соответственно. Таким образом, в рамках практических кейсов СМЭ выявляет этические и эстетические (технические) сборки методов познания и позволяет анализировать особенности их фрагментации и взаимного дополнения.

В-пятых, анализ ситуации постсоциалистической культуры – в полном виде на примере России, в рамках экспресс-описания на примере Казахстана – позволяет показать, что дальние переносы техники между двумя контрастными культурами создают неустойчивые формы экспериментов, которые могут стать обратимыми. На примере российского постсоциализма показано, что на периферии действия этих техник может образоваться новая, устойчивая организационная форма, которая будет репрезентовать канон данной материальной культуры. В то же время можно предположить, что в Казахстане подобные эксперименты имеют более устойчивую, хотя и более независимую форму, что приводит к возникновению на пересечении траекторий движения черных ящиков-объектов новых устойчивых объектов и форм в виде событий, локальных мест и историй, с ними связанных.

В-шестых, можно утверждать, что этические и эстетические сборки методов, рассмотренные в рамках практических кейсов мобильности техники в постсоциалистической культуре, образуются не глубокими и расширенными подходами, а упрощенными техническими или элементарными версиями, которые делают возможным сочетание различных методов и их взаимное действие в рамках одной сборки. Это позволяет рассматривать выявление границ познания как основную задачу социоматериального эксперимента ANT/STS через формирование новых гетерогенных методов, сочетающих фрагментированные и частичные элементы различных техник.

В-седьмых, поскольку метод СМЭ также сам может быть встроен в другие гетерогенные методы, особенно в случае его практического применения, на основе исследований по городскому праву, формированию постколониального социального знания в Казахстане и городским исследованиям была предложена форма экспресс-описания канона городских исследований в Казахстане в формате СМЭ, которая может быть развернута при необходимости в формат «быстрого эксперимента».

Таким образом, анализ трех теоретических кейсов и трех практических кейсов, объединенных в рамках двух больших целей – историко-теоретической реконструкции метода СМЭ и определения ограничения рациональности постсоциалистической культуры, – позволяет показать, что эмпирический и экспериментальный метод в рамках социологии знания направлен на выявление ограниченности «чистых» методов познания и формирование гетерогенных метод-сборок,<sup>601</sup> которые позволяют не только описывать наблюдаемые явления в интересах чистого познания, но и деконструировать (экспериментально сфабриковать) способ их действия и изменений, чтобы сделать их открытыми к взаимодействию и управляемыми.

В результате можно утверждать:

1. Историко-теоретическая реконструкция и особенности практического применения метода СМЭ показывают границы эмпирического подхода в социологии знания ANT: предметом эксперимента является переход от «чистых» методов познания к их гетерогенным сборкам для более точного описания способа действия эмпирических объектов и взаимодействия акторов.

2. Гетерогенные сборки методов (метод-сборки) можно рассматривать как фабрикацию социальной теории, что позволяет описывать не идеальные

---

<sup>601</sup> Термин заимствован у Ло, хотя сам Ло не вполне раскрывает его значение, представляется, что предложенная интерпретация метод-сборки близка к описанию Ло. См.: Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – 2015.

культурные конструкты, а материальные и эмпирические ограничения рациональности данной культуры.

3. Метод СМЭ не может быть описан только как идеальная конструкция в результате историко-теоретического анализа: чтобы понять предмет эксперимента и объект фабрикации в рамках данного типа СМЭ и исследовательского направления в социологии, необходимо также анализировать практические кейсы и особенности метод-сборок в них.

4. У эмпирических ограничений рациональности культуры будут различные основания: в нормативной (этической практике) и в способе материальной организации практик и артефактов. При этом для СМЭ в социологии знания, а также ANT-кейс материальной культуры будет предельным: формальное отношение к этическим различиям переводит ситуацию в состояние острого конфликта и делает невозможным дальнейший эксперимент.

5. Метод СМЭ работает только в случае мобильных объектов, поскольку они делают видимыми скрытые культурные границы и ограничения рациональности и дают доступ к скрытым репрезентациям и описаниям.

6. Ограничения возможности проведения СМЭ позволяют отделять повседневные практики от культурно- и организационно-обусловленных, а также проводить различие между идеальными конструктами и материальными ограничениями культуры.

### ***Практическая значимость исследования***

Исследование показывает, каким образом формируется экспериментальный метод в социальных науках второй половины XX века – начала XXI века. С точки зрения практического развития социологии это позволяет формализовать логику соединения методов/метод-сборки в практических исследованиях и обобщать результаты различных исследований

в рамках одной метод-сборки.<sup>602</sup> Таким образом, практические методы, используемые в том числе в коммерческих исследованиях, получают концептуальное оформление и логику и позволяют, с одной стороны, включить их наработки в рамки рассмотрения более общих социальных вопросов, а с другой – восстановить связь между концептуальным подходом к социологическим проблемам и образовательными стратегиями исследователей в прикладной области.

Гибкость СМЭ в работе с ситуациями и проблемами различного масштаба позволяет в том числе говорить о формировании особых исследовательских продуктов, основанных на определенных метод-сборках. Это делает подход к исследованиям, с одной стороны, более индивидуальным («бутиковым»), а с другой – позволяет сохранять управляемость процессов за счет гибкого перехода между различными «быстрыми» техниками и методами.

Таким образом, на основе анализа практических метод-сборок в прикладной и коммерческой социологии, а также их описания как экспериментальных методологий, в дальнейшем можно описывать рынок социальных и смежных исследований, а также анализировать его развитие как организацию работы с различными метод-сборками и конкуренции между ними. В результате экспериментальный социоматериальный метод в области социологии знания позволяет представить область коммерческих социальных исследований не как рынок идей, брендов или авторитетов, а как рынок техник и продуктов и тем самым определять соотношение социальных и экономических предпосылок в его развитии.

Кроме того, в области управления метод СМЭ в рамках ANT позволяет анализировать и прогнозировать последствия внедрения «лучших практик», которые работают как мобильные техники, и делать предположения о

---

<sup>602</sup> Аналогом метод-сборки в проектировании могут быть „program-flows”, а в управлении – „process-flows”.

возможных сценариях их адаптации в рамках конкретной материальной культуры.

### *Перспективы исследования*

Можно предложить несколько стратегий развития данного исследования.

Во-первых, поскольку данное исследование работает только в области социологии знания, то дальнейшее его развитие предполагает выявление экспериментальных основ в других областях социальных исследований, например, в социологии эмоций или в социологии права.

Во-вторых, данное исследование было ограничено только одним типом экспериментов, экспериментами с методами, однако даже в пределах социологии знания могут быть рассмотрены другие, смежные вопросы, связанные с экспериментальными описаниями-репрезентациями или с экспериментальными концептуализациями.

В-третьих, данное исследование позволяет поставить ряд вопросов, которые требуют рассмотрения в дальнейшем:

1. Как может варьироваться упрощение техники или метода в зависимости от сложности сборки, в которую он входит, и в каком случае гетерогенный метод может достигнуть достаточного упрощения отдельных частей, чтобы быть описан как гомогенный, хоть и сложный или составной?
2. Как устроена сеть гетерогенных метод-сборок и каким образом можно выстраивать их генеалогию и описывать пространство развития отдельных элементов? Можно ли считать современные методы упрощенными версиями более ранних метод-сборок?
3. Каково значение экспериментального метода в социологии для развития дисциплины в целом: имеем ли мы дело в этом случае с пространством, где тестируются и формируются новые парадигмы, наиболее устойчивые из которых затем

нормализуются? И может ли быть нормализован сам процесс фабрикации и тестирования новых парадигм? Наконец, можно ли рассматривать перспективы развития данного исследования с точки зрения анализа материальных культур и их ограниченной рациональности?

В данном исследовании акцент был сделан на российских кейсах постсоциализма, однако этот анализ может быть расширен как в пределах Центральной Азии (пример с Казахстаном был также разобран в быстром варианте описания), так и в других странах. Кроме того, предметом анализа может быть другое направление миграции объектов – не из неолиберализма в постсоциалистическую культуру, где мобильными оказываются в основном инструменты регулирования и идеи, а из постсоциалистической практики в неолиберальную, куда перемещаются в основном товары, ресурсы и люди.

Кроме того, анализ в данном исследовании был ограничен мобильными объектами, которые путешествуют в пространстве и на большие расстояния. Этот анализ также необходимо дополнить кейсами с путешествиями во времени/сквозь эпохи и периоды, а также анализом микромобильностей технических объектов.

Таким образом, будет показано, как может работать область экспериментальной социологии на стыке различных культур, времен, пространств и практик, тем самым делая понятными и различимыми более сложные траектории перехода и изменений.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – Т. 10. – С. 76–86.
2. Айбар Э., Бейкер У. И. Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны (пер. с англ. К. Майоровой) // Социология власти. – 2017. – Т. 29. – № 1. – С. 203–232.
3. Алексеевский М. и др. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. – 2008. – С. 179–209.
4. Алиев М., Дудник А., Каппаров А., Алдажуманова М. Где проходят границы? Городские пространства, сообщества и жители. Аналитический отчет / под ред. Волковой Н., Серебренникова Д.; Kazakhstan Sociology Lab. – Астана, 2024. – С. 1–33.
5. Алперс С. Предприятие Рембрандта. Мастерская и рынок. – Ad Marginem, 2022.
6. Алперс С. Искусство описания: голландская живопись в XVII веке / С. Алперс. – М. : V-A-C Press, 2022.
7. Анисимов А. П. Научно-практический комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации / А. П. Анисимов, А. Ю. Чикильдина. – М. : Деловой двор, 2009.
8. Антонова Н. Л. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства / Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, В. В. Полякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – Т. 3. – № 157. – С. 443–462.
9. Артамонов С. Г. Зоны охраны объектов культурного наследия в современном законодательстве (часть 1) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2014. – № 2. – С. 33–38.

10. Атлас успешных практик соучастия и вовлечения жителей в развитие городской среды // АНО «Центр компетенций по вопросам городской среды» : [сайт]. – URL: [https://100gorodov.ru/attachments/1/f5/dc2632-c1a4-4062-9085-a0dde5e0b9ae/Atlas\\_100\\_print\\_.pdf](https://100gorodov.ru/attachments/1/f5/dc2632-c1a4-4062-9085-a0dde5e0b9ae/Atlas_100_print_.pdf) (дата обращения: 15.02.2022).
11. Аузан А. А. и др. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах // Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор» 2002–2009. – 2010. – № 3. – С. 70.
12. Бабичев И. В. Новый этап муниципального строительства: возможности и риски // Местное право. – 2014. – № 3. – С. 10–18; Нанба С. Б. Перераспределение полномочий: соотношение федерального и регионального регулирования / С. Б. Нанба // Журнал российского права. – 2016. – Т. 6. – № 234. – С. 32–40.
13. Баксандалл М. Джотто и ораторы. Рассуждения итальянских гуманистов о живописи и открытии композиции. – М. : Новое литературное обозрение, 2023.
14. Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. – М. : Владимир Даль, 2023.
15. Батыгин Г. С. Три типа социологического дискурса: исторический очерк // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. – № 2. – С. 245–262.
16. Башарин А. В. Проблемы отображения санитарно-защитных зон в градостроительной документации. Комментарий к Апелляционному определению Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2018 № 64-АПГ18-7 // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – Т. 12, № 219. – С. 97–110.
17. Беньямин В. Книга пассажиров: заметки и материалы. Конволют В: Мода // Versus. – 2023. – Т. 2. – С. 141–171. – Р. 148.
18. Беньямин В. Краткая история фотографии. – Ad Marginem, 2013.

- 19.Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // М. : Медиум, 1996.
- 20.Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. – Аграф, 2002.
- 21.Беньямин В. Рассказчик // Озарения. – М. : Мартис, 2000. – С. 345–365.
- 22.Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе / пер. А. Белобратова. – СПб. : Symposium, 2004. – С. 383–418.
- 23.Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. 4. – С. 168–181.
- 24.Бисенова А. (ред.). Qazaqstan, Казахстан, قازقستان: лабиринты современного постколониального дискурса. – Tselinnyĭ, 2023.
- 25.Блур Д. Анти-Латур // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – С. 85–134; Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – С. 135–162.
- 26.Болтански Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. – М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- 27.Бурдьё П. Поле экономики // Социальное пространство: поля и практика. – 2005. – С. 129–176.
- 28.Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё ; пер. с фр. ; под общей редакцией Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007.
- 29.Вальверде М. Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7. – №. 3. – С. 116–139.
- 30.Веретенников Д. И. Конкурсный метод в архитектуре и градостроительстве и оценка его эффективности на примере Санкт-Петербургских конкурсов 1991–2017 гг. // Урбанистика. – 2018. – № 2. – С. 76–86.
- 31.Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М., 1994. – П. 4. 1272.

32. Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. – 2017. – Т. 4. – С. 30–38.
33. Волкова М. Д. «Критика антропологического разума»: несомненная истина и кубинские предсказатели // Социология власти. – 2021. – Т. 33. – №. 4. – С. 147-168.
34. Волкова Н. А. «Хождение за легендами»: исследование тайны как метод. Рецензия на книгу McNeill L. S., & Tucker E. (Eds.) (2018). Legend Tripping: A Contemporary Legend Casebook. University Press of Colorado // Социология власти. – 2024. – Т. 36. – №. 1. – С. 172–191.
35. Волкова Н. А. Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // Социология власти. – 2019. – Т. 31. – № 2. – С. 92–115.
36. Волкова Н. А. Неклассический канон ANT/STS: как корабль превращается в насос? // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 39–80.
37. Волкова Н. А. Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22. – № 5. – С. 54–82.
38. Высоковский А. А. Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане / А. А. Высоковский. – Бишкек : Ега-Басма, 2005.
39. Высоковский А. А. Управление пространственным развитием // Отечественные записки. – 2012. – Т. 48. – № 3. – С. 36–47.
40. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. – 1997. – Т. 1. – С. 170–199.
41. Глазков К. П. Археология периферии: шесть лет спустя // Городские исследования и практики. – 2019. – Т. 4. – № 2 (15). – С. 86–103.
42. Гофман. И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Москва: Институт Социологии РАН, 2003

43. Гоффман, Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. Москва: Изд-во «Элементарные формы», 2017.
44. Градостроительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07.05.1998 № 73-ФЗ : [утратил силу 29.12.2004] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_18685/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18685/) (дата обращения: 07.03.2024).
45. Гудзь Т. В. Правовое зонирование. Регулирование городской застройки. Опыт Перми / Т. В. Гудзь, И. В. Карасельникова, Н. А. Косолапов. – М. : ИД ВШЭ, 2020.
46. Давыдов Ю. Н. и др. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму). – М. : Наука, 1994.
47. Делез Ж. Логика смысла. – Издательство «Академический проект», 2011.
48. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. – М. : ПЕР СЭ, 2001. – С. 225–246.
49. Джойс Д. Улисс. – Азбука-Аттикус, 2014; Кортасар Х. Игра в классики. – Litres, 2021.
50. Добренев В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15-ти т // М. : ИНФРА-М, 2003–2007.
51. Дуглас М. Как мыслят институты. – М. : Элементарные формы, 2020.
52. Замятин А. За демократию: местная политика против деполитизации. – Ridero, 2020.
53. Зиммель Г. Рама картины. Эстетический опыт // Социология вещей. – 2006. – С. 48.
54. Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. – М. : Юрист, 1996. – С. 301–465.

55. Индекс качества городской среды // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации : [сайт]. – URL: [https:// индекс-городов.рф/#/](https://индекс-городов.рф/#/) (дата обращения: 15.02.2024).
56. Казакова С. Ответственность местных органов власти за противодействие при строительстве объектов. Анализ споров // Жилищное право. – 2018. – № 11. – С. 81–94.
57. Каплун В. Л. Современность по Фуко: альтернативный проект Просвещения // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 1. – С. 104–119.
58. Карнап Р., Шрамко Я. В. Психология на языке физики // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 126–146.
59. Картавцев В. В. Быстрая этнография (REAPFQI+): к прагматике полевых обследований // Социология власти. – 2021. – Т. 33. – № 3. – С. 52–77.
60. Киль Ю. Э., Сеницына В. А. Согласование архитектурно-градостроительного облика: спорные вопросы и перспективы совершенствования законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 13. – С. 40–70.
61. Кобылин И. И. «Мыследеятельностьная» гвернаментальность: история и классовое сознание управленца // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – № 1. – С. 183–198.
62. Кобылин И. Игры методологов: Мишель Фуко и «оргуправленческий» проект Георгия Щедровицкого // Философско-литературный журнал «Логос». – 2019. – Т. 29. – № 2 (129). – С. 268–288.
63. Косарева Н. Б., Полиди Т. Д. Доступность жилья в России и за рубежом // Вопросы экономики. – 2019. – Т. 7. – С. 29–51.
64. Кузнецов А. Г. Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // Социология власти. – 2020. – Т. 32. – № 2. – С. 157–182.

65. Кузнецов А. Метод Латура: семиотика между литературой и наукой // Философско-литературный журнал «Логос». – 2018. – Т. 28. – № 5 (126). – С. 85–112.
66. Кун Т. Структура научных революций. – М. : Neoclassic, 2020.
67. Куракин Д. «Сильная программа» в культурсоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии. Послесловие редактора спецвыпуска // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 155–178.
68. Куракин Д. Массовые опросы как «эпистемическая машина»: социология в стиле «киберпанк» // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 92–101.
69. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – 2008.
70. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 95–156.
71. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». – СПб. : Издательство Европейского университета, 2015.
72. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 79–98.
73. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2006.
74. Лаэт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Философско-литературный журнал «Логос». – 2017. – Т. 27. – № 2 (117). – С. 171–232.
75. Лебедева Е. Б., Бусыгина И. М. Административно-территориальное деление в РФ: реформы и фактор политического режима // ПОЛИС. Политические исследования. – 2012. – № 3. – С. 45–62.

76. Левинас Э. Ракурсы / Э. Левинас ; пер. Н. Б. Маньковской // Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – С. 334.
77. Линч М. Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. – 2013. – № 1-2. – С. 155–213.
78. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – Изд-во Института Гайдара, 2015.
79. Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006 [2002]. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.
80. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов. – М. : Инфотропик медиа, 2017.
81. Медушевский А. Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. Социология. Этнология. – 2007. – Т. 16. – № 1. – С. 59–98.
82. Медушевский А. Н. Власть и собственность в современной России: принятие Земельного кодекса Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 1. – С. 1–13.
83. Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. – М. : Наука, 2005.
84. Мишель К., Сесиль М., Вололона Р. Экономика качеств // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11. – № 4. – С. 59–87.
85. Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике // Пермь: Гиле Пресс. – 2017. – С. 8.
86. Москалева С. (Со)участие и экспертиза граждан в градостроительных проектах: социальные противоречия и перспективы // Городские асимметрии: политики, практики и репрезентации : монография / О. Е. Бредникова, Е. П. Евдокимова, Г. В. Еремичева [и др.] ; ответственный

- редактор Е. В. Тыканова ; ФНИСЦ РАН. – М. ; СПб. : ФНИСЦ РАН, 2024. – С. 135–149.
87. Напреенко И. В. Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура // Социология власти. – 2013. – № 1-2. – С. 75–98.
88. Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами // М. : Носорог, 2019.
89. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.03.2024).
90. Об основах градостроительства в Российской Федерации : Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3295-1 : [утратил силу] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_732/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_732/) (дата обращения: 07.03.2024).
91. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков : Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 10 ноября 2020 г. № П/0412 : (с изменениями на 23 июня 2022 года). – Москва, 2020.
92. Об утверждении правил землепользования и застройки города Москвы : Постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. № 120-ПП // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.03.2024).
93. Отто Н. Псевдорационализм фальсификации // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2009. – Т. 19. – № 1. – С. 218–229.
94. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма»; Готическая архитектура и схоластика. – 2004.
95. Паперный В. Культура два. – М. : Новое литературное обозрение, 2016.
96. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 3. – С. 3–12.

97. Петров К. А. Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно // Социология власти. – 2023. – Т. 35. – № 2. – С. 18–37.
98. Подковырова М. А., Прошина В. В. Технология разработки цифровой дежурной кадастровой карты города // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 646–662.
99. Попова К. Исследования визуального в этнометодологии // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 212–232.
100. Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – Т. 10. – С. 65–75.
101. Поппер К. Логика научного исследования. – 1983. – С. 342.
102. Поппер К. Логика и рост научного знания. – Москва, 1983.
103. Портер Т. Как наука стала технической // Философско-литературный журнал «Логос». – 2020. – Т. 30. – № 1; Шейпин С. Как быть антинаучными // Философско-литературный журнал «Логос». – 2020. – Т. 30. – № 1 (134). – С. 159–185.
104. Порядок составления технического задания на разработку проекта мастер-плана // Механизмы разработки и внедрения мастер-плана : Национальный стандарт мастер-планов. Книга 3. Глава 2. – С. 22–37. – URL: <https://вэб.рф/natsionalnyy-standart-master-planov/> (дата обращения: 16.02.2025).
105. Правила аналитического чтения / Клуб аналитического чтения Шанинки и ФСФ. – URL: <https://vk.com/club76609582> (дата обращения: 15.02.2024).
106. Правовое зонирование города. Введение в проблемы градорегулирования в рыночных условиях / под ред. Э. К. Трутнева. – М. : Фонд «Институт экономики города», 2002. – 106 с.
107. Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах / под ред. А. А. Высоковского, У. Валетта. – М. : Русская панорама, 1999.

108. Расшифровка дискуссии Полины Колозариدي и Константина Гаазе «Социальные исследования после метода»: семинар (г. Москва, МВШСЭН) / П. Колозариди, К. Гаазе // Московская высшая школа социальных и экономических наук : [сайт]. – URL: <https://www.msses.ru/media/video/sotsialnye-issledovaniya-posle-metoda-rasshifrovka-diskussii/> (дата обращения: 16.02.2025).
109. Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с фр. Рикер П., Борисенкова А., Филиппов А. // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 25–43.
110. Ритвельд Э. Богатый ландшафт аффордансов // Социология власти. – 2024. – Т. 36. – № 2. – С. 170–206.
111. Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли. Т. 2. Природа фирмы / под ред. В. М. Гальперина. – СПб. : Экономическая школа, 1999. – С. 54–72.
112. Салин А. Как упаковать жизненный мир в черный ящик: инструкция по сборке // Философско-литературный журнал «Логос». – 2018. – Т. 28. – № 5 (126). – С. 137–168.
113. Сафарова М. Д. Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6. – № 2. – С. 65–83.
114. Семёнов А. В., Гилёва А. И. Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма // Экономическая социология. – 2022. – Т. 23. – № 4. – С. 73–95.
115. Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 189–204.
116. Семенов А. В., Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации

- конфликта // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – Т. 21. – № 3. – С. 140–169.
117. Серр М. Паразит / пер. с фр. А. Лобановой // Носорог. – 2016. – № 5. – С. 175–219.
118. Смирнягин Л. В. Районирование общества: методика и алгоритмы // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – 2011. – С. 55–82.
119. Старк Д. Гетерархия: организация диссонанса // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 1. – С. 57–89.
120. Стенгерс И. Восстанавливая анимизм Переплетения: вместо послесловия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – № 2. – С. 80–94.
121. Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Российской Федерации от 10 июня 2004 года // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. – URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2004-06-10> (дата обращения: 07.03.2024).
122. Столярова О. Е. О возможности критики научно-технического знания // Социология власти. – 2012. – № 6-7. – С. 13–26.
123. Тесля А. А., Колозарики П. В. «Как большой проект социология закрыта»: беседа с Александром Филипповым о каноне в социологии // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 17–38.
124. Тилли Ч. От мобилизации к революции // пер. с англ. под науч. ред. Сергея Моисеева. – М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021; Alexander J. C. Theoretical logic in sociology. – 1982. – Т. 1.
125. Титков А. С. Зачем вспоминать старое? // Социология власти. – 2019. – Т. 31. – № 4. – С. 8–11.

126. Ткаченко С. Б. Концепции застройки Зарядья: от гостиницы до парка // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2019. – Т. 9. – № 1 (28). – С. 196–213.
127. Тлеукен А., Лабунцова М. Мобильные практики регулирования: Дизайн-код и бюджет народного участия // ULY DALA: Журнал городских и социальных исследований. – 2023. – № 1(6). – С. 112–163.
128. Трубина Е. Тридцать лет академической урбанистики в постсоветской России // Новое литературное обозрение. – 2022. – № 6. – С. 125–145.
129. Трутнев Э. К. Правовое зонирование города Хабаровска. Установление прав использования недвижимости посредством местного нормативного правового акта – «Правил застройки и землепользования». – М. : Фонд «Институт экономики города», 2000.
130. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 5. – С. 109–125.
131. Уильям Д. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ., под ред. и с предисл. С. В. Лурье. – М. : КомКнига, 2010; Шюц А. О множественных реальностях / А. Шюц; пер. с англ. В. Г. Николаева // Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 401–455.
132. Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы : исследование / Е. В. Короткова, К. В. Мокрушина, Е. В. Куричева [и др.] ; под общ. ред. К. В. Мокрушиной, С. А. Журавлева ; Московский урбанистический форум, Сколково. – М. : Сити Сфера, 2016. – 107 с. – URL: [https://urbc.skolkovo.ru/downloads/documents/SUrbC/Research\\_Reports/SKOLKOVO\\_UrbC\\_Research\\_2016-06\\_ru.pdf](https://urbc.skolkovo.ru/downloads/documents/SUrbC/Research_Reports/SKOLKOVO_UrbC_Research_2016-06_ru.pdf) (дата обращения: 16.02.2025).

133. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия // М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
134. Урри Д. Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвеевко. – М. : Дело, 2018.
135. Филиппов А. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 3. – С. 75–114.
136. Филиппов А. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 3–15.
137. Филиппов А. Пустое и наполненное: трансформация публичного места // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 16–29.
138. Филиппов А. Ф. Действие как событие и текст: к социологическому осмыслению Поля Рикёра // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 90–108.
139. Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 43–97.
140. Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 5–37.
141. Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 65–81.
142. Филиппов А. Ф. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. – 2012. – № 5. – С. 8–23.
143. Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / под ред. С. Чернышева. – 1995. – Т. 3. – С. 421–476. – URL: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (дата обращения: 16.02.2025).
144. Филиппов А. Ф. Элементарная социология. – М. : Рипол Классик, 2019.

145. Филиппов А. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 96–117.
146. Филиппов А. Ф. Камень, который отвергли строители. Статья вторая // Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ : [сайт]. – URL: [https://cfs.hse.ru/social\\_disc\\_2](https://cfs.hse.ru/social_disc_2) (дата обращения: 16.02.2025).
147. Филиппов А. Ф. Фундаментальная социология и политическая философия: тезисы к вступительной лекции по курсам «История социологии» и «История политической мысли» // Центр фундаментальной социологии : [сайт]. – 2010. – URL: <https://cfs.hse.ru/news/137873366.html> (дата обращения: 16.02.2025).
148. Филиппов А. Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05. – М. : ГУ ВШЭ, 2004.
149. Филиппов А. Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма // Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. – М. : Праксис, 2008. – С. 99–143. – С. 109.
150. Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы: очерки. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012.
151. Формирование комфортной городской среды // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://gorodsreda.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).
152. Фуко М. (2011). Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. – М. : Наука. С. 261–267.
153. Фуко М. Рождение биополитики. – СПб. : Наука, 2010.
154. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. – Ad Marginem, 2017. – Т. 27.

155. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене // Пермь : Гиле Пресс, 2020.
156. Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Философско-литературный журнал «Логос». – 2022. – Т. 32. – № 1 (146). – С. 237–271.
157. Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – ЕУ СПб. ; Летний сад, 2002.
158. Хархордин О. В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 32–42.
159. Чурсина Ю. А. «Уехать от» vs «Уехать для». Качество городской среды как фактор миграционных установок населения // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 142–164.
160. Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. Цифровые технологии управления в действии, или Об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 71–87.
161. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – С. 28–33.
162. Шрамко Я. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос. – 2005. – № 2. – С. 4–12.
163. Шютц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 139–142.
164. Шюц А., Корбут А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – № 2. – С. 3–34.
165. Эйзенштейн С. М. Монтаж // Музей кино. – 2000; Эйзенштейн С. М. Вертикальный монтаж. – Directmedia, 2016.
166. Ямпольский М. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М. : Новое издательство, 2018.

167. Akrich M. The de-description of technical objects // Shaping technology/building society. Studies in sociotechnical change. – 1992. – C. 205–224.
168. Akrich M., Latour B. A summary of a convenient vocabulary for the semiotics of human and nonhuman assemblies // Shaping technology/building society studies in sociotechnical change. – 1992. – C. 259–264.
169. Alexander J. C. Critical reflections on 'reflexive modernization' // Theory, culture & society. – 1996. – T. 13. – № 4. – C. 133–138.
170. Alexander J. C. Theoretical logic in sociology. – Berkeley : University of California Press, 1982.
171. Alexander J. C., Smith P. The strong program in cultural sociology: Meaning first // Routledge handbook of cultural sociology. – Routledge, 2018. – C. 13–22.
172. Archer M. The social ontology of critical realism // Sociological Realism. – 2011. – T. 1. – C. 1–19.
173. Barad K. Meeting the universe halfway: Quantum physics and the entanglement of matter and meaning // Duke Up. – 2007; Barad K. What flashes up: Theological-political-scientific fragments // Entangled worlds. – 2017. – C. 21–88.
174. Bardon G. The Great Painting, Napperby Death Spirit Dreaming, and Tim Leura Tjapaltjarri // Ryan. – nd. – P. 46–47.
175. Barnes B. Interests and the Growth of Knowledge (RLE Social Theory). – Routledge, 2014.
176. Barnes A. S. Property and politics: Privatization, land reform, and institutional development in Russia, 1900–1996: PhD Thesis. – Princeton : Princeton University, 1998.
177. Barrera D. et al. Experimental sociology: Outline of a scientific field. – Cambridge University Press, 2024.

178. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. – Stanford University Press, 1994.
179. Benjamin W. The arcades project. – Harvard University Press, 1999.
180. Benjamin W. The storyteller: Reflections on the work of Nicolai Leskov // Illuminations: Essays and reflections. – 1968. – P. 83–109.
181. Bijker W. E., Bal R., Hendriks R. The paradox of scientific authority: The role of scientific advice in democracies. – MIT press, 2009.
182. Blomley N. Performing property: Making the world / N. Blomley // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. – 2013. – Vol. 26. – № 1. – P. 23–48.
183. Bloor D. Essay Review: Popper's Mystification of Objective Knowledge: KR Popper, Objective Knowledge: an Evolutionary Approach. Oxford: Clarendon Press, 1972. x+ 380.£ 4.50 hardback,£ 1.50 paper // Science studies. – 1974. – T. 4. – №. 1. – C. 65-76.
184. Bloor D. Wittgenstein. A social theory of knowledge // British Journal for the Philosophy of Science. – 1985. – T. 36. – № 3; Barnes B., Law J. Whatever should be done with indexical expressions? // Theory and society. – 1976. – T. 3. – № 2. – C. 223–237.
185. Boltanski L. On Justification: The Economies of Worth / L. Boltanski, L. Thévenot. – Princeton : Princeton University Press, 2006.
186. Borch C. The politics of crowds: An alternative history of sociology. – Cambridge University Press, 2012.
187. Bourdieu P. et al. Photography: The Social Uses of an Ordinary Art. – Polity Press, 1989 [1965].
188. Bourdieu P. Photography: A Middle-brow Art. – Stanford University Press, 1990.
189. Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. The love of art: European art museums and their public. – Polity Press, 1991.

190. Bourdieu P., Passeron J. C. Reproduction in education, society and culture. – Sage, 1990. – T. 4. – P. 56.
191. Bourdieu P., Schultheis F. Picturing Algeria. – Columbia University Press, 2012.
192. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste / P. Bourdieu; translated by R. Nice. – Cambridge : Harvard University Press, 1984. – P. 4–5.
193. Bourdieu P. The Inheritors: French Students and Their Relation to Culture / P. Bourdieu, J.-C. Passeron. – Chicago : University of Chicago Press, 1979 [1964]; Bourdieu P. et al. Photography: The Social Uses of an Ordinary Art. – Polity Press, 1989 [1965].
194. Çalışkan K., Callon M. Economization, part 1: shifting attention from the economy towards processes of economization //Economy and society. – 2009. – T. 38. – №. 3. – C. 369-398.
195. Callon M. Is science a public good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 march 1993 //Science, Technology, & Human Values. – 1994. – T. 19. – №. 4. – C. 395-424.
196. Callon M. Markets in the making: Rethinking competition, goods, and innovation. – Princeton University Press, 2021;
197. Callon M. The state and technical innovation: a case study of the electrical vehicle in France // Research policy. – 1980. – T. 9. – № 4. – C. 358–376.
198. Callon M. et al. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so // Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies. – 1981. – T. 1. – C. 277–303.
199. Callon M., Law J., Rip A. Putting texts in their place // Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of science in the real world. – London : Palgrave Macmillan UK, 1986. – C. 221–230.

200. Carnap R. Testability and meaning // Philosophy of science. – 1936. – T. 3. – № 4. – С. 419–471.
201. Connell R. W. Why Is Classical Theory Classical? // American Journal of Sociology. – 1997. – Vol. 103. – P. 1511–1557.
202. Cooren F. Textual agency: How texts do things in organizational settings //
203. Currie G., Musgrave A. (ed.). Popper and the human sciences. – Springer Science & Business Media, 2012. – Т. 19.
204. Douglas M. The social preconditions of radical scepticism 1 // The Sociological Review. – 1984. – Т. 32. – № S1. – С. 68–87.
205. Ellis D. P. The Hobbesian problem of order: A critical appraisal of the normative solution // American Sociological Review. – 1971. – С. 692–703.
206. Filippov A. F. The other „Hobbes' people”: An alternative reading of Hobbes // Journal of Classical Sociology. – 2013. – Vol. 13. – № 1. – P. 113–135.
207. Frisby D. The Popper-Adorno controversy: The methodological dispute in German sociology // Philosophy of the Social Sciences. – 1972. – Т. 2. – №. 1. – С. 105-119.
208. Gallinat A. The anthropology of post-socialism: Theoretical legacies and conceptual futures—An introduction // Critique of Anthropology. – 2022. – Vol. 42, № 2. – P. 103–113.
209. Giddens A. Classical Social Theory and the Origins of Modern Sociology // American Journal of Sociology. – 1976. – Vol. 81. – № 4. – P. 703–729.
210. Haraway D. Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective 1 // Women, science, and technology. – Routledge, 2013. – С. 455–472.
211. Hart P. Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion // Novgorod Regional Investment Initiative / ed. M. Miller [Электронный ресурс]. – 1998. – URL:

<https://www.urban.org/sites/default/files/publication/70786/411083-Novgorod-Regional-Investment-Initiative.PDF> (дата обращения:

08.03.2023).

212. Healey P. Planning through debate: The communicative turn in planning theory // *Town planning review*. – 1992. – Т. 63. – № 2. – С. 143.
213. Hennion A. *The passion for music: A sociology of mediation*. – Routledge, 2017.
214. Hennion A., Latour B. *Objet d'art, objet de science. Note sur les limites de l'anti-fétichisme* // *Sociologie de l'art*. – 1993. – № 6. – С. 7–24.
215. Hennion A., Muecke S. From ANT to pragmatism: a journey with Bruno Latour at the CSI // *New Literary History*. – 2016. – Т. 47. – № 2. – С. 289–308.
216. Hetherington K. The utopies of social ordering – Stonehenge as a museum without walls // *The Sociological Review*. – 1995. – Т. 43. – № S1. – С. 153–176.
217. Johnson R., Bourdieu P. *The field of cultural production: Essays on art and literature* // Cambridge : Polity. – 1993. – P. 259–260.
218. Kant I. *Kant's inaugural dissertation of 1770*. – Columbia college, 1894. – Т. 1. – № 2.
219. Keuth H. (2015). The positivist dispute in German sociology: A scientific or a political controversy? *Journal of Classical Sociology*, 15(2), 154–169.
220. Kraut R. *Rudolf Carnap: Pragmatist and expressivist about ontology* // *The Routledge handbook of metametaphysics*. – Routledge, 2020. – С. 32–48.
221. Laet M. de. *Patents, travel, space: ethnographic encounters with objects in transit* // *Environment and planning D: Society and Space*. – 2000. – Т. 18. – № 2. – С. 149–168.
222. Lakatos I., Musgrave A. *Inductive Logic*. – Amsterdam : North Holland Publ. Co., 1968.

223. Lash S. Being after time: towards a politics of melancholy // *Journal for Cultural Research*. – 1998. – T. 2. – № 2-3. – P. 305–319.
224. Lash S. M. *Critique of information*. – London : SAGE Publications, 2001.
225. Lash S. Postmodern ethics: The missing ground // *Theory, Culture & Society*. – 1996. – T. 13. – № 2. – C. 91–104.
226. Lash S. Reflexive modernization: The aesthetic dimension // *Theory, culture & society*. – 1993. – T. 10. – № 1. – C. 1–23.
227. Lash S. Technological forms of life // *Theory, Culture & Society*. – 2001. – T. 18. – № 1. – C. 105–120.
228. Lash S. *Another modernity, a different rationality* / S. Lash. – Oxford : Blackwell, 1999.
229. Lash S. Deforming the figure: Topology and the social imaginary / S. Lash // *Theory, Culture & Society*. – 2012. – Vol. 29. – № 4-5. – P. 261–287.
230. Lash S. Discourse or figure? Postmodernism as a Regime of signification / S. Lash // *Theory, Culture & Society*. – 1988. – Vol. 5. – № 2-3. – P. 311–336;
231. Lash S. M. *Unruly objects* / S. M. Lash // *Critique of information*. – London : SAGE Publications, 2001. – Ch. 5. – P. 46–64.
232. Lash S. *Postmodernity and Desire* / S. Lash // *Theory and Society*. – 1985. – Vol. 14. – № 1. – P. 1–33.
233. Lash S. Reflexivity as non-linearity / S. Lash // *Theory, culture & society*. – 2003. – Vol. 20. – № 2. – P. 49–57.
234. Lash S., Urry J. *Economies of signs and space*/ London : Sage, 1993.
235. Latour B. A relativistic account of Einstein's relativity // *Social studies of science*. – 1988. – T. 18. – № 1. – C. 3–44.
236. Latour B. From the World of Science to the World of Research? // *Science*. – 1998. – T. 280. – №. 5361. – C. 208-209.
237. Latour B. The Force and the Reason of Experiment: For Françoise Bastide. In memoriam // *Experimental inquiries: Historical, philosophical and*

- social studies of experimentation in science. – Dordrecht : Springer Netherlands, 1990. – C. 49-80.
238. Latour B. Which protocol for the new collective experiments // *Kultur im Experiment*. – 2004. – C. 17-36.
239. Latour B., Fabbri P. The rhetoric of science: Authority and duty in an article from the exact sciences // *Discourse and Writing/Rédactologie*. – 2000. – T. 16. – № 1. – C. 115–134.
240. Latour B., Harman G., Erdélyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE: The Latour and Harman at the LSE*. – John Hunt Publishing, 2011.
241. Latour B., Salk J., Woolgar S. *Laboratory life: The construction of scientific facts*. – 2013.
242. Law J. Actor-network theory and material semiotics // *The new Blackwell companion to social theory* / ed. by B. Turner. – Oxford : Blackwell, 2009. – P. 141–158.
243. Law J. After ANT: complexity, naming and topology // *The sociological review*. – 1999. – T. 47. – № 1\_suppl. – P. 1–14.
244. Law J. *Enacting Naturecultures. A View from STS* // Version of 24th February. – 2004.
245. Law J. *Laboratories and texts // Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of science in the real world*. – London : Palgrave Macmillan UK, 1986. – C. 35–50.
246. Law J. Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity // *Systems practice*. – 1992. – T. 5. – C. 379–393.
247. Law J. On sociology and STS // *The sociological review*. – 2008. – T. 56. – № 4. – C. 623–649.
248. Law J. On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India // *The Sociological Review*. – 1984. – T. 32. – № S1. – C. 234–263.

249. Law J. On the subject of the object: Narrative, technology, and interpellation // *Configurations*. – 2000. – T. 8. – № 1. – C. 1–29.
250. Law J. The heterogeneity of texts // *Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of science in the real world*. – London : Palgrave Macmillan UK, 1986. – C. 67–83.
251. Law J. Theory and narrative in the history of technology: Response // *Technology and Culture*. – 1991. – T. 32. – № 2. – C. 377–384.
252. Law J. What's wrong with a one-world world? // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. – 2015. – T. 16. – № 1. – C. 126–139
253. Law J., Benschop R. Resisting pictures: representation, distribution and ontological politics // *The Sociological Review*. – 1998. – T. 45. – № 1\_suppl. – P. 158–182.
254. Law J., Lin W. Care-ful research: Sensibilities from science and technology studies (STS) // *The SAGE handbook of qualitative research design*. – London: Sage, 2022. – Vol. 2. – P. 127–141.
255. Law J., Lin W. Care-ful research: Sensibilities from STS // *Heterogeneities*. Accessed June. – 2020. – T. 26. – C. 2022.
256. Law J., Lodge P. Negotiation, Persuasion and the Power of Knowledge // *Science for Social Scientists*. – London : Palgrave Macmillan UK, 1984. – C. 143–154.
257. Law J., Lynch M. Lists, field guides, and the descriptive organization of seeing: Birdwatching as an exemplary observational activity // *Human Studies*. – 1988. – C. 271–303.
258. Law J., Mol A. Notes on materiality and sociality // *The sociological review*. – 1995. – T. 43. – № 2. – C. 274–294.
259. Law J., Mol A. Situating technoscience: an inquiry into spatialities // *Environment and planning D: society and space*. – 2001. – T. 19. – №. 5. – C. 609-621.
260. Law J., Mol A. Words to think with: An introduction // *The Sociological Review*. – 2020. – T. 68. – № 2. – C. 263–282.

261. Law J., Singleton V. Object lessons // *Organization*. – 2005. – T. 12. – № 3. – C. 331–355.
262. Law J., Whittaker J. On the art of representation: notes on the politics of visualisation // *The Sociological Review*. – 1987. – T. 35. – № 1\_suppl. – C. 160–183.
263. Law J., Williams R. J. Putting facts together: A study of scientific persuasion // *Social studies of science*. – 1982. – T. 12. – № 4. – C. 535–558.
264. Law J. Laboratories and texts // *Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of Science in the Real World* / ed. M. Callon, J. Law, A. Rip. – London : Palgrave Macmillan, 1986. – P. 35–50.
265. Law J. On sociology and STS // *The Sociological Review*. – 2008. – Vol. 56. – № 4. – P. 623–649.
266. Law J. The heterogeneity of texts / J. Law // *Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of Science in the Real World* / ed. M. Callon, J. Law, A. Rip. – London : Palgrave Macmillan, 1986. – P. 67–83.
267. Leblanc H., Fraassen B. C. van. On Carnap and Popper probability functions // *The Journal of Symbolic Logic*. – 1979. – T. 44. – № 3. – C. 369–373.
268. Lin W. Y., Law J. Making Things Differently: On „Modes of International” // *Centre for Research on Socio-Cultural Change*. – Manchester, 2013. – URL: <http://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp129.pdf?subid1=20220601-1943-36b8-afaf-ba431671f984> (accessed: 16.02.2025).
269. Lury C. *Inventive methods*. – London : Routledge, 2012.
270. Lynch M. E. *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. – University of California, Irvine, 1979.
271. Lynch M. Science in the age of mechanical reproduction: Moral and epistemic relations between diagrams and photographs // *Biology and Philosophy*. – 1991. – T. 6. – C. 205–226.

272. Lynch M., Edgerton S. Y., Jr. Aesthetics and digital image processing: Representational craft in contemporary astronomy // *The Sociological Review*. – 1987. – T. 35. – № 1\_suppl. – C. 184–220.
273. Lynch M., Woolgar S. *Representation in Scientific Practice*. – Cambridge : MIT Press, 1990.
274. Manovich L. *Cultural analytics*. – MIT Press, 2020.
275. *Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of Science in the Real World* / M. Callon, A. Rip, J. Law. – London : Palgrave Macmillan, 1986. – 242 p.
276. Marres N. *Material participation: Technology, the environment and everyday publics*. – Springer, 2016.
277. Marres N., Stark D. Put to the test: For a new sociology of testing // *The British Journal of Sociology*. – 2020. – T. 71. – № 3. – C. 423–443.
278. Matthewman S. Michel Foucault, Technology, and Actor–Network Theory // *Techne: Research in Philosophy & Technology*. – 2013. – T. 17. – № 2.
279. Mol A. Ontological politics. A word and some questions // *The sociological review*. – 1999. – T. 47. – № 1\_suppl. – C. 74–89.
280. Mol A., Law J. Regions, networks and fluids: Anaemia and social topology // *Social studies of science*. – 1994. – T. 24. – № 4. – C. 641–671.
281. Moskaleva S. Civic Urban Expertise in St Petersburg (2012–2019) / S. Moskaleva // *Europe-Asia Studies*. – 2023. – Vol. 75. – № 9. – P. 1–23.
282. Munch R. Talcott Parsons and the theory of action. I. The structure of the Kantian Core // *American Journal of Sociology*. – 1981. – Vol. 86. – № 4. – P. 709–739.
283. Niiniluoto I. Carnap on truth // *Language, Truth and Knowledge: Contributions to the Philosophy of Rudolf Carnap*. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2003. – C. 1–25.

284. Ortiz de Landázuri M. C. Schlick and Popper on Causality and Quantum Physics: Origins and Perspectives of the Debate // *International Studies in the Philosophy of Science*. – 2024. – T. 37. – № 3. – C. 75–94.
285. Parsons T. et al. *The structure of social action*. – New York : Free press, 1949.
286. Pottage A. Law machines: Scale models, forensic materiality and the making of modern patent law // *Social Studies of Science*. – 2011. – T. 41. – № 5. – C. 621–643.
287. Pottage A. *Paper prototypes* // *Knowledge, Technology and Law*. – Routledge, 2014. – C. 223–238.
288. Pottage A. *The Cadastral Metaphor: Intersections of Property and Topography* // *Constituting Modernity: Private Property in the East and West*. – 2004. – T. 5. – C. 180.
289. Ray L. J. *Critical theory and positivism: Popper and the Frankfurt School* // *Philosophy of the Social Sciences*. – 1979. – T. 9. – №. 2. – C. 149–173.
290. Rauer C. *Kant's Philosophy of Projection: The Camera Obscura of the Inaugural Dissertation* // *Rethinking German Idealism*. – 2016. – C. 21–50.
291. Rindzevičiūtė E. The future as an intellectual technology in the soviet union: from centralised planning to reflexive management 1 // *Cahiers du monde russe*. – 2015. – T. 56. – № 1. – C. 111–136.
292. Romizi D. The Vienna Circle's „scientific world-conception”: Philosophy of science in the political arena // *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*. – 2012. – T. 2. – № 2. – C. 205–242.
293. Sarkar S. *The Vienna Circle: The Story of Logical Empiricism*. – Taylor & Francis, 2024.
294. Sarkar S. *The Vienna Circle: The Story of Logical Empiricism*. – Taylor & Francis, 2024; Hacohen M. H. *Karl Popper, the Vienna circle, and red*

- Vienna // *Journal of the History of Ideas*. – 1998. – T. 59. – № 4. – C. 711–734.
295. Schlager E. Property-rights regimes and natural resources: a conceptual analysis / E. Schlager, E. Ostrom // *Land economics*. – 1992. – Vol. 68. – № 3. – P. 249–262.
296. Shapin S. Pump and circumstance: Robert Boyle's literary technology // *Social studies of science*. – 1984. – T. 14. – № 4. – C. 481–520.
297. Shapin S. Understanding the Merton thesis // *Isis*. – 1988. – T. 79. – № 4. – C. 594–605.
298. Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. – Princeton University Press, 2011.
299. Sikor T. Property Rights Regimes and Natural Resources: A Conceptual Analysis Revisited // *World Development*. – 2017. – Vol. 93. – № C. – P. 337–349.
300. Souvatzi S., Baysal A., Baysal E. (ed.). *Time and history in prehistory*. – Routledge, 2018.
301. Spencer J. Illusion as ingenuity: Dutch perspective boxes in the Royal Danish Kunstkammer's „Perspective Chamber” // *Journal of the History of Collections*. – 2018. – T. 30. – № 2. – C. 187–201.
302. Star S. L. Introduction: The sociology of science and technology // *Social Problems*. – 1988. – T. 35. – № 3. – C. 197–205.
303. Stadler F. What is the Vienna Circle? Some methodological and historiographical answers // *The Vienna circle and logical empiricism: Re-evaluation and future perspectives*. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2003. – P. XI–XXIII.
304. Stadler F., Nielsen C. R. *The Vienna circle: Studies in the origins, development, and influence of logical empiricism*. – Vienna : Springer, 2001.
305. Stengers I. *Cosmopolitics*. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2010. – T. 1.

306. Strathern M. Cutting the network // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 1996. – C. 517–535.
307. Szacki J. Contemporary Sociology and Sociological Classics // The Polish Sociological Bulletin. – 1988. – № 84. – P. 5–16.
308. Verran H. Re-imagining land ownership in Australia // Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy. – 1998. – T. 1. – № 2. – C. 237–254
309. Hilgers P. von. The history of the black box: The clash of a thing and its concept // Cultural Politics. – 2011. – T. 7. – № 1. – C. 41–58.
310. Wagner P. Modernity. – Polity, 2012.
311. Walder A. G. Transitions from state socialism: A property rights perspective // The sociology of economic life. – Routledge, 2018. – C. 503–525.
312. Walder A. G., Luo T., Wang D. The Property Revolution: Enterprise Restructuring and Social Change in Transitional Economies // Working paper. – 2011.
313. Watson (Verran) H., Chambers D. W. Singing the land, signing the land. / Portfolio of exhibits [Electronic resource]. – URL: <http://singing.indigenouknowledge.org/exhibit-5.html>.
314. Whitley R. D. Black boxism and the sociology of science: A discussion of the major developments in the field // The Sociological Review. – 1970. – T. 18. – № 1\_suppl. – C. 61–92.
315. Williams K. Facing reality – A critique of Karl Popper's empiricism // Economy and Society. – 1975. – Vol. 4. – № 3. – P. 309–358.